

Татьяна Веденская

О рыцарях и лжецах

роман

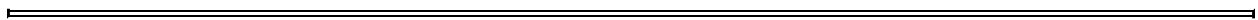
*Возвращает к счастливой жизни быстрее,
чем сеанс психотерапевта*

Annotation

В любом браке бывают сложные моменты. Но не такие, когда ты лежишь пластом на холодном асфальте, уткнувшись носом в жесткое покрытие МКАД, а оперативники держат тебя под прицелом. Я не собиралась никуда бежать, меня больше интересовал вопрос, как я дошла до жизни такой. Да, я не была идеальной женой, я не была хозяйкой на кухне и проституткой в постели, и – да – иногда я пилила мужа из-за денег. Но я любила его, прощала его. Почему же он сбежал с места задержания? Отчего машину обыскивают? Зачем Сергей оставил меня в этой ужасной ситуации?

- [Татьяна Веденская](#)
 -
 -
 - [Глава первая. Неудобное положение](#)
 - [Глава вторая. Под колпаком у Мюллера](#)
 - [Глава третья. Двое из ларца](#)
 - [Глава четвертая. Свинская эктомия](#)
 - [Глава пятая. Беспокойная старость](#)
 - [Глава шестая. Извращенцы](#)
 - [Глава седьмая. Большие деревья](#)
 - [Глава восьмая. Старые – добрые, новые – злые](#)
 - [Глава девятая. Нежданная гостья из будущего](#)
 - [Глава десятая. Ловушка дьявола](#)
 - [Глава одиннадцатая. Никто не любит клоунов](#)
 - [Глава двенадцатая. Аттракцион невиданной щедрости](#)
 - [Глава тринадцатая. Жажда крови](#)
 - [Глава четырнадцатая. Игра со спичками](#)
 - [Глава пятнадцатая. И он заговорил...](#)
 - [Глава шестнадцатая. Перекресток семи дорог](#)
 - [Глава семнадцатая. Из пункта А в пункт Ж](#)
 - [Глава восемнадцатая. Чрезвычайное происшествие](#)
 - [Глава девятнадцатая. Размер имеет значение](#)
 - [Глава двадцатая. Время за нас](#)
 - [Глава двадцать первая. Между прошлым и будущим](#)
- [notes](#)

- 1
- 2

Татьяна Веденская

О рыцарях и лжецах

© Саенко Т., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Нижеизложенное описание жизни, метаний и тревожностей Лизаветы Ромашиной (по мужу Тушаковой) является вымыслом, допущением, шуткой, бредом и параллельной реальностью автора. Любые совпадения являются мистикой, имеют скрытый смысл и двойное дно.

Нет недостижимых целей, но есть лень, усталость и еще один кусочек пирога...

Лизавета Ромашина.

«Из мотиваторов»

Боль заставляет лгать даже невинных.

Публий

На пути к себе тоже можно наткнуться на кирпич...

Глава первая. Неудобное положение

В любом браке бывают сложные моменты. Но не такие, когда ты лежишь пластом на холодном асфальте, уткнувшись носом в жесткое покрытие МКАД, а оперативники держат тебя под прицелом, чтобы ты даже не подумала сбежать. Я не собиралась никуда бежать, меня больше интересовал вопрос, как я дошла до жизни такой. Да, я не была идеальной женой, я не была хозяйкой на кухне и проституткой в постели, и – да – иногда я пилила мужа из-за денег. Но я любила его, прощала его, закрывала глаза и делала несколько глубоких вдохов, чтобы снизить стресс и изменить свою позицию с негативной на позитивную. Иногда не получалось. Просто когда у нас родился второй ребенок, наша дочь Василиса, хлеба насущного стало ощутимо недоставать, и работы над собой тоже стало не хватать, чтобы снизить чертов стресс. Так что – да, пилила, каюсь. Но неужели все происходящее – такой ответ мироздания? Большое жирное «нет», выведенное грязью по талому снегу на обочине дороги.

Нужно жить здесь и сейчас. Не упускайте момент настоящего. Ага.

И вот я лежу – здесь и сейчас, – чуть слева от меня грязные колеса автомобиля, из которого меня вытащили насильно, хотя я была вполне согласна выйти из него по доброй воле. «Здесь и сейчас» у меня болит губа, я ударилась о край двери. «Здесь и сейчас» я всерьез опасаясь, что заболēju воспалением легких, а ведь я ж мать, у меня же двое маленьких детей. Но я боюсь, мне не объяснить это все «людям в черном», что держат меня под прицелом. Тридцать первое декабря, мать его. Капот машины дымится. Удар о разделительные ограждения МКАД был приличный.

«Вы хотите об этом поговорить?»

– Поднимай ее, – сказал кто-то негромко, обыденно, словно я была чем-то вроде куля с картошкой. До меня не сразу дошло, что речь идет обо мне. Дошло, когда еще один оперативник приподнял меня за плечи вверх, именно как куль с картошкой. В каком-то смысле я им и была. Я не могла шевелиться, не могла ничего сказать, хотя и очень хотела. Все это было каким-то недоразумением, ерундой, розыгрышем, который пошел «не

туда». Сердце стучало неритмично и быстро, никак не справляясь с нужным темпом.

– Вы знаете, куда он побежал? – спросил меня другой «брат-близнец» в черной форме и бронежилете поверх нее. Все они в этих черных шапках-шлемах, из-под которых были видны только глаза и носы, были неразличимы, как клоны. Я молча хлопала ресницами, словно не понимала по-русски, и тогда оперативник повторил вопрос. Я не знала, куда побежал мой муж. Я вообще не знала, что происходит. Я только знала, что, если что-то не изменится к лучшему прямо сейчас, я начну плакать, и тогда, помоги, Господь, этим оперативникам, меня будет не остановить.

Все, что имеет начало, имеет и конец, Нео.

Мы с Майей жили в одном подъезде в одинаковых двухкомнатных квартирах – я на пятнадцатом этаже, а она на тринадцатом. Майя считала, что судьба и в этом с ней обошлась сурово: поселила на тринадцатом этаже. В каком-то смысле Майя была похожа на мою сестру Фаину – та тоже вечно говорила, что «все очень плохо». И с ними обеими это было не больше, чем просто слова. На деле – все у моей сестры не хорошо, а очень хорошо. Работает ведущим программистом в крупной корпорации, живет с мужчиной, похожим на Фокса Малдера из «Секретных материалов», играет по вечерам в бадминтон. У Майи тоже есть и неплохая работа в школе – по крайней мере, у учителей английского языка по отношению ко всем остальным учителям положение привилегированное, и каникулы все лето, и друзья у нее, и любимый кот Ланнистер, с которым уже пять лет они живут душа в душу. Вдобавок весь последний год Майя строит любовь. Так что насчет «все очень плохо» – это явно ко мне.

Да, строить любовь непросто, и не только в искусственной лживой телевизионной среде, где это как бы делают в прямом эфире. Майя по десять раз на неделе прибегает ко мне с рассказами и маленькими трагедиями. Но маленькие трагедии – это же так нормально, когда строишь любовь! Я свою любовь «построила», и вышел у меня куцый домик с текущей крышей, но зато теперь нас с Майей объединяют географическая близость, общие интересы и взаимовыгодное сотрудничество. Мы выживаем как можем. Я сижу с Ланнистером, когда к Майе приезжает ее «мужчина всей жизни», ее «soulmate»^[1] – тот терпеть не может котов в целом и Ланнистера в особенности. Майя же сидит с моими детьми, если мне нужно куда-то срочно отбежать или просто принять на дому клиента. Клиенты – вот странные люди – терпеть не могут проводить

психологические сеансы под вопли моих детей. Схема работает безотказно, мы с Майей отлично ладим. Остается только надеяться, что она простит меня за то, что я оставила ее с моими детьми на Новый год. Простит, позвонит моей маме и передаст их ей. Мама не подведет.

Впрочем, не то чтобы у меня был какой-то выбор. Сейчас вся моя жизнь для людей вокруг была как вещественное доказательство чьей-то вины, и я искренне надеялась, что не моей. Я находилась в безликой обшарпанной комнате, заваленной бумагами и рухлядью вместо мебели. Мой следователь сидел, погруженный в бумажки, и делал вид, что меня не существует. С каждой минутой мне становилось все страшнее.

- Имя, фамилия, отчество, – наконец прервал тишину следователь.
- Елизавета Тушакова Павловна. Послушайте, у меня там дочь...
- Возраст, дата рождения? – спросил он, и я с ужасом уставилась на него, хлопая глазами.
- Что, забыли собственный возраст? – усмехнулся он, пока я продолжала молча загибать пальцы.
- Двадцать шесть лет. Восемнадцатого февраля.
- Семейное положение?
- Как видите, замужем.
- Не вижу. У вас даже кольца нет, – сквозь зубы бросил мне следователь.
- Ну... это просто потому, что оно мне жмет. Оно дома лежит, в коробке.
- С драгоценностями, – хмыкнул тот.
- Да! – зачем-то согласилась я. В коробке других драгоценностей, кроме моего обручального кольца, не было, но мне почему-то стало обидно. Впрочем, следователя мое обручальное кольцо мало интересовало, он просто заполнял протокол. На меня никогда еще не заполняли протоколов.
- Значит, замужем?
- Да, замужем. И мать. Кормящая мать, – ответила я, и следователь бросил записывать и посмотрел на меня если не с улыбкой, то хотя бы с удивлением. Я слабо улыбнулась и тут же пожалела об этом, уголок губы саднил, кровь только-только перестала течь, но каждый раз, когда я резко открывала рот, начинала течь снова. Губу я разбила знатно. С момента моего задержания прошло уже часа три, из которых два как минимум я тупо просидела на заднем сиденье полицейской машины, за решеткой,

гада, зачем это оперативники раскурочивают «Рено Logan», на котором нас с мужем, как выразились сотрудники полиции, «приняли». Меня – приняли! Все это – какая-то ошибка, опечатка, плохой перевод. Ну не может же даже Сережа быть настолько тупым, чтобы вляпаться в такое дерьмо, ради которого его приезжает «принимать» спецназ!

– Род занятий? – продолжил заполнять анкету мой следователь.

– Психолог, – ответила я и тут же «поймала» от него еще один удивленный взгляд.

– Место работы?

– Психологический центр «Надежда», – ответила я, подумывая обидеться. К психологам многие относятся как-то свысока, словно это и не профессия вовсе. Словно психологами люди становятся только от скуки и неуверенности в себе. Это, конечно, миф и ерунда, хотя отчасти это так и было. Очень многие люди шли в психологию, чтобы решить собственные проблемы, но это же не значит, что все психологи – с проблемами. С другой стороны, у меня проблемы были налицо.

На лице.

– Принимаете клиентов? Работаете полный день?

– Нет, сейчас в декрете, выхожу только к старым клиентам, – с готовностью ответила я. – Или они ко мне приезжают.

– Сколько клиентов в день вы принимаете?

– Очень по-разному. Иногда ни одного. Иногда по три-четыре, – на самом деле, по три-четыре – довольно редко, но мне не хотелось, чтобы этот чертов следователь думал, что я не востребована как профессионал. Я очень даже востребована. Я сама не рвусь работать больше, у меня ж дети...

– Имеются списки клиентов?

– Списки? Зачем вам списки?

– Просто рутинный вопрос, отвечайте!

Я замолчала, испытывая вдруг необъяснимое желание взять паузу и подумать, так сказать, осмыслить происходящее. До меня начало доходить, что вопрос о моих клиентах может быть, как говорится, с двойным дном. Зачем-то же нас с Сережей задержали! Не просто же так на нас выслали бригаду в шапках с прорезями для глаз. Наверняка такие бравые парни обходятся недешево нашему государству. Но на нас не стали экономить. Почему?

– Повторите, пожалуйста, вопрос, – попросила я, и следователь

нахмурился.

– Какой возраст клиентов, чем занимаются? – спросил он. Я лихорадочно соображала. Машина. Их интересовал Сережа, но еще больше – машина. Эта непонятно откуда взявшаяся потрепанная машинка с прокуренным салоном. Самая очевидная версия – что мой муж перевозил в машине что-то незаконное. Наркотики? Оружие? Черный нал? Кто знает, что за «версии» в голове у этого уверенного в себе молодого следователя. Может, он считает, что я через психологический центр торгую пушками и взрывчаткой. Сережа, как говорится, добывает, а я – передаю страждущим. Мы со следователем одновременно, не сговариваясь, отвернулись, избегая сталкиваться взглядом. Затем он откашлялся и продолжил.

– Вы знаете, за что вас задержали? – спросил сухо.

– Я знаю, что в машине нашли что-то, верно? Я не имею к этому никакого отношения.

– Да, конечно, – фыркнул следователь. – Никакого отношения.

– Простите, как вас зовут? – спросила я, наверное, в пятый раз. Слишком много лиц сегодня прошло мимо меня, слишком много людей задавало мне одни и те же вопросы, и моя память отказалась запоминать их имена.

– Максим Андреевич, – любезно повторил следователь, продолжая что-то черкать в листе. Бог его знает, чего он там пишет.

– Максим Андреевич, Сережа... Мой муж Сергей приехал сегодня утром из командировки.

– Он уезжал по работе? Где он работает?

– Он... нет, он нигде не работает.

– Вы же сказали, что работает.

– Да, сказала, – расстроенно согласилась я.

– Соврали? Бывает, – ответил следователь с эдакой показной доброжелательностью.

– Да ничего я не соврала. Это мы просто так называем... Просто чтобы как-то называть его отлучки, – мой ответ обескуражил следователя. Объяснить такое было непросто. Мой муж – это всегда непросто. Он уезжал куда-то, иногда со словами «достало меня уже это все», а я говорила себе слово «командировка» и спокойно шла пить чай.

– Он часто уезжает? – тут же поставил новый капкан следователь.

– Не так чтобы часто.

– Как часто? Раз в месяц, два? Три?

– Наверное, раз в месяц. Я не помню точно.

– Значит, не помните? – хмыкнул следователь.

– Почему вы мне не верите? – спросила я с агрессией, чувствуя, что запуталась. – Он живет с нами, но как бы сам по себе. Он был таким всегда. То работал, то не работал. Уезжал, но всегда возвращался. И вот сегодня тоже. Приехал на машине – с самого утра, да еще такой гордый, сказал, что нашел работу.

– Сказал, какую?

– Не сказал, – покачала головой я.

– А вы не стали спрашивать, – холодно хмыкнул следователь.

– Не стала. Не важно это мне, понимаете? Когда у тебя двое детей, ты не задаешь вопросов. Ты просто хочешь знать, будут ли у них сапоги зимние. И потом, никогда в жизни Сережа не делал ничего такого, за что мне пришлось бы краснеть.

– Серьезно? – удивился следователь. Я потрянула головой.

– Никогда не сделал ничего нелегального, – поправила я. – Я имею в виду его работу. Вернее, как – работу... Он всегда только подрабатывал, а не строил какую-то там карьеру. Карьера – это не его. Сережа – он ни с кем долго не может работать, ему то один начальник идиотом покажется, то другой – рвачом. В общем, он то уволится, то устроится. Он не очень в этом хорош, а тут вдруг – машина, и он работает. Да еще он предложил мне помочь с покупками к Новому году. Чтобы я не тащила сумки в руках, понимаете?

– Я все понимаю, Елизавета Павловна. Я все отлично понимаю, – кивнул следователь, не отрывая взгляда от бумаг. Я поймала себя на острейшем желании схватить большой дырокол со стола и звездануть ему по башке. Он не верит ни единому моему слову. Правда, если я его тресну, вряд ли это повысит кредит доверия. Я закрыла глаза и заставила себя медленно вдохнуть и еще медленнее выдохнуть. Если верить моей сестре Фаине, эта техника помогает понизить уровень стресса, обогатить кровь кислородом, замедлить сердечный ритм. Простыми словами – успокоиться. Мне не помогло.

– Максим Алексеевич, я понятия не имела...

– Максим Андреевич, – поправил он меня.

– Да-да. Максим Андреевич, я не знала, что за дела у моего мужа были в Краснодаре, но я вас уверяю, что он по доброй воле ничего нелегального делать бы не стал. Он же не идиот, в самом деле. Его подставили. Использовали вслепую.

– Вслепую, значит? – переспросил следователь таким тоном, что было понятно – мои романтические теории его откровенно веселят. Мол, и вы туда же. Невинные все кругом, блин.

– И вообще, у нас презумпция, не так ли?

– У нас – да, – кивнул следователь, поставив особый акцент на слове «нас», показывая, для кого именно тут, в кабинете, будет презумпция. Для них, для следователей, для полиции. – Давайте начистоту. Под пластиковыми накладками в дверях автомобиля, на котором вы передвигались, были обнаружены упаковки, предположительно с героином. Экспертиза установит все точно. Однако я думаю, не стиральный же порошок «Дося» вы перевозили под накладками, верно?

– Героина?! – уставилась на него я, испытав вдруг острейшее желание встать и выпрыгнуть из окна, спастись бегством или просто заорать.

– Да, Елизавета Павловна, с героином вас взяли. Понимаете, что мы с вами шутить шутки не можем. Все очень серьезно. И я готов вам пойти навстречу, если и вы ко мне навстречу пойдете.

– Я уже...

– Уже... что? – опешил он.

– Я уже на ней. На встрече с вами.

– Что? – переспросил он, а я только махнула рукой. – Так, Елизавета Павловна, вы говорите – вслепую использовали. Ну, допустим – только допустим, ваш муж купил машину с наркотиками, и наркоторговцы, бесстрашные люди, дали ему просто так уехать с целым состоянием в дверях его «Рено». Допустим?

– Допустим, – кивнула я. – Только ему машину купить не на что.

– И даже это мы не станем принимать в расчет. Нашел деньги. Занял. Договорился. А его подставили – бедного невинного Сергея Ивановича Тушакова, тридцати трех лет. А убежал-то ваш муж зачем? Если он даже не знал, как вы говорите, что у него в машине. Ну, что же вы молчите?

– Я не молчу, – ответила я, ошарашенно глядя прямо перед собой – в никуда. – Я просто не знаю, почему он сбежал. Может быть, от шока...

– Значит, нервы расшалились, так? – перефразировал следователь. Я закрыла глаза и снова досчитала до пяти. Я попыталась посмотреть на ситуацию следовательскими глазами, и мне совсем не понравилось то, что я увидела. Холодным, но не морозным, а мерзким мокрым утром тридцать первого декабря в серебристом «Рено Логан» с краснодарскими номерами задерживают мужчину и женщину. Задерживают с проблемами. На требования государственного инспектора остановиться Сережа вдруг разнервничался и, вместо того чтобы остановиться, почему-то пронесся мимо, идиот чертов, оставив полицейского с его жезлом позади. Взыли мигалки, Сережа ускорился. Я заорала, он тоже заорал, так мы и орал все то время, что я участвовала в «погоне». Вот уж точно, опыт, без которого я

бы обошлась. Машин на дорогах было немного, москвичи уже уехали из города на праздники, так что скорость Сережа развил очень приличную. Я сидела рядом с ним, кричала от страха, оборачивалась, закрывала глаза руками, не понимала, что происходит, но со стороны – из машины полицейских – этого было не видно. Со стороны все выглядело просто: мужчина и женщина на серебристом «Рено Логан» пытаются скрыться, уйти от погони.

– Я ничего не знала, – пробормотала я неуверенным тоном. – Он перепугался.

– Чего?

– Я не знаю, чего.

– Может быть, того, что попался? – предположил следователь.

– Я не знаю, не знаю, – как попугай, повторяла я.

– Разберемся, – ответил Максим Андреевич уверенным, даже угрожающим тоном. То, что Сережа решил погоняться наперегонки с полицейскими, было нехорошо. Ведь это означало только одно: Сереже было что скрывать. Он ждал неприятностей, он их боялся. Кричал на меня в машине, чтобы я заткнулась, кричал, что это все из-за меня, черт его знает почему. Что «будь они прокляты, мои дурацкие салаты». А ведь я даже не хотела их готовить. Если бы Сережа не вернулся из своей так называемой командировки в Краснодар, я бы пошла отмечать Новый год к моей сестре Фаине. Я бы сидела за ее столом, болтала бы с ее бойфрендом Игорем Вячеславовичем Апрелем, к слову говоря, по профессии тоже психологом. Так что тем для разговоров у нас много. Мы бы пошли запускать ракету, мы бы пили шампанское, и Фаина ругала бы меня, потому что я как бы кормящая мать, а Игорь бы Вячеславович говорил, что от одного бокала все равно ничего не будет. Мы с детьми почти уже уехали к сестре, когда Сережа мне позвонил. Подумать только, если бы я уехала и забыла дома телефон, ничего бы этого не было.

Но Сережа вернулся. Он всегда возвращается.

– Значит, вы говорите, этой машины у вашего мужа не было, что это не его машина.

– Я говорю, что не знаю, откуда у него машина.

– Но вас не удивило само наличие машины? Вы же как-то сели в нее.

– А почему бы мне в нее не сесть? В конце концов, хоть я не знала, откуда машина, но не допускала даже мысли, что с ней что-то не так.

– Вы на ней пытались скрыться от полиции. Почему вы не допускали

такой мысли? – добавил Максим Андреевич. Я невольно подалась вперед. Больше всего на свете сейчас я хотела бы отмотать пленку времени назад, чтобы я не села в машину.

Сережа сделал это ради тебя. Он пошел на преступление, чтобы обеспечить семью.

– Да потому что никогда в жизни никто ни разу, ни даже в теории, не приезжал ко мне на машинах, полных наркотиков или чего-то еще. Я ни о чем таком не подумала. Я просто не хотела тащить тяжелые сумки, понимаете? Я устала. Я не знаю, как до вас достучаться. И мне нужно в туалет.

– Достучаться? – хмыкнул следователь. – Значит, вы утверждаете, что ничего не знали о героине.

– Я утверждаю, да. Я уже десять раз это утверждала. Я просто ехала в магазин за продуктами, когда мой муж вдруг решил скрыться от полиции. Он подвергнул мою жизнь риску, он не справился с управлением и врезался в ограду между полосами, он сбежал куда-то, а меня выволокли из машины, несмотря на полное отсутствие с моей стороны какого бы то ни было сопротивления, и заковали в наручники. И губу разбили. И на ледяном асфальте продержали. А я никогда даже дорогу на красный свет не перехожу.

– Похвально.

– Ну, может быть, иногда и случалось, – тут же сдала назад я. И занервничала еще больше. – Но ведь все иногда перебегают дорогу на красный, если она совсем пустая. Но это же не значит, что я автоматически знаю, что делает мой муж и что за чертовщина творится у него в голове.

– И вы просто сели к нему в автомобиль, чтобы поехать за продуктами?

– Если у вас есть какие-то возражения и вы считаете, что я как-то неверно изложила обстоятельства, пересмотрите оперативную съемку, которую у вас вели на месте какие-то люди. Они там все снимали. Они видели, что я не пыталась сбежать. Со мной вели себя так, словно я уже сбежала, но факт в том, что я ведь даже не шелохнулась. Я перепугалась настолько, что не знала, как пошевелить рукой. Я говорить не могла.

– Я не утверждаю, что вы пытались сбежать. В этом вас никто не обвиняет.

– А в чем меня обвиняют? – спросила я, представив себе суд, тюрьму, детей, оставленных на попечение моей сестры Фаи. Господи!

– Пока ни в чем.

– Пока! – ахнула я. – А почему у меня спрашивали, была ли я раньше судима? Имейте в виду, я тут ни при чем! Ни в чем!

– Я буду иметь в виду. – Максим Андреевич спокойно отреагировал на мою тираду. Рутинка. Я была его рутиной, и по его лицу было хорошо понятно, «как же он от этого всего устал». Он не был в настроении проявлять сочувствие, ему было все равно, сколько у меня детей и какова моя жизненная ситуация. Сережа доставил проблемы его коллегам. Им пришлось гоняться за его серебристым «Логаном» по всей скользкой грязной МКАД, им пришлось рисковать жизнями, чтобы задержать этого наркоторговца – моего мужа, и теперь никто не собирался верить мне на слово. Тот факт, что все это случилось тридцать первого декабря, только подливал масла в огонь. Все хотели домой, никому не улыбалось заниматься нашим делом. Вечерело.

– Вы ведь совсем мне не верите, да? – любопытствовала я. В ответ мне была только тишина. – Я бы хотела позвонить сестре. Мне нужно к дочери. Я же вам сказала...

– Нет, – коротко отбрил меня Максим Андреевич.

– Нет? – вытаращилась на него я, и снова меня охватило желание схватиться за дырокол.

– Нет.

– А закон? Разве я не имею право на этот самый звонок?

– Не имеете, – отрезал он. Я несколько секунд разевала рот (разбитая губа саднила), не веря своим ушам.

– Я потом ведь на вас жаловаться буду. Я именно на вас пожалуюсь, Максим Андреевич. На вас лично. Вы мои конституционные права нарушаете.

– Вот что удивительно, как быстро все тут, в этом кабинете, вспоминают про Конституцию, – не сдержался следователь. – Как героин перевозить – никакая Конституция не нужна.

– Я ничего не перевозила, – отчеканила я.

– Не перевозили, да? – в сотый раз переспросил он. Затем вздохнул. – Елизавета Павловна, вам отказано в праве на звонок, так как ваш муж Сергей Иванович Тушаков пока что не задержан, находится в бегах, пытается скрыться от следствия, и любой контакт с людьми из вашего окружения может нанести вред оперативным мероприятиям. Как только мы завершим оперативные мероприятия, ваше право будет реализовано.

– И сколько времени потребуется на эти ваши розыскные мероприятия? У меня дочь на грудном вскармливании! – воскликнула я

уже больше в отчаянии. – Она у соседки, она, наверное, в бешенстве.

– Дочь?

– Да соседка! Вы хоть ей позвоните!

– Разберемся. Уверяю вас, что с детьми все будет нормально, – пожал плечами следователь и крикнул, чтобы за мной пришли. Я понятия не имею, что именно он имел в виду. Наверняка ничего конкретного. Затем повернулся ко мне, закрыв папочку с уже вполне увесистым моим делом. – Елизавета Павловна, дело не в том, что я вам не верю. Дело в том, что вы были задержаны в машине, полной героина. Я просто не имею права верить вам на слово. Надеюсь на ваше понимание. Ладно, пока все. Потом еще поговорим. Нам спешить некуда.

Я уже устала плакать и бояться. Я очень устала, так что просто встала, отдаваясь на волю этому сумасшествию, в немом бессилии что-либо изменить. Мне нужно было сцедить грудь. Вся ситуация – театр абсурда. За мной пришли, попросили встать, повернуться к стене, завести руки за спину. Меня снова заковали в наручники. Моя одежда все еще была мокрой и грязной. Во рту оставался отчетливый привкус крови. Сережа сбежал. Он уходил от погони, а теперь сбежал. Это может означать только одно – он знал о том, какой сюрприз мы везем под пластиковыми накладками с внутренней стороны двери. Он знал – и все же приехал и позвал меня, чтобы похвастаться машиной, чтобы показать, как я была не права в отношении его.

Как я ошибалась в отношении Сережи!

Он не просто врун и бездельник, он не просто... не просто – все, о чем меня предупреждала сестра. Сережа не побоялся посадить в машину, буквально обшитую героином, свою жену, мать своих детей, чтобы ей не пришлось таскать тяжелые пакеты с зеленым горошком, колбасой и майонезом. Можно ли быть более беспечным сукиным сыном? Новый год надвигался на меня, как пресс, со всей своей неотвратимостью. Меня вели в «обезьянник».

Глава вторая. Под колпаком у Мюллера

Невозможно предугадать, что именно ты услышишь от человека, сидящего напротив тебя. Но можно предположить, что сказанное им будет ложью. Меня с детства учили говорить только правду, и с самого детства я замечала это постоянное тихое и неприметное, ненавязчивое искажение действительности. «Вы отлично выглядите...», «Ты обязательно справишься...», «Он наверняка просто задержался на работе...». Если у человека нет причин врать тебе, он будет лгать самому себе. Почему? Каждый человек, занимая потрепанный, но очень удобный диванчик в моем кабинете, хочет быть немножко другим. Почти никто никогда не хочет быть самим собой. Включая меня.

Но лавка «обезьянника» – другое дело. Идеальное приспособление для психотерапевта.

– Лизавета, ты полная дура, поздравляю! С Новым годом тебя, – сказал мне мой «сокамерник» Вениамин. Потрепанный пьяненький мужчина лет пятидесяти. Взятый за кражу мобильного, он был как никто близок к истине. Я и была полной дурой. Двенадцать часов ночи наступило, если верить круглым кварцевым часам на противоположной стене в полицейском участке. Мы сидели в небольшой клетке, расположенной в тупике коридора, – две лавки, решетки, ни одного окна. Тут было тихо и тепло. Кислород сюда поступал, только когда кто-то случайно открывал двери, чтобы пройти на другой этаж, так что мы были сонными и вялыми. Лавки были жесткими. Вениамин ворочался на соседней, пытаясь устроиться поудобнее, что было решительно невозможно. В конце концов Вениамин раздраженно крикнул, приподнялся и подпер подбородок кулаком. – Хоть бы подушку дали!

– И тебя тоже, Веня, с Новым годом!

– Значит, куранты пробили. Интересно, чего там нам президенты пожелали? Счастья/здоровья?

– Куранты пробили, а я – ни в одном глазу, – вздохнула я. – Как же я хочу напиться вдрызг, не представляешь даже.

– Пьяная мать – горе семьи, – поучительно изрек мой сосед.

– Согласна. Но и трезвый муж-наркодилер в семье – это тоже, знаешь, не к удаче и процветанию. Как выясняется...

– Но ты же сама за него замуж шла, никто не тянул, – пожал плечами он. За долгие часы ожидания погоды у моря я успела рассказать Вениамину всю свою жизнь. В какой-то момент я резко заткнулась, разглядывая Вениамина через прищур. Он недовольно поежился и спросил, что со мной. Я ничего не ответила. Не спрашивать же у человека: «А не засланный ли ты казачок?» Так он и ответит. Может быть, он сидит тут, слушает меня, но на самом деле «прослушивает» меня «по диагонали», просто выясняя в интересах следствия, что мне на самом деле известно про моего сбежавшего от правосудия мужа. Если так – что ж, – мне жаль его самого и его пустой траты времени. О Сережиной преступной деятельности я не знала ровным счетом ничего. Наверное, у Вени уже завяли уши. Он бы давно уснул, если бы на двух наших лавках имелись подушки. Но покой нам только снится. Хотя – даже не снится.

– Тушакова? На выход! – Голос дежурного звучал отстраненно, но с ощутимой усталостью.

– Как – на выход? – возмутился Вениамин. – А я? А мне тут сколько торчать?

– А ты посиди еще, – отбрил его дежурный. – Спешешь в КПЗ?

– Какая такая КПЗ? Ничего себе, произвол! Невинного человека держат, а наркодилеров выпускают! Где ж это видано? Докатились. Взятки берете! Кругом коррупция! – Вениамин кричал грозно, но мне задорно подмигнул и усмехнулся. Я знала, до невинного ему было, как от нашей Профсоюзной до Аляски. Теоретически – добраться можно, но кому в голову придет...

– Утихни, Вениа, – ответил ему дежурный, впрочем, без злобы.

– А меня куда? – спросила я, несколько настороженная непонятным словом КПЗ. Ничего хорошего я от жизни не ждала. Дежурный не удостоил меня ответом. За окнами уже светлело – новый год начинал сереть, проступая в мире, как снимок на старой доброй фотобумаге. В комнате с мебелью-рухлядью меня ждал заспанный следователь. Я хотела домой, к детям, мне было необходимо знать, что с ними все в порядке. Я не могла понять, как мне добиться от этого чурбана бесчувственного хоть какой-то информации. Я приготовилась к долгому изматывающему противостоянию. Всю ночь, сидя в одной камере с Вениамином, я продумывала возможные вопросы и возможные ответы. «Где спрятаны наркотики?» – «В аптеке». – «Где партизаны?» – «А вот его шляпа!»

Кого я хочу насмешить, я понятия не имела, что мне делать! Я вполне

уже было решила снова реветь и умолять, как вдруг услышала:

– Вы свободны.

– Что? – переспросила я, не веря своим ушам.

– Елизавета Павловна, вы свободны... пока, – кивнул следователь сухо, без тени улыбки.

– Под залог? Если что, у меня денег-то мало. Мы с детьми сами еле-еле концы с концами сводим. Муж мне вообще-то почти никогда денег не давал. Если бы я знала, что он зарабатывает продажей героина, я бы и те у него не брала. Мне-то он другое говорил. То одно, то другое. То торговым представителем, то по ремонту – типа муж на час.

– Торговым представителем кого? – из чистого любопытства спросил Максим Андреевич или Алексеевич, черт упомнит его отчество. И вытаращился на меня, словно пытаясь понять, совсем ли я идиотка. Потом покачал головой и склонился к бумагам. – Вы освобождаетесь из-под стражи в связи с тем, что следствие не предъявляет вам никаких обвинений. Вы проходите по делу как свидетель.

– Свидетель?

– Да. Свидетель, – подтвердил он. – И хотя в отношении свидетелей не применяется мера пресечения, то есть я не буду с вас брать подписку о невыезде, вы и сама должны понимать, что если вы попыдаете скрыться от следствия...

– ...с двумя детьми на руках... – за него договорила я. Максим Андреевич замолчал, затем начал заново:

– Прощу вас не покидать город без уведомления. Это в ваших же интересах. И не распространять никакую информацию. Также, если ваш муж вдруг попытается вступить с вами в контакт, незамедлительно связаться со мной. Я оставлю вам телефон. И еще...

– Свидетель чего? – заинтересовалась я вдруг. – Нет, я просто хочу понять, свидетелем чего именно я стала? Того, как меня выбрасывают из машины на землю? Это да. Что меня держат под прицелом? Не дают позвонить домой, разлучают с детьми? Всю новогоднюю ночь держат в клетке, словно я какой-то пингвинчик из зоопарка?

– Елизавета Павловна, я вас понимаю. У вас чувства.

– Да, Максим Андреевич, у меня чувства. У меня грудь от молока болит, – я махнула рукой, а следователь посмотрел на меня с опасливым изумлением, словно пытаясь понять, что общего может быть между мной и коровой, дающей молоко. Сережа, ну как же ты меня довел до жизни такой! Конечно, все могут ошибаться, но чтобы так!

– Но вы хотели, чтобы я проявил к вам сочувствие, чтобы я вам

поверил, и я пошел вам навстречу...

– Про сочувствие я не говорила, – сказала я неожиданно и с твердостью, которой сама от себя не ожидала. – Только про то, что вы мне не верите. Потому что сочувствие – это для тех, кто в чем-то виноват. А я ни в чем не виновата, кроме разве что в том, что плохо разбираюсь в мужчинах и катастрофически ошибаюсь относительно того, на что они способны.

– Ох, Елизавета Павловна, если бы вы только знали, сколько проблем возникает у людей только потому, что они плохо разбираются в мужчинах или в женщинах, если уж на то пошло, – и следователь устало потер ладонями лицо.

Мне стало стыдно. В конце концов, чего я от него-то хочу? Мой муж, Сергей Тушаков, тридцати трех лет, телосложения атлетического, волосы светлые, коротко стриженные, глаза серые, предположительно был одет в синие джинсы, бордовый свитер, китайский пуховичок темно-зеленого цвета, на ногах чуть поношенные «саламандры», не вооружен, не привлекался, ранее не судим, – сбежал от полиции, оставив ударившую в грязь лицом жену и несколько килограммов героина. Ориентировка прилагается. Мужчина моей жизни. Моя утлая лодка любви.

– Вы его не поймали?

– Пока нет, – покачал головой следователь. – Быстрый он у вас.

– Он всегда заботился о своем здоровье, – зачем-то уточнила я. – Бегал по утрам. Какое-то время даже занимался сыроедением и нас с Вовкой пытался привлечь. Вы не представляете, какая это тоска – сыроедение. Только в теории все красиво, а на деле – замучаешься жевать все эти орехи и сельдерей. И все равно будешь голодным. Так что, я могу идти? И меня не пристрелят при выходе?

– Ну уж вы перегибаете, – оскорбился следователь.

– У меня, знаете ли, до сих пор все болит. Даже запястья – от этих ваших наручников. Не представляю даже, чего эти извращенцы находят во всех этих игрушках. Ладно – больно и унижительно, это еще куда ни шло. Но ведь дико неудобно двигаться с этими штуками, когда руки за спиной. Как какая-то корова, ни повернуться, ни обернуться, ни присесть, и баланс держать неудобно.

– Может, они тренируются? – пробормотал Максим Батькович после долгой паузы.

– Кто тренируется? – переспросила я.

– Ну... эти... извращенцы, – пояснил следователь, и мы оба хором замолчали, а затем засмеялись.

Через десять минут я вдыхала холодный влажный воздух улицы. Через двадцать минут я выходила, точнее, выбегала, как сумасшедшая при пожаре, из полицейской машины около собственного подъезда. Я открыла дверь в подъезд своими ключами – это было единственное, что мне вернули. Сумку, деньги, кошелек, даже телефон – все забрали на экспертизу, выискивать следы наркотиков или чего-нибудь еще. Как сказал Вениамин, «от свидетеля до обвиняемого всего один лист экспертного заключения». Я знала, ничего не кончилось, я понимала это. Все только начиналось, но мне было наплевать. Все, чего я хотела сейчас, – это обнять детей. Никогда не оценишь свободу лучше, чем когда ты ее временно потеряла. Я позвонила в дверь Майи на тринадцатом этаже, но там никто не отвечал. Я в три шага преодолела четыре лестничных пролета и подлетела к моей собственной двери на пятнадцатом этаже. Но не успела я ее открыть, как она распахнулась мне навстречу. В проеме стояла моя Майка – полная решимости уничтожить меня на корню.

– Ты издеваешься, да? – набросилась на меня с кулаками Майя. Это было даже забавно. Такая крошечная пчелка, нежная, как альпийский шоколад, и вдруг с кулаками. Но ведь ее можно понять! Остаться на весь Новый год с двумя соседскими детьми, когда младшей девочке Васе всего три месяца! Да такого в страшном сне не увидишь!

– Все живы? Все целы? Почему тихо? Почему никто не орет благим матом? – спросила я, влетая в свой дом, как смерч. Тишина никогда не была хорошим знаком. Василиса – девочка спокойная, если рядом мама и еда имеется в достаточном количестве. Ни того, ни другого у Майи в наличии не имелось. Как ястреб, я влетела в кухню – никого. Как коршун, я понеслась в Вовкину спальню, откуда мне навстречу вышла тяжелая артиллерия. Моя сестра Фаина с моей дочерью на руках. Я выдохнула. Все живы. Фая здесь – это плохо. Она должна была улететь в солнечный Таиланд сразу после Нового года. Не то чтобы Файка любила юга, пляжи и всю эту солнечную негу. Программисты – как и вампиры – лучше всего выживают в набитых консервами подвалах. Они живут в Интернетах. Они питаются терабайтами информации. Но Игорь ее Вячеславович Апрель настаивал на некотором человеческом отдыхе. Неужели из-за меня человеческий отдых отменился?

– Вот и ты! – говорит она.

– Вот и я. А у тебя когда самолет? Опаздываешь?

– Да только ночью. Ни черта я не опаздываю, – грустно отвечает она и

смотрит вниз. За Фаину ногу цепляется мой четырехлетний сын Вовка, а за спиной у нее – Игорь, ее идеальный и наркотиками не торгующий Апрель. Оба они одаривают меня взглядами с плаката «Родина-мать зовет».

– Господи, Лиза, что случилось? Что у тебя с лицом? И с пальто? Ты где вообще была? – Сестра отдала Василису Игорю и подлетела ко мне, заметив мою ссадину на лице и грязь на одежде.

Представляю себе, чего только все они тут не передумали, когда я вот так исчезла. Я вдруг вспомнила, что именно сказала соседке, когда уходила. Я попросила ее приглядеть за детьми «на полчаса, пока я в магазин сгоняю». Черт, я же ей даже не сказала, что я сгоняю туда вместе с внезапно объявившимся Сережей. Если уж на то пошло, Майя уверена, что Сережа болтается неизвестно где, а я злюсь и мечтаю его бросить к чертовой матери. Ибо такое мое традиционное состояние. Значит, никто не знает, что я уехала с Сережей. И рассказать я им не могу – тайна следствия. И не хочу, я не хочу ничего говорить про то, что случилось. Стыд. Стыд-то какой. Получается, что Фая была права – всегда, с самого начала была права – в отношении моего Сережи... Нет уж.

И что мне теперь сказать им?

– Хорошо ль погуляла на Новый год? – спросила меня моя мама, которая, как оказалось, тоже была здесь – в ванной комнате.

– Да, Лиза! Хорошо ль погуляла? – фыркнула Майя, наваливаясь на меня с другой стороны. – Васенька вот не спала, все ждала тебя. Звала. Громко так звала, на весь дом. Соседи даже приходили, интересовались, чего это мы твою дочку пытаем. Грозили полицию вызвать и социальные службы всякие.

– Вызвали? – перепугалась я. Только социальных служб мне и не хватало.

– Нет, к сожалению. Передумали. Мы уже сами были не против! – отчеканила Майя.

– Весело у вас тут, – тихо сказала я.

– Весело? – прорычала Майя.

Я решила не продолжать этот разговор, с деловым видом изъясла свою дочь из сильных рук Игоря Апреля и сделала вид, что так и надо.

– Может, скажешь нам что-нибудь? Дашь хоть какое-то объяснение? – строго спросила мама.

Я прокручивала в голове все возможные варианты объяснений, и все они мне не нравились.

– Я была занята.

– Занята?! – хором загалдели все, и только я стояла недвижимая, как

памятник. Я решила молчать. Я решила – не стану я ни о чем таком рассказывать. У меня и подписка есть о неразглашении. Не знает никто о том, что Сережа приезжал, и не надо. Да, я могла бы рассказать об интересах следствия и о том, каково это – лежать на холодном асфальте под прицелом. Я знала, что молчать глупо, что все равно все вскроется – рано или поздно. С моим везением видеозапись нашего с Сережей задержания выложат в Интернете или покажут в ближайшей передаче «Чрезвычайное происшествие».

– Кое-что случилось, да, но я не могу вам ничего рассказать. Я не имею права. Это не моя тайна, – сказала я так, словно речь шла не об аресте, а о секретной операции спецслужб, в которой я принимала участие. Нет, которую я возглавляла.

– Тайна? – возмутилась мама. – Немедленно выкладывай.

– Я же сказала, это невозможно. Слово «тайна» как раз это и означает.

– Что случилось? Не молчи, Лиза! Ты меня пугаешь! – воскликнула мама.

– Ничего не случилось. Ничего.

– Но ведь это не так, – вмешалась Майя. – Ты не можешь утверждать, что ничего не случилось, после того как ты отсутствовала целую ночь. Ты просто не можешь ничего нам не сказать. Так не делают.

– Тише, тише, – примирительно зашипела мама. – Васю разбудите.

– И что? И разбудим, – кивнула Майя. – Она всю ночь не спала. Мы имеем право знать, из-за чего ты мне испортила Новый год. Разве нет?

– Разве да? – устало пробормотала я. – Майя, мама, простите.

– Я в порядке, можешь не извиняться передо мной, – устало произнесла мама.

– Да? – удивилась я. – Хорошо. В принципе... ну да, это же твои внуки.

– Я с ними не сидела, – невозмутимо покачала головой мама. – Благодарю Майю.

– Не сидела?

– Нет.

– А почему? – заинтересовалась я.

– А почему, как ты думаешь, я должна менять все свои планы в последнюю минуту, когда никто меня не предупреждал? Я приехала, как только смогла, – заверила меня мама таким тоном, что добавлять мне лично ничего не захотелось. Кроме разве что одного.

– А какие у тебя были планы?

– Так где ты была? Расскажешь или нет? – перевела разговор мама,

оставив вопрос о ее планах открытым.

Я кивнула.

– Вы имеете право знать, но я не имею права рассказывать. Майка, поверь, я бы и рада тебе все рассказать, но в данный момент я ужасно устала, мне нужно помыться, переодеться, покормить дочь. Поверь мне, если бы это было в моей власти, я бы не пропала на целую ночь. Ты же понимаешь, что если бы я могла...

– Главное, что все живы-здоровы, – вмешался вдруг Игорь, Файкин Апрель. Его спокойный приятный голос всегда действовал на людей успокаивающе. Игорь посмотрел на меня. – Я уверен, Лиза бы все объяснила, если бы могла. И рано или поздно все разрешится, но пока важно знать только одно – что такого больше не повторится. Ведь не повторится, да, Лиза?

– Нет, – подтвердила я. Конечно же, теперь я десять раз подумаю, прежде чем сесть в машину к Сереже. И – да – рано или поздно все разрешится, и все узнают, в чем дело, а пока – пока я с видом утомленного, но исполнившего свой долг перед Родиной бойца невидимого фронта ушла в душ. Там я прислонилась лбом к двери и несколько минут стояла, просто вдыхая и выдыхая. Затем я сняла грязную одежду и потерла запястья – яркие полосы от наручников напоминали мне о том, что произошло. Дыши, Лиза, дыши. Фаина говорит, что медленно и глубоко дышать полезно. Что в этом случае префронтальная зона коры головного мозга насыщается кислородом, а это такая доля, которая отвечает за принятие нами разумных решений, за то, чтобы оставаться спокойными и адекватными в ситуациях, когда хочется кричать и убегать. Я вдыхала, выдыхала, слушая, как льется вода, но ощущение порядка и покоя не пришло. Напротив, я с пугающей ясностью увидела, насколько абсурдна и ненормальна наша ситуация. Сережа в бегах. За моей квартирой, вполне возможно, следят. Мои телефоны, скорее всего, прослушивают. Мои близкие даже не знают, что их сейчас будут «отрабатывать» на предмет возможных потенциальных связей с наркокартелем. А я – «хорошая» дочь, «прекрасная» подруга и «еще лучшая» сестра, – вместо того чтобы хоть как-то предупредить своих близких о надвигающейся лавине, наврала им с три короба. Зачем? Защищая Сережу? В миллионный раз защищая Сережу, в отношении которого, надо признать, Файка была столько раз права?

Иногда мне кажется, именно поэтому моя сестра меня так бесит. Потому что она часто права.

Стоя в ванной, я стерла паровую завесу на зеркале и посмотрела себе в глаза. Нужно быть честной хотя бы с самой собой. Я сделала это, защищая себя. Я включила воду и принялась мыть руки с неторопливостью и тщательностью хирурга, собирающегося на операцию.

– Я расскажу вам, что случилось, – сказала я, выходя из ванной комнаты. За моей спиной клубился горячий пар. Моя префронтальная зона коры работала, как часы. Я точно знала, что делаю, я понимала последствия, я видела все четко и ясно, как в погожий летний день. Я решилась. Правда – лучшее лекарство. Мне нечего стыдиться, я ни в чем не виновата. За исключением того, что я чувствую себя виноватой.

– Ты уверена? – нахмурился Игорь. – Ты же сказала, что не можешь? Мы не настаиваем...

– Я настаиваю, – вмешалась мама. Нашей маме не прожить и дня, если она не в курсе всего, что происходит с ее дочерьми.

– Я расскажу то, что могу, – кивнула я, собираясь с силами. – Надеюсь на ваше понимание и на то, что не станете меня осуждать. Вчера по дороге в магазин кое-что произошло. Кое-что плохое. На самом деле очень плохое.

– О господи, – выдохнула чувствительная Майка. – На тебя напали?

– Что? – тут пришла моя очередь удивляться ее прозорливости. То, как меня выкинули из машины, вполне напоминало нападение, и я была его жертвой. – С чего ты взяла?

– Ты пришла вся в грязи, да еще и с разбитой губой, – пожала плечами Майя. – Что еще это могло быть?

Я сцепила пальцы на руках, невольно натягивая рукава банного халата так, чтобы скрыть следы от наручников. Я хотела все рассказать, но слова застряли у меня во рту. Меня жгло так, словно бесы растапливали адскую печку прямо у меня в животе. Черт возьми, я просто не хочу слушать очередную проповедь от моей сестры, не хочу читать в ее глазах сакраментальное «я же говорила». Я не могу сейчас еще иметь дело с этим многотонным прессом Фаиной правоты. Она никогда не ленилась говорить, что Сережа – это одни сплошные проблемы. Но жизнь состоит из выборов, которые мы делаем с завязанными глазами и заведенными за спину руками. Нас подталкивают к этим выборам – толкают в спину наши желания, наши гормоны, наши страхи. Нас ведут ложные идеи и несоразмерные ожидания. Вымощенная желтым камнем дорога в ад.

Что еще это могло быть?

– Не нападение, если уж на то пошло, но близко. Я не могу раскрыть подробностей, просто поверьте, событие было очень, очень серьезным. Я оказалась, как бы это сказать, в эпицентре этого события. Я не хотела этого, но так вышло. Я просто оказалась не в том месте не в то время.

– Что?

– Как?

– Вот так, – развела руками я и кивнула, принимая сочувствие, которого не заслуживала. – Я стала свидетелем преступления.

– Случайного преступления?

– Да, – кивнула я, надеясь не покраснеть сильнее, чем это объяснимо для того, кто только что вышел из душа. Врушка.

– Ты не пострадала? – хор вопросов ожидаемо обрушился на меня.

Я закатила глаза и покачала головой с покорностью скромного героя на покое.

– Я почти не пострадала, но мне пришлось – пришлось – поехать и... дать показания. Я не могу, я правда не имею права говорить больше. Я несу ответственность по закону.

– По закону? – ахнула мама. – Это опасно? Тебе не нужен адвокат?

– Не нужен мне адвокат, ты что? – выпалила я. И прикусила губу. Вообще-то адвокат мне не помешал бы. – Но больше я не могу сказать.

– А больше ничего говорить и не надо, – тут же вмешался Игорь. – Сказано достаточно. Верно, Фая?

– Да, да, конечно, – растерянно бормотала моя сестра, обеспокоенно оглядывая меня. Я была противна самой себе. Теперь я была – пострадавшая, теперь я была – свидетель, теперь я была – в центре событий. И никакого тебе «я же говорила, я же предупреждала». Призрак сбежавшего Сережи навис надо мной. Злой и жестокий клоун хохотал у меня за спиной. Глупая, какая же я глупая. Чего я хочу добиться своим враньем? Если мне стыдно за своего мужа, нужно не врать, а подумать о своей жизни, но я не хочу этого делать. Не хочу. Фая несет мне чашку с ароматным чаем и бутерброд с вишневым вареньем. Странно, что это делает она, а не наша вечно заботливая, уютная, как новогодняя елка, мама. На этот раз мама, вместо того чтобы носиться со мной, жалеть меня, кормить меня и помогать мне с моими детьми, тихо, по-быстрому слиняла. Странно. Какие у нее, у пожилой женщины, могут быть срочные дела. Она кинула на меня заговорщицкий взгляд, ее глаза горели, выражение лица было как у виноватого нашкодившего школьника. Я даже не успела спросить, куда это она намылилась. Я подумаю обо всем завтра. А сейчас – отдыхать. Пока Сережа не вернулся.

Глава третья. Двое из ларца

Я еще ничего не сделала, а уже чувствовала, что безумно устала. Ожидание конца света утомляет больше, чем сам конец света. Я попыталась сконцентрироваться. Работа. Я работаю. Я зарабатываю на жизнь.

Он сидел напротив меня и требовал – да, именно требовал, гневно, обиженно, – чтобы я сделала так, чтобы его повысили на его работе. А я гадала, что на самом деле привело его ко мне. Люди идут к психологам, потому что хотят сделать свою жизнь лучше. Может быть, даже изменить ее. Выглядеть лучше, производить впечатление, сводить с ума, зарабатывать втрое, вчетверо больше... Чтоб наконец их поняли, оценили. Чтобы в отпуск. Чтоб не бросали носки по всему дому. Чтобы не пили или хотя бы СТОЛЬКО не пили. Все, что угодно, но только чтобы все не оставалось так, как есть. Есть что-то фундаментально неправильное в человеческой природе, что мешает большинству из нас принимать жизнь такой, какая она есть. Какова бы ни была жизнь, человек смотрит мимо нее, смотрит куда-то еще – в будущее, в прошлое, в выдуманные миры. Человек не желает чувствовать то, что чувствует, и хочет чувствовать что-то другое. Стыд, страх, бессилие – демоны, от которых люди бегут сломя ноги.

И это довольно забавно, учитывая, что на самом деле люди панически боятся что-то менять. В основном они приходят ко мне, чтобы жаловаться на других людей.

Евгений Иванович. Среднего роста худощавый мужчина тридцати восьми лет, одинокий, в свитере и джинсах, курит, практически не пьет, много работает на какой-то сложной инженерной работе. Некрасив, но по-своему привлекателен. С возрастом, возможно, стал даже привлекательнее, чем был в ранней молодости, ибо явно никогда не обладал той щенячьей красотой, что с годами сгорает, заставляя старых знакомых восклицать: «Надо же, а ведь был так хорош!» Евгений Иванович хотел, чтобы мы звали друг друга по имени и отчеству, отчего дистанция между нами только удлинилась. Доверие со стороны клиента для психотерапевта – обязательное условие, однако Евгений Иванович никому не желает доверять.

И тем не менее он продолжает ходить ко мне домой, сидит на моем диване, пьет мой чай, платит мне деньги. Когда он кидает на меня свой пожароопасный взгляд, мне становится не по себе.

– Вам удобно? Может быть, окно закрыть?

– Нормально, да. Не надо, не закрывайте. А впрочем, как хотите, – сухо отвечает он. – Да, закройте.

– Ну, что нового на работе? – спрашиваю я. Мы всегда, ВСЕГДА говорим о его работе. Иногда мне кажется, что он живет там, на этой работе.

– Пришел какой-то кретин с инспекцией. Чего он хочет узнать? Что у нас все через одно место делается? – спросил он. Я раскрыла рот, но так и не придумала, что ответить, и закрыла его обратно. – Наверняка поставят кого-то своего. Всегда так происходит, разве нет? Вы только оглянитесь по сторонам, на наше правительство посмотрите. Да из них можно семейный фотоальбом делать, они же все друг другу – родня, сваты, друзья детства, седьмая вода на киселе. Развели бардак!

– Э-э-э, а как вообще... самочувствие? Как вы спите? Что вам снится?

– Да мне эта чертова работа только и снится – в гробу, в белых тапочках. Вот вы сказали, что я должен расслабиться. Встретить свой страх, посмотреть ему в глаза. Я думал об этом. Нет у меня никакого страха. И конфликтности никакой нет.

– Никакой, – кивнула я, еле сдерживая улыбку.

– Может быть, мне в трудовую инспекцию написать?

– Знаете что, Евгений Иванович, я хочу попробовать кое-что новое. Про трудовую инспекцию – это вы к юристам идите. А я – другой доктор, как говорится. Давайте-ка мы с вами представим, что вас уже повысили. Расскажите мне, как будет выглядеть ваша жизнь после этого.

– Откуда я знаю! Хорошо будет выглядеть! – бросил он так, словно напал на меня с кинжалом.

– Как именно хорошо? Давайте вы закроете глаза и попробуете представить: вот завтра вы приходите на работу уже начальником отдела.

– Подразделения. У нас на пенсию ушел начальник подразделения. Отдел – это я уже сейчас...

– Да, конечно. Подразделения. Вы – начальник вашего подразделения, вы открываете дверь. Я не шучу, Евгений Иванович, закрывайте глаза. Делайте, что вам говорят! – Я взмахнула рукой и забросила ногу на ногу. Несколько секунд мой клиент таращился на меня, а затем с неохотой

закрыв глаза. Безопасность. Закрытые глаза – это нехорошо для мужчины. Надо быть всегда ко всему готовым, нужно быть в курсе, нужно все знать, быть умнее всех, предсказывать все на три шага вперед. Мужчины находятся под постоянным прессом ответственности, отчего они становятся негибкими, как бетонные плиты, из которых строят высотки.

Большинство мужчин, но не мой муж.

– Я чувствую себя идиотом.

– Отлично! – улыбнулась я. – По крайней мере, вы что-то чувствуете. Нет-нет, не открывайте глаза. Лучше расскажите, что там, в вашем прекрасном мире начальника подразделения. Вы счастливы? Вы плывете на лодке по прекрасному океану возможностей?

– Я отвечаю за сложный многофакторный инженерный процесс, какие, к черту, лодки.

– Хорошо. Во что вы одеты? Где вы? У вас свой кабинет? Своя секретарша?

– Гхм, не думал об этом. Мне придется ходить на совещания, носить костюмы. Мне нужно купить костюм. Черт, я ненавижу костюмы.

– Представьте себя в костюме на совещании. Что вы чувствуете? Вы счастливы?

– Счастлив? Да вы даже не представляете, какие у нас идиоты в руководстве, и мне нужно будет с ними все согласовывать, решать вопросы, отчеты писать, рекомендации.

– Значит, несчастны? Вы сидите на совещании, в костюме, с каким-нибудь дорожным планшетом в руках, с чашкой кофе рядом – и вы несчастны?

– Я не несчастен, при чем здесь это? Я работаю. Работа не должна делать человека счастливым.

– А что делает человека счастливым? – я радостно потирала ручки. Добрались до точки в три прыжка.

– Деньги, – заявил Евгений Иванович, и я ручки потирать прекратила.

– Серьезно? – переспросила я, испытав отчетливое желание ударить клиента. – Значит, дело в деньгах?

– Конечно, в деньгах. Люди работают за деньги, разве нет? Вы же тоже сидите тут и слушаете мои разговоры ни о чем из чистой любви к искусству.

– Почему ни о чем? Очень даже интересно, – обиделась я. Евгений Иванович открыл глаза. Мы смотрели друг на друга, как будто играли в

гляделки, ожидая, кто кого переглядит.

– Если вам так интересно, может быть, я не буду вам платить?

– Расскажите мне, почему вы вообще сомневаетесь, что вас повысят? Почему вы пришли ко мне? – спросила я, мудро проигнорировав последнюю фразу.

– Ого!

– Да, – кивнула я с вызовом. – Если бы вы боялись конкуренции, если бы у вашего руководства были «свои люди», если бы были какие-то еще обстоятельства, вы бы не пошли ко мне. Вы бы пошли в эту вашу трудовую инспекцию, к юристам или на курсы повышения квалификации. Но вы пришли ко мне – к психологу. Значит, вы сами считаете себя причиной проблем. Вы, конечно, можете и дальше молчать, но ситуация от этого не поменяется. И проблема не решится. Лгать самому себе не очень эффективно. Я хочу вам помочь. Да, за деньги. Помочь. Так в чем ваша проблема, Евгений Иванович?

Он молча смотрел на меня, явно решая, а не встать ли ему и не уйти ли прямо сейчас. Я решила, что, если он так и сделает, я не стану ему мешать. У меня своих проблем хватает. Когда-то я бы кругами бегала, только чтобы разговорить Евгения Ивановича, когда-то я хотела спасти весь мир, сделать всех людей счастливыми, и мне казалось, что у меня есть ответы на все вопросы.

Сережа убедительно доказал обратное. Он показал мне, как глубока кроличья нора, какой непредсказуемой может быть жизнь, какой изнурительной может быть любовь. И как ничто, буквально ничто не поддается контролю, все валится из рук.

Сережа не позвонил, Сережа не написал. Иногда ночью я просыпалась от мысли, что его уже может не быть в живых. Я представляла себе, как его ловят где-то посреди каких-то безликих полей и болот, а память услужливо подставляла сцену из старого фильма с Жегловым и Шараповым.

«Нееет, Левченко, неееет! Не стреляяаяать!»

– Моя проблема в том, что меня обычно не очень-то любят люди. А для того чтобы получить это чертово повышение, нужно, чтобы люди меня любили, – сказал Евгений Иванович. – Я хочу измениться. Научиться нравиться людям.

– Всего делов-то, – улыбнулась я. Евгений Иванович замешкался, он явно не ожидал от меня такой реакции. Нравиться людям. Мы все хотим, чтобы нас любили. Даже печенью хочет любви. Значит, и мой клиент – тоже.

– Я так полагаю, нужно научиться как-то по-другому говорить или улыбаться. Может быть, делать комплименты. Шутить.

– Скажите, Евгений Иванович, а вы сами себе нравитесь? – спросила я, снова получив взгляд человека, который столкнулся с указателем, написанным иероглифами.

– В каком смысле? Зачем я должен сам себе нравиться?

– Что вы чувствуете, когда смотрите на себя в зеркало, к примеру?

– В зеркало? Единственный момент, когда я смотрю на себя в зеркало, – это когда я бреюсь, и в этот момент я думаю только о том, чтоб не пропустить какой-то участок. Это такая пытка – бриться каждый день, если честно. Я даже подумывал как-то отрастить бороду, тем более она сейчас в моде, но мне кажется, это будет уж слишком. Эй, вы куда?

Я встала и отошла к шкафу у стены.

– Продолжайте, продолжайте. Я сейчас, – и я открыла дверцы шкафа. Я знала, что делать. Средних размеров зеркало лежало под стопкой свитеров. Я достала его и подала Евгению Ивановичу. – Вот, посмотрите, пожалуйста. Сейчас вам не нужно бриться, так что можно просто посмотреть себе в глаза. Что вы чувствуете? Вам нравится то, что вы видите?

– Странная какая-то постановка вопроса, – заворчал он.

По выражению лица я поняла, что увиденное Евгению Ивановичу совсем не нравится. Большая часть людей не нравится самим себе. Подавляющее большинство, если бы им предложили поменяться на какую-то другую личность, другое тело, другой набор человеческих качеств, сделало бы это, не задумываясь. Как я уже говорила, есть что-то фундаментально неправильное в человеческой психологии, но именно это и делает нас людьми.

– Нормальный вопрос, довольно простой. Нравитесь ли вы самому себе? – повторила я.

– А вы? Вы самой себе нравитесь? – неуверенно спросил он. – Потому что людям вы нравитесь, это факт.

– Вы считаете? – удивилась я.

– Есть в вас что-то такое, знаете ли, располагающее к себе. Моя знакомая, которая мне ваш телефон дала, – она мне говорила об этом. Я не знаю, как это объяснить, но я тоже это вижу. Какая-то человеческая

мягкость, что ли? Как-то сразу понимаешь, что никто тебя тут не подставит и не осудит. И это забавно, потому что я же не ребенок, я понимаю, что все это – не больше чем иллюзия. Вот это ощущение, что вам искренне есть до меня дело.

– Но мне искренне есть до вас дело, – возмутилась я. – И я не собираюсь вас подставлять.

– Я понимаю, понимаю, – Евгений Иванович с охотой кивнул, словно пытался дать мне понять, что понял мой намек и не будет выходить за рамки предложенной мною игры. Я начала злиться.

– Я хочу, чтобы вы поняли, это так не работает. Никто не «производит впечатления» хорошего человека. Просто кто-то и есть хороший человек.

– Ну, нет, не можете же вы быть настолько наивной. На свете полно людей, которые будут казаться вам ближе родной матери, а потом окажется, что они у вас кошелек увели. Люди этим и отличаются от животных, что отлично умеют врать.

– И любить.

– Любить умеют все. В этом нет большого искусства, это простой инстинкт. Этому не нужно учиться. А вот чтобы хорошо, правильно врать, нужно обладать поистине большим интеллектом.

Любовь – это просто инстинкт. Моя сестра сейчас плясала бы от восторга. Сережа так и не объявился. Моя большая любовь.

Я одинаково сильно боялась как исчезновения Сергея, так и его возвращения. Страх. Стыд. Бессилие. Если Сережа найдет способ связаться со мной, передо мной встанет мучительный выбор – рассказать об этом следователю, исполнить свой гражданский долг, предать собственного мужа и отца моих детей или скрыть это и поставить под угрозу свое будущее и будущее своих детей? Пока Сережи не было, я могла ничего не решать.

– Значит, вы хотите, чтобы я научила вас располагать к себе других людей. Дурить им голову. Пускать пыль в глаза. Производить впечатление хорошего человека, – сухо уточнила я и холодно улыбнулась. В этот момент в дверь позвонили. И начался настоящий кошмар.

– Откройте, полиция! – услышала я через дверь. Кричали громко. Мое сердце от страха застучало еще сильнее. Я вскочила и беспомощно посмотрела на Евгения Ивановича.

– Что? Полиция? – переспросил меня Евгений Иванович, и на его

лице появилось специфическое выражение, которого я никогда раньше ни у кого не видела. Он смотрел на меня, будто я болела неприличной венерической болезнью, которая передавалась по воздуху. Смесь брезгливости и желания убежать. Время откровенности кончилось. В дверь дубасили и обещали выломать ее к чертовой бабушке. Евгений Иванович раскрывал рот, а затем закрывал его, не находя слов, но по его позе, по тому, как он избегал смотреть мне в глаза, было видно, что сейчас я уже не так ему нравлюсь. И что мои абсурдные мысли о прослушке, вероятно, не такие уж и абсурдные.

Черт, я же жена наркодилера. Я не могу больше принимать клиентов дома. Каждый из них попадет под подозрение, каждый из них из-за меня может оказаться на скамейке свидетелей – это как минимум.

– Почему к вам стучится полиция? Что происходит? – Голос моего клиента стал неприятно визжащим. Дверь долго не выдержала бы натиска, и я бросилась ее открывать, чтобы не остаться без двери совсем. Меня тут же отшвырнули от входа, как котенка. В мой дом влетала черная туча, мне показалось, там было человек сто, но это, как говорится, у страха глаза велики. С десяток человек забежали в мою квартиру, оглядывая все пространство жадными взглядами собаки-ищейки. Они были в обуви, с сумками, чемоданами, с какими-то приборами в руках.

– Что происходит? – спросила я у какого-то мужчины в заляпанном пуховике. Евгений Иванович стоял, как соляной столп, посреди коридора. Он не верил своим глазам. Я тоже. Хотя пребывала уже не в таком шоке, как давеча на МКАД.

– Тушакова? – ко мне обратился какой-то молодой здоровенный лоб – невзрачный свитер, джинсы, во рту какая-то жвачка.

– Я не понимаю. Вы кто?

– Вот постановление на обыск, – лоб «ослепил» меня, помахав какой-то бумажкой перед моим лицом, и повернулся к ожившему Евгению Ивановичу: – Пожалуйста, гражданин, ничего не трогайте руками. Сейчас... Макс, понятые-то где?

– Елизавета Павловна, я могу уйти? – спросил меня он. Мимо нас в детскую комнату прошло трое мужчин. Прямо так, в обуви по ковру со Смешариками. Они переворачивали игрушки, заглядывали под козырек шлема База Лайтера. Я почувствовала острейшее желание тоже куда-нибудь уйти. Хоть бы даже в окно.

– Нет-нет, никто не может уйти, – вмешался лоб. – Гражданин,

паспорт предъявите, пожалуйста. Фамилия? Имя? Отчество? Род занятий? – Евгений Иванович побелел. Он тоже явно раздумывал, не прыгнуть ли ему от такого позора. Пятнадцатый этаж, товарищ. Пятнадцатый этаж.

– О господи! Паспорт? Вы что, террористка? Во что вы меня втравили! – тихо, сквозь зубы прошипел он. Я стояла ни жива ни мертва, лихорадочно соображая, что могло привести ко мне следователей в субботнее утро. Неужели Сережа нашелся?

– Я ни во что вас не втравливала. Это все – ошибка. И да, я уверена, что вы можете уйти в любую минуту, – я посмотрела на следователя так выразительно, как только могла. – Вряд ли у вас есть основания задерживать в моем доме человека, который вообще не имеет никакого отношения ни ко мне, ни к кому-либо еще.

– Как же не имеет, раз он тут, у вас в коридоре, стоит. Елизавета Павловна, только не говорите мне, что это – случайный прохожий, что он тут просто трамвая ждет, – усмехнулся следователь.

– Объясните мне, к чему именно я не имею никакого отношения? – взвизгнул Евгений Иванович. Трое мужчин переворачивали Василисину кровать. Хватали своими ужасными руками пеленки с теми же Смешариками – их нам надарила Фая, она почему-то решила, что Василисе понравится. Моей дочери пока что было все равно, на чем лежать. Впрочем, разве не мы, психологи, говорим на каждом углу, что дети все понимают и все чувствуют еще в утробе матери. Если бы Фаина могла, она бы, наверное, и плаценту сделала бы со Смешариками, чтобы Василиса росла позитивным ребенком. Теперь я эти пеленки выброшу.

Если, конечно, меня не арестуют опять.

– Максим Андреевич, вы не можете вот так запросто вламываться и пугать моих клиентов.

– Как раз можем, – сухо ответил мне следователь. – И как раз ваши клиенты нас очень даже интересуют.

– Что? – побелела я.

– Вы можете предъявить документы? И дать пояснения относительно причины вашего нахождения тут, в этой квартире? – следователь обращался не ко мне, а к Евгению Ивановичу. Тот как стоял, так и осел на стул в прихожей.

– В качестве кого этот человек должен давать пояснения и к чему? – спросила я, встав между Евгением Ивановичем и следователем. –

Предъявите официальные причины. Я сейчас вызову адвоката, до его приезда никто не скажет вам ни слова.

– Мне что, нужен адвокат? – Евгений Иванович скривился так, словно проглотил деготь.

– Макс, посмотреть телефончик? – к следователю подошел здоровенный лоб в свитере. В руках у него был недорогой «Самсунг».

– Это мой! – вскочил Евгений Иванович и попытался отобрать аппарат. Сразу несколько участников обыска тут же оцетинились и бросились на помощь здоровенному лбу.

– Э, нет, нет, вещи трогать нельзя, – вставил кто-то из этой толпы экспертов, что хозяйничали в моей квартире со всей бесцеремонностью налетчиков.

– Но это мой телефон, – возмущенно повторял Евгений Иванович, продолжая сверлить меня колючим взглядом.

Я хотела что-то сказать, но не нашла никакого объяснения. С чего бы я ни начала, там обязательно прозвучали бы слова про «наркокурьера», «сопротивление следствию» и «торговлю героином». Так что я отвернулась и покраснела. Меня жгло изнутри.

Стыд. Бессилие. Ярость.

Я ненавидела себя. Евгения Ивановича допросили. Уже в ходе допроса я поняла, что именно привело следователей в мой дом в субботу утром. Да он-то и привел – Евгений Иванович. Пока ко мне ходили клиентки-женщины, меня не трогали. Евгений Иванович был первым мужчиной, который пересек порог моей квартиры после моего эпохального возлежания на МКАД. Мужчины всегда под подозрением. Одиноким худощавый мужчина с неровными, резкими движениями, с беспокойным выражением лица – это именно то, что нужно. Именно так и должен выглядеть связной краснодарского наркокартеля.

– А вы правы, не вызываете вы у людей доверия, – пошутила я. Черный юмор, конечно. Так и вся моя ситуация, знаете ли, не отличается белизной.

– Считаете? – язвительно переспросил меня Евгений Иванович, поглядывая на лежащий на кухонном столе протокол. – Значит, мое беспокойство небеспочвенно? И как это лечить? Чтобы меня ваши следователи не допрашивали больше, Елизавета Павловна? – последнее он почти проорал мне в лицо. – Понимаете, такой «тренинг» я не заказывал.

– Да уж, тренинг.

– А телефон мне, как я понимаю, теперь вообще никогда не вернут? –

спросил он у кого-то из этой рабочей группы.

– Значит, вы утверждаете, что незнакомы с Сергеем Ивановичем Тушаковым? Никогда его не видели?

– Нет, незнаком и никогда не видел.

– Вы так быстро ответили. И сразу «нет»? Хотя бы фамилию знаете? – ехидствовал следователь, не сводя взгляда с меня. – Ну, подумайте. Тушаков.

– Тушаков. Тушаков. Нет, я не знаю. У меня будут проблемы? А кто этот Сергей Иванович? – уточнил Евгений Иванович.

– Елизавета Павловна, кстати, тоже имеет фамилию Тушакова, – радостно поделился с ним следователь. Евгений Иванович посмотрел на меня взглядом первоклассника, потерявшегося в школе после линейки.

– Это мой муж, – вздохнула я.

– У него ничего нет, – разочарованно бросил эксперт моему следователю после того, как им были осмотрены все частные вещи, включая сумку, куртку и карманы брюк моего клиента. Я хотела провалиться сквозь землю, но земля была далеко, на пятнадцать этажей ниже.

– А контакты?

– Мы потом проверим все, но на первый взгляд никаких признаков сети. Так, разносортица.

– Вы кем работаете? – спросил следователь у моего Евгения Ивановича, и тут мой клиент закипел.

– Я требую прекратить репрессии! – прошептал он. Кажется, он потерял от страха голос. – Вы не имеете права! Я не обязан, – слова застревали у него в горле. – Вы не можете портить... я тут совершенно ни при чем...

– Никто не собирается ничего вам портить. Это рутинный вопрос. Вы отказываетесь отвечать?

– Я отказываюсь, да. То есть нет. Вы можете гарантировать, что не приедете ко мне на работу?

– Я ничего не могу вам гарантировать.

– Нет? – Евгений Иванович смотрел на следователя, как на палача. Кажется, тот тоже это почувствовал. По крайней мере, он сменил тон и заверил Евгения Ивановича, что без экстремальной необходимости к нему на работу не поедут и не позвонят, что это просто формальность, что так положено. Совершенно убитый, мой клиент продиктовал данные. А потом он потерял всю свою агрессию и принялся умолять. Страх пришел на место ярости. А с ним и откровенность, которую я так долго пыталась в

нем найти.

– Адрес. Должность, – невозмутимо спрашивал следователь. – Ваш телефон мы заберем для более глубокой проверки. Можете позвонить мне вот по этому номеру, я вам скажу, когда вы сможете его забрать.

– Но я не могу без телефона! Мне по работе могут позвонить. Даже завтра, – и Евгений Иванович посмотрел на меня, как олененок Бэмби, которого вот-вот пустят на котлеты.

– Это не наши проблемы. Мы действуем по закону.

– А конфиденциальность? Вы же обязаны. Да? Мне нельзя сейчас терять работу. Я женщину встретил, с ребенком. Мне нужно... нужно... Может быть, я решу жениться. Чужой ребенок – это же ответственность, понимаете. Не могу я потерять работу. А, кому я все это говорю! – Евгений Иванович всплеснул руками и вдруг посмотрел мне в глаза. Раненый Бэмби. Я невольно прикрыла рот ладонью. Ни разу, ни на секунду я не заподозрила его в том, что он влюблен. Самый черствый, напряженный, готовый броситься в драку, все измеряющий деньгами – он хотел жениться? На женщине с ребенком? Поэтому-то он так хотел повышения, ради своей будущей семьи? Любовь – это всего лишь инстинкт? Поэтому он ходил ко мне?

– Я куплю вам новый телефон, – сказала я. – Я куплю вам его прямо сейчас. Вот выйдем из дома – и в салон. Только не нервничайте.

– Да не надо, – махнул рукой Евгений Иванович. – Чего уж там.

– Нет, надо. Мне надо. Это все... из-за меня же.

– Я все же так понял, что это все – из-за вашего мужа, разве нет? – переспросил Евгений Иванович.

– Нет. То есть да, но это ничего не меняет. Знаете, я правда хочу сделать хотя бы это. Ничего остального я изменить не могу, но это-то в моей власти, – настояла я. Поменяете сим-карту – и все. На работе никто не заметит. Девушка ваша не заметит.

– Ей тридцать два, – зачем-то уточнил Евгений Иванович. – А сыну восемь. Я не уверен, что это все – хорошая идея. Он же никогда меня не будет считать настоящим отцом. Знаете, сколько конфликтов на этой почве бывает? И я ничего не могу поделать, не люблю я его. Не то чтобы я к нему плохо относился, но, знаете, нет мне до него дела. Я могу с ним чай попить, могу в зоопарк сходить. Тут как-то мы с ним идем домой из школы, а он спрашивает меня, будем ли мы с его матерью жениться. Я онемел, не знал, чего ответить. А он и ждать не стал, сказал, что сам бы ни за что жениться не стал. Потому что это ж надо с чужой девочкой жить в одной комнате.

– Мы почти закончили! – крикнул кто-то из комнаты.
– Есть что-то?
– Ни черта, Максим Андреевич.
– Вы шли с ним из школы?
– Я иногда его забираю. Раньше заканчиваю. – Голос у Евгения Ивановича дрожал. – Знаете, говорят, чужих детей растить в сто раз сложнее, чем своих.

– А вы сможете вот так просто взять и от них уйти? Просто потому, что так будет рациональнее? – спросила я. Евгений Иванович сначала хотел что-то ответить, но затем отвернулся и принялся заново раскладывать вещи внутри распотрошенной при обыске сумки. Я знала совершенно точно, что он сейчас чувствует. Что чувствуешь, когда решение уже принято внутри себя и ты пытаешься его осознать, справиться с ним, бороться с ним, просто его пережить. Любовь – это никогда не просто. Напротив, она разрушительна, как ураган Ирма, а когда она уходит, все лежит в руинах, засыпанное песком. И остается только радоваться, что вообще уцелел и выжил. Рациональное мышление – этот роскошный дар природы – не работает, когда речь идет о любви. Просто инстинкт, но какая разница? Мы следуем ему с упорством Жанны д'Арк.

Я следую ему, и вот куда я пришла.

– Максим Андреевич, там понятые уехать просят, – в двери появился невыразительный мужчина в куртке из искусственной кожи. – Им за ребенком в садик надо.

– Пусть ждут, – отрезал следователь. Я вздохнула и покачала головой.

Глава четвертая. Свинская эктомия

– А что, ваш муж не придет? – спросила меня Елена Михайловна доброжелательным тоном вежливого незнакомца на вечеринке. И достала из холодильника приличных размеров кусок свиного окорока. Услышав вопрос, я вздрогнула. Меньше всего я хотела обсуждать дела моего мужа с матерью Игоря. Меньше всего я хотела вообще говорить о Сереже.

– Не сможет, к сожалению, – сказала я максимально естественно. Просто жена, которая переживает, что будет праздновать Крещение без мужа. Кухня была уютно завалена продуктами для будущего пиршества, на подоконнике стояли ровные ряды газировки и немножко бутылок с красным вином. Пахло тмином, уксусом, а больше всего терпким молотым перцем, который щекотал ноздри и заставлял нас время от времени чихать. Коляска, в которой мирно дрыхла Василиса, стояла на балконе, а Вовка в комнате пялился в телевизор. Обычно его невозможно остановить, он носится как угорелый, за исключением случаев, когда я включаю его обожаемые «Тачки» – их он может смотреть по кругу без остановки.

Забавно, что вместе с ним «Тачки» смотрели еще два «дитятка» – Игорь и его отец. Мы же, «девочки», трудились на кухне.

– Он все еще в командировке? Ну нельзя же так много работать! – сказала Елена Михайловна, протирая мясо бумажными полотенцами. Затем она включила воду в кухонном кране и принялась мыть руки. Мы собирались сделать нечто вроде шашлыков, только без угля, в духовке. Шашлыки по-московски – так сказал Игорь Апрель, великолепный парень моей сестры. Кусок был огромным – целая свиная нога с копытцем – и смотрелся неуместно на столешнице стандартной кухни. Фая и Игорь ждали, когда достроится их новостройка в Новых Черемушках, а пока мы с трудом помещались в их съемной, стерильно чистой однокомнатной квартире.

– Да, Лиза, сколько можно работать! – поддела меня Фаина, и я только фыркнула в ответ. С возрастающим изумлением я смотрела на продолжающую мыть руки Елену Михайловну. Она мыла их медленно, методично, палец за пальцем, каждый сантиметр кожи.

– Хирург. Она хирург, – тихо бросила мне Фая. – Не то что Сережа.

– Да ну тебя, – беззлобно отмахнулась я, а Фая рассмеялась.

Безработица для моего мужа была состоянием нормы, как говорит Малышева в своей программе «Жить здорово», но сестра никогда не упускала повода напомнить мне о том, как и насколько я не права, что решила жить с Сережей.

Она даже не представляет, насколько моя любовь зла.

– Хорошее мясо, – пробормотала Елена Михайловна и принялась за мясо. Сделала она это весьма необычным способом. Сначала она протерла столешницу каким-то неведомым раствором нечитаемого запаха и вытерла все насухо. Затем она положила огромную разделочную доску строго параллельно краю столешницы, а рядом – так же параллельно – чистенькое полотенчико. Там, на полотенчике, она идеально ровно разложила несколько ножей разного размера, салфетки, а рядом поставила стакан с водой, несколько баночек со специями. Я, как загипнотизированная, смотрела на эту красоту. Столько опыта, столько методичности, я бы даже сказала, мелодии в ее движениях.

– Только с костью, – пожаловалась Фая.

– Ничего, вырежем. А как вы познакомились? – спросила вдруг Елена Михайловна, задумчиво проведя пальцем по ножам, словно пытаюсь понять, какой из них подходит для разрезания окорока с точки зрения Дзен.

Плохая это была идея. Очередная ужасная идея нашей мамы – собрать всю нашу шумную, как бы дружную семью за одним столом. Вести разговоры, от которых я больше всего хотела уклониться. Сережа. Он работает, он в командировке. Он, может быть, прямо сейчас удобряет какую-нибудь пасеку. Или где там растет героин. А тут – на ужине – будут все. Мы сами, мои дети, отец и мать Игоря, наша с Фаиной мама – она тоже обещала приехать, и даже вроде не одна, с подругой. И все они будут задавать вопросы. Я постаралась ничем не выдать свою реакцию и только еще яростнее набросилась на картошку с картофелечисткой.

– Фая, как вы познакомились с Игорем? – перевела стрелки я.

– Нет, Лиза, расскажи нам про свою Большую Любовь! – поддела меня сестра, но Елена Михайловна, эта милейшая женщина с грацией молодого длинношеего жирафа, смотрела на меня чистыми зелеными глазами – теми самыми, «апрельскими» – полными неподдельного интереса.

– Большая любовь? – Елена Михайловна заговорщицки улыбалась. Она выбрала тонкий очень острый нож с изогнутым лезвием и принялась делать точные глубокие надрезы в районе копытца. – Мы со Славой учились вместе. Школа, потом институт. Знаете, у нас такой вот любви не

было, мы слишком хорошо друг друга знали, чтобы испытать что-то такое – большое и внезапное. Когда ты с человеком рядом в одних и тех же коридорах учишь анатомию, тут все проявляется, знаете ли, постепенно. – Елена Михайловна рассказывала, а попутно трудилась над окороком.

– И что же? Когда вы поняли, что это судьба? – спросила Фая.

– Судьба? Я тебя умоляю. Мы вообще ничего такого не поняли. К концу института я забеременела, хотели брать академический отпуск, но родители – бабушка Игоря по Славинной линии была категорически против. Мы поженились, бабушка заботилась об Игоре до самого детского садика. Стали жить. Работали много. Игорек болел. Заботы. Какая там судьба!

Елена Михайловна резала мясо быстро, рассекая его в каких-то самых правильных точках, и окорок прямо на глазах распадался на куски совершенно одинакового размера, настолько идеально ровные, словно выполненные на японском заводе по производству роботов. Я смотрела, не отрываясь: ее руки были какими-то... нечеловеческими. Руки высшего существа, инопланетянина, лазерный меч джедая.

– Но когда-то вы поняли все-таки, что это любовь? Не могут же люди просто так забеременеть, если они даже вместе учат анатомию, – влезла Фая, и они обе – моя сестра и мама ее парня – расхохотались. Я знала, что Игорь Апрель пришел в мир как результат любви двух врачей, что их семья – медицинская династия и что он для своих родителей стал чем-то вроде разочарования, сменив хирургию на психиатрию, а затем и вовсе уйдя с головой в психологию и мотивационные тренинги. Игорь был книгой за семью печатями, и даже его родители, мне кажется, не понимали до конца, что он за человек. И на черта ему сдалась эта психиатрия!

– Любовь, конечно, была, но мы как-то не сразу это даже поняли, – пожала плечами Елена Михайловна. – Нет, конечно, мы всегда нравились друг другу. Очень нравились. Но только без безумия, без этих, знаете, катастроф и разбитых сердец.

– Как у Игоря с Анной? – неожиданно жестко спросила Фая. Елена Михайловна даже растерялась на секунду, она явно никак не ожидала услышать этого имени. Призрак прошлого, которому просто не было никакого места за нашим столом.

– Вы знаете про Анну? – Елена Михайловна была озадачена. И, кажется, встревожена. Интересно, почему? В конце концов, речь идет всего-навсего о юношеской влюбленности ее сына. Дела давно минувших дней.

– Я знаю про Анну, да, – просто ответила Фая, продолжая невозмутимо мыть овощи в раковине. – Большая Первая Любовь, верно? Куча трагедий, сплошной Шекспир.

– Вот именно об этом я и говорю. Большая Любовь – она же требует самоотдачи, времени и сил. Ты будешь переживать ее как большое приключение, будешь страдать, не спать по ночам, думать только о ней. Я примерно правильно описываю? В нашем случае нашей Большой Любовью стала сосудистая хирургия. Мы переживали нашу любовь к медицине так же тяжело, как если бы она была жестоким ветреным любовником. Переживали вместе, – Елена Михайловна ловко орудовала своим кухонным скальпелем, и я невольно поймала себя на мысли, что вот так же она вскрывает человеческие тела, чтобы проникнуть в то, что было природой тщательно скрытым.

– Между прочим, это звучит очень романтично. Влюбленные в медицину влюбленные.

– Мы ничего такого не понимали. Но, в целом, да, возможно. Мы были настолько вместе, что просто не представляли, что может быть как-то иначе. Помню, уже после ординатуры мы со Славиком поехали на конференцию по сосудистой хирургии в Париж, и это была та еще поездочка. В общем, неважно. После того как конференция закончилась, мы ехали в Ле Бурже. Приехали и уже там, на месте, поняли, что на самом деле нас привезли в другой аэропорт, который Шарля де Голля. Нет, времени у нас было еще полно, только вот такси уехало, мы одни, французского не знаем. Кое-как сориентировались, нашли какую-то электричку, пока ее ждали, сели в кафе неподалеку – там было полно таких вот кафе для туристов. И вот, сидим мы, пьем кофе, а мимо нас проходит какой-то чернявый такой арапчонок с губной гармошкой. И как только понял, бес его знает, мы же сидели и молча пили кофе. Но он вдруг подошел к нам и как затянул эту песенку дурацкую Серова... как же там... ах да, «я люблю тебя до слез». Такого корявого русского я вообще никогда не слышала. Мы со Славиком смеялись, как сумасшедшие, и все дорогу до Ле Бурже друг друга дразнили, напевали это «я люблю тебя до слез». Вот тогда, мне кажется, я все про нас и поняла. Так, мясо ваше готово, господа. Кто будет мариновать?

– Ничего себе! – воскликнула Фая. Завороженная историей, она пропустила настоящее шоу – то, как профессиональный сосудистый хирург нарезает мясо на шашлыки. Теперь она стояла перед результатом. Идеальные кубики мяса выстроились ровными рядами для дальнейшей обработки.

– Тебе, Фая, никогда нельзя подпускать Елену Михайловну к своему шкафу, – усмехнулась я, продолжая работу. – Ее же инфаркт хватит. Миокарда.

– Это еще почему? – рассмеялась мама Апреля.

– Не по чему! – холодно бросила Фая, выразительно, почти с ненавистью глядя на меня. Да уж, у Елены Михайловны, наверное, вещи лежат в идеальном порядке, сложенные не только футболка к футболке, джинсы к джинсам, но и по цвету, по ткани, по размеру и, бог весть, по какой еще категории.

Повезло Фае со свекровью. Впрочем, никто еще не поженился.

– А по-моему, это и есть Большая Любовь, – заявила сестра, сбрасывая все мясо в большой зеленый таз. – То ли дело мы с Игорем. Он со мной, можно сказать, от отчаяния, – весело добавила она, заполучив удивленный взгляд Елены Михайловны.

– Не до такого уж отчаяния он дошел, – хихикнула я.

– А, да ладно. Мы вчера ездили на стройку, наш дом уже практически готов, и вот мы смогли зайти, посмотреть квартиру. Как ты знаешь, ее мы не вместе выбирали, ее Игорь один выбирал, когда еще только думал присматривать себе жену. Возраст, понимаешь, то-се. В общем, пора. Не то чтобы сильно хотелось, но пора... – Фая говорила спокойно, ровно, и я хорошо знала, что она вовсе не пытается набить себе цену или каким-то образом пожаловаться на судьбу. Фаина жила, занижая ожидания, опуская так называемую планку прямо на пол, закапывая в землю. Она предпочитала считать, что все, что случилось хорошего, случилось скорее по недоразумению и по чьему-то небесному недогляду.

Такое хорошее, как появление Игоря в ее жизни.

– Нет, он просто знал, что встретит тебя и полюбит, – вмешалась мама Игоря. Вопреки всей логике мира, моя сестра Фаина ей нравилась, я это видела. Повезло, повезло. Удивительно, насколько хорошо ее тут приняли, хотя обычно моя сестра не ладит с живыми людьми. Другое дело – машины. Наверное, именно поэтому она и пошла в программисты, там не нужно контактировать лично, там достаточно понимать машинный код.

– Хорошо, я не спору. Я ему во снах снилась в белом платье, и он поэтому пошел и купил квартиру в Новых Черемушках, в ипотеку. Сон в руку. Не в этом дело. Я же сейчас про Большую Любовь говорю. Так вот, приходим мы на объект – так его тамошний менеджер называл, поднимаемся по бетонным лестницам, пылица, ужас. Я боялась, что грохнусь. Не верится, что скоро там будут люди ходить, стучать по батареям, чтобы музыку делали тише.

– Фая!

– Ладно, ладно, это я так. Лирическое отступление, – кивнула она и примирительно махнула рукой. – Ты чисти картошку-то. В общем, заходим мы в квартиру. Игорь начинает меня водить по бетону и рассказывать, что тут будет. Тут, мол, холл, тут – с намеком так – детская, там ванна с душем и санузлом, второй санузел для гостей. В общем, я поняла, что красиво жить нам с ним никто не запретит. А потом в кухне вижу огромное окно – в три аршина размером – и в пол почти. Ох, как мне понравилось, не представляете. Думаю, поставим тут диван, будем сидеть, кофей пить и смотреть на Новые Черемушки сверху вниз, как короли. А Игорь вдруг, знаете ли, как-то помрачнел, взгляд отвел и головой качает. Говорит – это место для цветов.

– Для каких цветов? – удивилась Елена Михайловна.

А я не удивилась, история с цветами мне была хорошо известна. На работе, в кабинете Игоря, там, где он принимал своих пациентов, был целый домашний цветник. Изначально Игорь привез эту кучу горшков из Владивостока. Ему этот цветник достался, когда его девушка, его Большая Любовь, в которой он души не чаял, бросила его после десяти лет чудесных, безоблачных отношений и уехала к своему жениху в Израиль.

– Для цветов Анны, конечно. Цветы Анны – они важнее всего, им и место у самого лучшего окна, – тихо сказала Фая, в ее голосе звучала горечь.

– Цветы Анны? – ахнула Елена Михайловна. – Он хранит ее цветы?

– А вы не знали? – хмыкнула Фаина, яростно перемешивая мясо со специями. Еще немного усилий, и мы получим котлеты вместо шашлыка. – Вы ведь, наверное, все это сами видели. Ту самую, Большую и Первую, которую еще называют Незабываемой. Я вот, получается, ни для кого не была Большой и Незабываемой.

– А Юрка? – вмешалась я, напомнив Фаине о мужчине, призрак которого витал над ее жизнью пару лет после того, как они разошлись. Не сошлись характерами, кажется, так это называют. Характер у Файки, как у шарика для игры в пинг-понг, – никогда не знаешь, куда ее понесет.

– Так ведь это он был для меня – Большая Любовь. Я-то для него...

– А с чего вы взяли, что это цветы Анны? – Елена Михайловна вернула нас к теме, с которой я только что так лихо спрыгнула. Мы с Файей переглянулись.

– Да уж не сомневайтесь, ее цветы. Не удивлюсь, если завтра она и сама заявится. Иногда мне кажется, что Игорь ее до сих пор немного ждет, – сказала Фая самым невозмутимым тоном, который исчерпывающе

говорил, насколько сильно это ее ранит.

– Такого не будет, – заверила ее мать Игоря.

– Почему это не будет? Сейчас у нас такой мир, все возможно. Одно письмо в какой-нибудь инстаграм, и все пошло-поехало, старые чувства вспыхивают, как солома. Мы даже можем быть уже женаты и с детьми, можем планировать покупку дачи в ипотеку, почему нет? И все развалится.

– Ты пессимист, как всегда. Игорь не такой.

– Да? Почему ты так уверена? – хмыкнула Фая. – Откуда ты знаешь, какой он?

– Фая, что на тебя нашло? – спросила я, глядя ей прямо в глаза. – Нельзя жить с кем-то и не доверять ему настолько. Нельзя наказывать человека за то, что он не делал.

– Ты знаешь, ты права. Ты-то понимаешь в этом толк. Ты же психолог. Ты не наказываешь людей даже за то, что было сделано и заслуживает наказания. Мать Тереза ты моя. Где вот опять носит твоего Сережу? Почему от него ни слуху ни духу?

– Фая! – крикнула я и подняла руки, невольно защищаясь от нее. Инстинктивный жест, как у собаки, над которой проводят палкой, – животное все равно сжимается в комок.

– Ладно, прости. Прости, прости, – сестра засуетилась, увидев – как всегда, внезапно, – насколько сильно это меня задело. – Я понимаю, это глупо, ненавидеть цветы, но иногда мне так и хочется взять и потушить в них какой-нибудь горящий бычок. А ведь я даже не курю.

В дверь позвонили. Фая помедлила, задумчиво глядя на меня, а затем тихо вышла из комнаты, пытаясь по дороге привести себя в порядок. Свои чувства. Моя сестра ненавидит чувствовать. Она была такой всегда. Это было обратной стороной ее непреклонной правдивости и той негибкости, которая отличает людей, которые говорят всем прямо в лицо, что именно они думают и куда им всем следует идти. Это у нее от отца. Поэтому он и любил ее больше всех, поэтому они и были с ним – неразлейвода.

– Я думаю, можно будет подсыпать еще немного перца в шашлык, – пробормотала Елена Михайловна, разглядывая мясо в тазу так, словно это действительно был сложный хирургический пациент. Я спохватилась и повесила на лицо дежурную улыбку. Черт, я вообще забыла про нее.

– Только немного. У нас и так тут все достаточно... остро, не считаете? – и я хихикнула. Елена Михайловна улыбнулась в ответ.

– Кто там приехал? – спросила она, хотя сам вопрос не имел никакого смысла, так как мы обе стояли тут, на кухне. – Может быть, ваша мама?

– Может быть. Я не знаю, честно. Мне кажется, она давно уже должна была быть тут. В последнее время она постоянно путает время, опаздывает, где-то задерживается. Я даже начинаю за нее волноваться, – поделилась я.

Это была неправда. Я должна была бы за нее волноваться, но у меня не хватало ни времени, ни сил волноваться за маму, тем более что у нее было все более-менее в порядке. Да, она чувствовала себя немного одиноко. Она переживала, что Фая уехала, что мы ей довольно редко звоним, что у нас свои дела и свои проблемы. Но ведь это нормально? Так у всех? У мамы были подруги, была поликлиника с ее бесконечными очередями, была йога, в конце концов. И дача, на которую, если уж на то пошло, всегда можно было увезти столь ненавистные Фаине цветы. Проблема была в том, что Игорь действительно этими цветами дорожил. Если бы не это – Фая бы давно их уже пристроила. Не такая уж это проблема – избавиться от пары десятков прекрасных цветов.

– Думаете, он действительно все еще ее помнит? – услышала я вопрос.

Елена Михайловна смотрела на меня так напряженно, словно мы были двумя шпионами в плену и у нас было не больше пары секунд, чтобы обменяться секретной, жизненно важной информацией. А иначе – все пропало. Чего всем так дались эти цветы?

– Да, помнит. Это так и есть.

– И Фая переживает?

– А вы бы не переживали?

– Это было так давно.

– Это ничего не меняет и, боюсь, никогда не поменяет. Что там произошло? Я так поняла, что эта Анна в какой-то момент, как говорится, на ровном месте просто развернулась и бросила Игоря, не поговорив, не дав ни одного ответа, ни времени прийти в себя. После десяти лет она ведь даже не потрудилась расстаться с ним лично, оставила ему эту чертову записку. Кто так делает? Она разбила ему сердце, а моя Файка теперь пытается любить оставленные вашей Анной обломки.

– Она не моя Анна, – нахмурилась «мама-жираф». Ее благородное лицо было грустным, словно она хотела что-то сказать, но не решалась. Это было, в какой-то степени, очень странно, что ей вообще есть дело до того, переживает Фая или нет.

– Это нечестно и несправедливо, особенно по отношению к Файке, но такова жизнь. Большая Любовь уходит, а мы потом встречаемся, любим, строим планы. Сидим и составляем список, что нам купить в «Ашане». И рожаем детей. И пытаемся убедить себя, что ничего, что у тех, кого мы любим, до нас уже была Настоящая Большая Любовь! – воскликнула я.

– Мне кажется, сейчас вы говорите вовсе не о Фаине? – склонила голову Елена Михайловна.

– Что? – вытаращилась я. – Нет. Не знаю. У всех у нас есть свои истории в прошлом, разве нет?

– У меня не было, – словно извиняясь, пробормотала она.

– Серьезно?

– Мы встретились еще в школе. Мы сидели за одной партой.

– О господи, – всплеснула руками я. Мама Апреля с пониманием кивнула. – Что ж, тогда, наверное, вам нас будет трудно понять. И вообще, мы с вами поразительно далеко ушли от пресловутого английского «small talk», не согласны? – я заставила себя сквозь силу улыбнуться. – Хорошая погода, не правда ли?

И мы обе, не сговариваясь, посмотрели в окно. За окном мела метель.

– Этого не будет. Я уверена, – услышала я. Когда я обернулась, Елена Михайловна смотрела на меня так, словно раскрывала мне какую-то невероятно важную тайну. Она даже с опаской поглядывала на дверь, как бы кто не зашел к нам.

– Чего не будет? – не поняла я. Она склонилась над ювелирно нарезанным мясом и принялась раскладывать его по решетке-гриль для духовки.

– Фаине совершенно нечего бояться. Анна никогда сознательно не стала бы причинять кому-то боль.

– И тем не менее... – фыркнула я возмущенно. – Мы имеем то, что имеем, разве нет?

Елена Михайловна замолчала и принялась разглядывать свой маникюр с таким пристальным вниманием, словно там был зашифрованный ответ, нанесенный на подкову блохи. Потом она посмотрела на меня.

– Анна не вернется к нему вдруг, с бухты-барахты.

– Почему? А если завтра эта Анна вдруг решит ему написать? Ну, станет ей скучно в этом ее Израиле? Такое ведь происходит сплошь и рядом, бывшие находят бывших и начинают, как это называется, оживлять былое, – спросила я.

– Просто поверьте. Никогда этого не случится.

– Но почему? – возмутилась я.

– Потому что... потому что она совсем не такой человек, можно так

сказать. Если она уходит – то навсегда. Этого не изменить, не исправить.

– Люди меняются с годами.

– Нет. Не она, – сказала Елена Михайловна.

– Даже в том, как вы о ней вспоминаете, я вижу женщину, которую невозможно забыть. Анна обидела вашего сына, она сделала его несчастным, из-за нее он уехал из Владивостока, но вы по-прежнему уверены в ее прекрасных моральных качествах. Можно ли найти лучшее доказательство того, о чем я говорю. Незабываемая бывшая.

Елена Михайловна снова уставилась на ногти. Затем она перевела разговор – да так искусно, что я даже не успела заметить, – и принялась расспрашивать меня о том, была ли я когда раньше во Владивостоке. И убеждать в том, что мне обязательно нужно туда приехать и что там зима, конечно, тоже суровая, зато лето – это рай, и море, и куча морепродуктов, и рыбалка, и вообще, детям там был бы замечательный отдых. Она говорила так быстро, так «монолитно», что вклиниться в это было уже невозможно. Затем она принялась расспрашивать меня о моей работе. Усыпила бдительность.

– Фая говорила, что вы тоже работаете психологом? – тоже – имелось в виду, как и ее сын. В голосе, в интонации – легкий налет разочарования. Еще бы, ее мальчик мог стать хирургом. Елена Михайловна с жалостью посмотрела на грудку картошки, над которой я мучилась, и забрала у меня овощечистку. Все же руки хирургов – это восьмое чудо света. Поразительно точные движения.

– А она не прибавляла к этому приставки «горе»? – рассмеялась я. – Обычно это звучит как «горе-психолог», если это говорит моя сестра.

– Она не любит психологов? – в голосе едва прикрытая радость. Повезло Фая, повезло. Чего не скажешь о самом Игоре. Я-то, как никто, хорошо знаю, что это такое – заниматься делом, которое никто не одобряет и за дело-то даже не считает.

– Скажем так, она психологов в целом сильно недолюбливает, но вашему сыну она выдала амнистию.

– Но не вам, так?

– Мне – нет. Она по-прежнему считает, что лучше бы я оканчивала экономический факультет. И вообще, она уверена, что знает, как мне жить так, чтобы жить правильно.

– А вы?

– А я точно знаю, что если бы мне пришлось работать бухгалтером, я бы повесилась. Экономика – это не мое. Господи, как же это у вас

получается – так орудовать картошкой этой дурацкой.

– А, это! – Елена Михайловна махнула рукой. – Ерунда. Все думают, что работа врача – это зазубривать латынь и уметь называть все кости до единой их скучными латинскими названиями. Отчасти это и так, но только хирурги после того, как выучили все косточки и еще кучу всего, идут и учатся работать руками. Мы называли это «кружок кройки и шитья». Нужно натренировать руки, тело, сознание так, чтобы быть уверенным в самом мельчайшем движении, в том, сколько миллиметров ты прошел. Порой приходится работать вслепую, на ощупь, на чистой мышечной памяти. Руки – наш инструмент. А тут – картошка. Я вас умоляю. А ваш муж чем занимается?

Транспортировкой и продажей героина.

– Он работает торговым представителем, – ложь, полная и стопроцентная. Домашняя заготовка как раз для таких случаев. Сережа работал то чернорабочим, то электриком, то менеджером на процентах. Он начинал заново, наверное, миллион раз, но ни разу так нигде и не закрепился. Двигаясь по карьерной лестнице, он каждый раз спотыкался о какого-нибудь «беспросветного идиота» в начальстве, после чего довольно быстро вылетал и снова начинал все заново. Сережа в каком-то смысле как ребенок. Идеалист, который верит в то, что все должно быть по справедливости, что зарплату должны давать вовремя и в полном объеме, а если он вдруг опоздает на работу на три часа, его обязательно простят. Может быть, в этом и виновата его мать, которая растила его, как любимый оранжерейный цветок. Тьфу, опять цветы.

Мне все равно, кто виноват и как Сережу растили. Да, это заявление звучит инородно в устах психолога, но мне плевать. Мне не нужны объяснения, мне нужно, чтобы никто не искал контрабанду под одеялом со Смешариками, под которым спит моя дочь.

– Вы его любите? Фая говорила, что у вас был непростой период, что вы жалеете мужа.

– Она так сказала? – удивилась я. «Жалею» – это было, наверное, самое точное описание наших с мужем отношений. Я его жалею. Он неплохой человек, и я его жалею. У нас была Большая Любовь. Иногда даже Большая Любовь оборачивается разочарованием, усталостью и болью, но мы все равно держим ее при себе, как сокровище. Только то, что сжигает нас изнутри, остается с нами навсегда.

– Мы все наших мужчин немного жалеем, верно? – легко рассмеялась Елена Михайловна. – Так как вы познакомились?

– Одна моя институтская подруга привела меня на тренинг по телесной медитации.

– Это что ж такое будет? Медитацию-то я знаю, а вот такую ее разновидность, как телесная...

– Это было связано с расслаблением. Концентрация на тех или иных зонах в теле.

– И ваш муж тоже был там?

– Да, – кивнула я.

– Немногие мужчины занимаются такими вещами.

– Немногие, это точно, – согласилась я. – А жаль.

– Возможно, вы правы, Лиза. Нам вот с мужем очень иногда не хватает расслабления. Мы даже ходили к массажисту, чтобы он нам снял напряжение в шее. У Славы даже были головные боли. Эти медитации очень полезны. Между прочим, и ученые тоже подтвердили. Глубокое дыхание укрепляет...

– Префронтальную зону коры головного мозга, – рассмеялась я. – Вы тоже говорили об этом с Файкой?

– На самом деле, с Игорем, – хмыкнула она.

Мы замолчали и вернулись к работе. Я вспомнила, как мы с Сережей долго разговаривали о сущности человеческой, о том, что происходит на тонких уровнях человеческого сознания, когда человеку удастся погрузиться в «неведение» и «небытие». Мы говорили и не могли наговориться, пошли вместе к метро, он проводил меня до дома. Потом позвонил – чуть ли не на следующий день. Встретил меня в институте, и мы гуляли по Москве целую ночь. И говорили – о духовном развитии, о бессмысленности экономики как науки – я тогда училась на факультете экономики, о мире, о других мирах, о людях, которым нужна помощь. Мы так много говорили с ним когда-то – обо всем на свете. Пока не начали говорить о деньгах на жизнь.

Сережа был неплохим человеком. В этом была большая проблема. Если бы он был плохим человеком, все было бы куда проще.

– Вообще у нас, в России, мужчин часто жалеют. Хотя мне лично чаще жаль женщин. Им больше достается. Не согласны?

– О, да, и вы даже не представляете, насколько, – улыбнулась я, когда в кухню, как ведьма на метле, влетела Фая.

– Нет, ну за что?! – всплеснула она руками.

– Фая? Ты чего? Что случилось? – спросила я.

– Да ничего! – воскликнула она тоном взбешенного родителя перед тем, как начать читать долгую изнурительную педагогическую лекцию своему ребенку. – Ничего особенного. Просто мама наша пришла. Но не с подругой. Нет, не с подругой, понимаешь? И это, знаешь ли, совершенно другая история.

Глава пятая. Беспокойная старость

Мама привела с собой мужика.

Фая тихо повторяла это на разные лады – так, чтоб услышать могла только я. «Она с мужиком». «Она не одна». «Думаешь, возможно, чтобы у нее была такая подруга... мужского пола?» И прибавляла: «Это все ты виновата». Последнее было адресовано мне, без логики и каких-либо объяснений. Я даже не знала, что отвечать. Минуту назад я корила себя за то, что редко звоню своей «постаревшей, одинокой, забывчивой, вполне вероятно, уже страдающей склерозом матери», женщине, которая растит на даче тыкву, а затем показывает ее фотографию всем своим подругам. Но вот передо мной стоит уверенная в себе женщина в красивом сливовом платье-футляре и держит под руку мужчину. Не мужика, как сказала моя сестра, а именно мужчину.

Незнакомый, неизвестный, он вызывал вопросы и желание попросить его уйти и не тревожить наш давно устоявшийся мир и покой. Что-то говорило мне, что он не уйдет. Что-то – в его выправке военного в отставке. Ухоженный, одетый со вкусом в хорошие, хоть и не новые вещи, он был чем-то похож на Шона Коннери в годы его красивой зрелости. Такой же седой, с такой же бородой, в очках с тонкой оправой. Опасный. Неглупый. Мы так много можем сказать о человеке, только взглянув на него, и многое из этого вполне может оказаться правдой. Сотни тысяч лет эволюции научили нас читать по еле уловимым движениям лицевых мышц, вычислять опасность, отличать живые существа друг от друга, считывать негласный код «свой-чужой».

Чужой. Определенно, чужой.

Я вдруг очень ясно поняла: моя мама – совсем еще не старая женщина – привела с собой мужчину. Ничего уже не будет прежним. Мир меняется, все будет иначе, и это необратимо. Мужчина едва заметно улыбнулся мне – заводная улыбка человека пожившего, человека, которого не обошел стороной успех, который знает, что такое горе. Сколько ему лет? Пятьдесят? Пятьдесят пять? Мама смотрелась рядом с ним, как первая леди государства. Она улыбалась совершенно нетипичной для нее,

поставленной, фальшивой голливудской улыбкой. Новая луна. Она нервничает и волнуется. Она решила нас познакомить со своим мужчиной. Я не могла справиться с ощущением, что думаю и говорю на каком-то иностранном языке.

– Маргарита Венедиктовна, очень приятно, – мама Игоря бросилась навстречу, помогая с вещами.

– Елена Михайловна, тоже очень, очень приятно, – кивнула моя мама и посмотрела на меня. В ее глазах отчетливо читалась паника.

Ничем не могу помочь, мама. Сама в шоке.

– Что-то вы так припозднились? – спросил муж Елены Михайловны, обращаясь к «маминому мужику».

– Пробки на дорогах, – ответил он. Голос был низким, густым, таким, к которому невольно начинаешь прислушиваться. Где она взяла этого «мужика»? Фаина, моя сестра, не отрываясь, смотрела на него, словно пыталась расшифровать код к уже активированной бомбе. – Да еще этот навигатор повел нас какой-то странной дорогой, пришлось поплутать.

– О, какой у вас чудесный свитер, – защебетала мама.

– А у вас очаровательное платье. И сережки, – тут же ответила Елена Михайловна. Милые любезности, призванные разбить лед, которым так и морозило от нас с сестрой. – Кажется, я видела что-то подобное в каком-то журнале?

– «Вестник садовода», не иначе, – рассмеялась мама. Елена Михайловна тоже усмехнулась. Я не узнавала маму. Подменили. Мне вдруг стало так больно в груди, что трудно дышать. Она больше не с папой. У мамы появился другой мужчина. Глупо, папы же давно нет на свете. Но мама всегда была чем-то неотделимым от него. Как Инь и Ян. А что же будет теперь?

– Так что, пока мы плутали, вы все слопали без нас? – этот вопрос мама адресовала мне, пытаясь – безуспешно – вытащить меня из ступора.

– Никуда вы не опоздали, мы только-только растопили духовку, – ответила за меня Елена Михайловна. – Слава, подойди к нам, познакомься! Слава, ну где ты? О, вот ты. Ну что же ты в тапочках?

– Ты считаешь, что было бы лучше, если бы я был босиком? А может, у меня носок драный?

– Слава! – воскликнула фальшиво возмущенная Елена Михайловна, а «Слава», для всех Вячеслав Андреевич, весело подмигнул остекленевшей Фаине. Он тоже был высок, тоже чем-то отдаленно напоминал длинношеего, аккуратно ступающего папу-жирафа, а улыбался он, как

заправский Чеширский кот. Глядя на него, ни у кого не осталось бы ни единого вопроса в биологическом отцовстве Игоря Апреля. Такая «жирафья» порода – большая редкость. Их семью вполне могли занести в Красную книгу.

– Маргарита Венедиктовна, очень приятно, – кивала мама, тоже улыбаясь звездой с красной ковровой дорожки. И с опаской поглядывая на нас. Мы с Файкой стояли – два дубовых истукана, две головешки – и не могли извлечь из себя ни звука.

– Вячеслав Андреевич, и нам, и нам приятно. Не передать, как. Игорек много рассказывал нам о вашей семье.

– Ох, этого-то я и боялась, – сказала мама и задорно рассмеялась. – Познакомьтесь, Даниил Семенович Марков, мой близкий друг, – и мама еще крепче взяла под руку этого «мужика», из-за которого мы с Фаиной лишились способности двигаться или говорить.

– Добро пожаловать, – кивнул папа-жираф. Мама повернулась к нам.

– Даня, а вот эти две безмолвные статуи – мои дочери, с которыми ты так хотел познакомиться. Но, видимо, не удастся тебе познакомиться. Видишь, их унесло в другое измерение. Лиза, скажи хоть что-то.

– Что сказать?

– Да все равно, лишь бы стало ясно, что у тебя нет инфаркта, – улыбнулась мама. Я почувствовала, что злюсь. Да, злюсь. Не могу сказать, на что, не могу сказать, что имею на это право.

– Прекрасная погода... не правда ли? – выпалила я, сощурившись. Погода была ужасной. Мама нахмурилась.

– Как скажешь, как скажешь.

– А я люблю метель, – сказал Даниил Семенович и взял мою руку в свои большие ладони. Я беспомощно оглянулась на Фаю, та смотрела на нас, как будто за нашими спинами маячили привидения. Рукопожатие было сильным, рука – теплой и сухой. От маминого... Близкого Друга, я решила называть его так, пахло какой-то хорошей туалетной водой и уличной холодной свежестью. – Значит, вы Лиза, верно?

– Да.

– Очень приятно. Наслышан, наслышан.

– А мы – нет, – влезла Фая, заставив всех испытать неловкость. Тон ее голоса был – сама любезность, но я знала, Фая была в ярости. – Мы вот буквально ничего о вас не знаем.

– Этот пробел легко устранить, – ответил Даниил Семенович, но руки Фаине не подал. Отвернулся, взял нашу мать под локоть и повел в комнату. Мы так и остались стоять в прихожей, как две разъяренные фурии,

которым не удалось пробраться за границу трехмерного портала в другое измерение.

– Ты подала ему руку! – прошипела Фая.

– Я ничего не подавала, – ответила я, защищаясь. – Он взял мою руку сам.

– Но ты не сопротивлялась.

– А ты считаешь, нужно было позвонить в полицию? – съязвила я. Фая демонстративно закатила глаза. Я понимала – как бы мне ни было сложно и тяжело сейчас, ей было тяжелее. Я любила нашу мать, очень любила. Фаина тоже. Но еще моя сестра была сумасшедше, фанатично предана памяти нашего отца. Так что это был только вопрос времени – как и когда она растерзает этого... гхм... Близкого Друга. Иных перспектив я не видела. Поножовщина. Вот чего всем нам нужно ждать.

– Нехорошо, Фая. Пойдем! – попросила я.

– Куда?

– Перед родителями твоего Игоря неудобно! Пойдем хоть посидим поедим. – Я взывала к Фаиному воспитанию, ни к чему другому в этом случае, пожалуй, взывать было невозможно. Фая несколько раз вздохнула, а затем решительно тряхнула головой.

– Пойдем. Посмотрим на него поближе. Чего ему нужно от нашей матери?

– Фая!

– Что – Фая? Думаешь, просто так она скрывала этого... как его там... от нас? Нет, у меня есть вопросы, – и Фая решительно направилась в комнату, где нас уже ждал накрытый стол.

Дальнейшее напоминало настоящий кошмар. Пытку. Фая кружила вокруг Этого Человека и задавала ему вопросы, от которых все краснели. «Насколько серьезны его намерения?», «Отчего это он сам не женат в Таком Возрасте?», «Не боится ли он, что все это плохо скажется на здоровье? Опять же, в Таком-то Возрасте?» И, наконец, Фаино коронное – «Знает ли он, что у его новой девушки есть внуки?».

– Я знаю, – ответил ей Даниил Семенович, явно с трудом сдерживая ухмылку. Надо отметить, что держался он с отменным достоинством. Спокойно и степенно ел шашлык и позволял Фаине вести себя возмутительно.

– Значит, в курсе, что моя мама – дважды бабушка, – повторила Фая.

– Конечно, я в курсе. Между прочим, я тоже дедушка, так что, с вашего позволения, имею некоторый опыт. И могу вам со всей ответственностью заявить, внуки – это даже большее счастье, чем дети.

– Да! – сурово бросила мама. – И сегодня я с этим согласна, как никогда.

– Так что, дорогая Фаина, если вам когда-нибудь понадобится помощь... Посидеть с детьми, почитать им книжку – обращайтесь.

– Да вы – сама забота!

– Спросите кого угодно! Это так и есть! – радостно улыбнулся он. Но глаза у него оставались холодными.

– Помощь нам не нужна. С тех пор как папы не стало, мы привыкли, знаете ли, обходиться без всякой посторонней помощи. И о маме заботиться тоже.

– Чего это! – возмутилась мама. – Я что, какое-то беспомощное существо?

– Твоя спокойная старость – это наш долг! – выпалила Фаина. Мама побелела и ошарашенно посмотрела на Фаину.

Это был перебор. Это было ужасно. Я не знала, что сказать. Мама встала из-за стола, сказала, что сыта по горло, извинилась перед Игорем. Наши родственники-«жирафы» растерянно переводили взгляды с мамы на Фаю и обратно. Первым среагировал папа-жираф.

– Даниил Семенович, – кивнул Вячеслав Андреевич и склонился немного, – хотите, я покажу вам... покажу вам...

– Мою коллекцию книг, – подсказал ему Игорь.

– На кухне? – удивился Вячеслав Андреевич, но Игорь посмотрел на него таким полным намека взглядом, что тот кивнул. Тогда Даниил Семенович поднялся, пробормотал, что в прилагаемых обстоятельствах с удовольствием посмотрит на любую коллекцию чего угодно. И именно на кухне. И они ушли. Все ушли, оставив в комнате только нас с мамой. Фая молчала.

– Ты понимаешь, что это – чистое хамство? – тихо, но твердо сказала мама.

– Откуда ты его взяла?

– Я не обязана тебе ничего объяснять.

– Не обязана. Но и я не обязана смотреть, как ты... как ты...

– Как я что? Живу своей жизнью? Не собираюсь хоронить себя заживо?

– Я не думала, что ты такая! – воскликнула Фая. – А как же... как же...

Я знала, она говорила о папе. Никогда за все годы, что прошли со дня

смерти нашего горячо любимого папочки, ни разу за все это время мама не давала нам повода думать, что в ее жизни может появиться кто-то еще. Что она *может хотеть* чего-то еще. У них с папой была Настоящая Большая Любовь. Разве такое можно забыть? Разве такое можно повторить?

Даниил Семенович показался в дверях.

– Рита, ты мой телефон не видела? Что-то не могу найти. Мне нужно срочно позвонить.

– Рита! РИТА?! – бросила Фая мне тихо, почти беззвучно. – Вот до чего дошло!

– Ты его забрала?

– Забрала? – хмыкнула мама, заглядывая себе в сумку. – Ты его бросил в машине, прямо на сиденье. Даня, вот он. Я не знаю, как тебе только не разобьют стекло. Ты же постоянно все забываешь! – И мама протянула Этому Человеку телефон. Близкий Друг посмотрел на меня так, словно хотел что-то сказать, но затем сухо кивнул и ушел. Он явно был расстроен тем, как все пошло.

Все пошло не так.

– Ну, что? – Мама стояла и смотрела на нас, изучая дочерей, как редкий вид сорняка, выросшего у нее на грядке. – Что вы по лимону съели?

– Рита? – спросила Фаина. – Серьезно? Рита?

– Не понимаю. Что такого?

– Это как-то... неуважительно.

– Seriously? А как надо? Маргарита Венедиктовна? И на «вы»?

– Как давно у вас... вы?.. – выдавила я и густо покраснела. Мама хлопнула руками о бедра и покачала головой.

– Да, у меня есть мужчина! Объясните мне, почему вы смотрите на меня так, словно поймали меня в кожаной юбке в квартале красных фонарей? – И мама укоризненно склонила голову. – Я взрослая женщина.

– Ты мать, – поправила ее Фая. – Наша мать!

– И что? Кажется, вы давно выросли. Одна замужем, вторая – очень надеюсь, скоро выйдет. Фая, не смотри на меня так, словно я тебя собираюсь расстрелять. Задай, задай мне этот вопрос.

– Какой вопрос? – одними губами произнесла сестра.

– Такой вопрос: «А как же папа?» – продолжала мама. – Я вдова уже почти десять лет. Ты знаешь, что это такое – десять лет одиночества? Когда вся твоя жизнь – это новый сериал по Первому каналу. Этого ты желаешь

мне? Такой жизни? Или ты считаешь, что мне уже все поздно? – спросила мама с вызовом.

– Я этого не говорила, – ответила Фая, но тон, которым она это произнесла, исчерпывающе показал, что – да, именно так она и считает. Прямота и честность – номинальные ценности, но сколько времени и сил уходит на то, чтобы научить наших детей врать – с самого детства. Уметь улыбаться и говорить вежливые фразы лживого содержания в определенных ситуациях – это и значит быть воспитанным человеком. Не про Фаину Ромашину.

– А что ты говоришь? – нахмурилась мама. – Что именно ты хочешь мне сказать?

– Ничего. Ничего.

– Да брось.

– Значит, любви все возрасты покорны, да? И в твоём возрасте...

– В каком моём возрасте? В каком? – ледяным тоном переспросила мама.

– Я не знаю. У тебя внуки.

– И что? Ты хотя бы осознаешь, что мне пятьдесят один год! Всего пятьдесят один, черт побери.

Хотя возраст нашей собственной матери мы и без этого знали, мы никогда не задумывались над её возрастом. Для нас обеих она была как земля – так же надёжна, так же необходима и так же стара. Она была матерью, которая, как и все матери, не имела возраста.

– Да-да, не сто пятьдесят один, не двести тридцать. Всего пятьдесят один. Из которых тридцать я таскалась с вами и отдавала вам все сто процентов своего времени. А сейчас вы выросли, я одинока, свободна...

– Мы будем чаще звонить. Каждый день будем звонить. Будем помогать по дому. И по даче. Я поговорю с Игорем, он может тебя туда возить. Мы будем, будем все делать, – тараторила Фая.

– Я слышу тебя. Это похвально.

– Тебе не будет одиноко. Он тебе не нужен, это какое-то временное помешательство.

– Считаешь меня сумасшедшей? Что ещё скажешь, доченька?

– Это все из-за нас, из-за того, что мы все тебя бросили.

– Вы меня не бросили. Вы выросли, Фая. Выросли.

– Я... я могу обратно переехать к тебе, если уж на то пошло, – заявила Фая самым решительным тоном. Мама глядела на неё с неприкрытым ужасом.

– Только вот не надо. Мы с Даней целый год ждали, чтобы у тебя сложилась жизнь. И теперь, когда все счастливы, могу и я...

– Сколько вы... постой... что вы... я не понимаю, сколько вы уже друг друга знаете?

– С Даней?

– С Этим Человеком! – поправила ее Фая.

– С Этим Человеком мы знаем друг друга уже третий год, – холодно ответила мама.

– Сколько? – ахнули мы хором.

– И поверь, я достаточно долго ждала и сомневалась, знакомить вас или нет. И каждый раз я решала, что нет, что нельзя, потому что вы как-нибудь не так отреагируете. Что, очевидно, было правдой, и я как в воду глядела. Но теперь уже пришло время, и я уже устала прятаться от вас по шкафам.

– По каким шкафам? – вытаращилась Фая.

– Это образное выражение, Фая, – вмешалась я. – Образное. Никто ни по каким шкафам не прятался. Верно, мам? – и я выразительно посмотрела на маму.

– Рита, у вас все хорошо? – из кухни к нам заглянул Этот Человек. Мы с Фаем как по команде заткнулись. Мы – но не мама.

– Нет, не хорошо. Ты понимаешь, мои дочери считают меня какой-то рухлядью. Понимаешь, Даня, я для них – рухлядь! – возмущалась мама. Игорь и его родители тоже зашли к нам, держа в руках какие-то толстые книги с дорогой цветной полиграфией.

– Я такого не говорила! – возразила Фая тихо, почти себе под нос. – Я просто сказала, что приводить неизвестно кого вот так, с улицы...

– После трех лет знакомства... – добавила мама.

– Действительно, Фая, – пробормотала я.

– Ну, спасибо, сестра, – кивнула Фая. – Спасибо. Ты их еще поддержи!

– Рита, ты юная и прекрасная, – сказал Даниил Семенович, – а если твои дочери этого не понимают, это просто потому, что они сами еще не настолько юны и прекрасны. Им нужно дать время. Примерно лет до пятидесяти. И тогда они тебя поймут, это совершенно точно. Помнишь моего сына на юбилее в Праге? Тоже считает, что пятьдесят пять – это уже практически древность, – и он рассмеялся. – Все потому, что самому ему двадцать пять. Дитя, совсем дитя.

– На каком юбилее? – спросила я. Даниил Семенович посмотрел на меня в нерешительности.

– Мы с Ритой праздновали мое пятидесятипятилетие в прошлом году в

Праге.

– Ты была в Праге? – переспросила Фая. – Ты была с ним в Праге? Но как? Когда?

– Летом, – пожала плечами мама. – Вы думали, что я на даче.

– Господи, да ты настоящий двойной агент.

– А знаете, дети, кому еще пятьдесят один год? – продолжал Даниил Семенович. – Кортни Кокс, к примеру.

– Кто это? – спросила Фая, но я толкнула ее в бок.

– Это Моника из сериала «Друзья». Ты ее знаешь, точно знаешь. Моника!

– Может быть, ей даже уже пятьдесят два. И она хочет ребенка, – заявила мама.

– Ты что, хочешь сказать, что ты тоже хочешь, как эта Моника... – перепугалась Фая. Страх так четко отразился на ее лице, что мама нервно расхохоталась.

– Я просто говорю тебе, Фаина Павловна, что сейчас возраст все воспринимают по-другому. Или вот Мадонна. Или даже этот ваш Малдер, которым ты мне, Фая, все уши прожужжала, – Дэвиду Духовны вообще пятьдесят пять лет. А он – секс-символ.

– Я не думала, что доживу до момента, когда услышу из уст моей матери слово «секс», – пробормотала Фая, держась за виски так, словно у нее раскалывалась голова.

– Малдер? Почему ты прожужжала своей маме уши про Малдера? – удивленно переспросил Игорь, и мы с Файей вместе, не сговариваясь, покраснели. Малдер – это было наше негласное прозвище Игоря. Он был удивительно похож на Дэвида Духовны времен «Секретных материалов». Та же улыбка с прищуром, те же умные зеленые глаза, та же непринужденная походка мужчины, привыкшего к своему красивому, сильному, стройному телу. Собственно, именно эта ошеломительная красота в свое время так нервировала Фая, что она категорически отказывалась идти навстречу своим чувствам. Напротив, она сделала все возможное, чтобы разрушить сами зачатки их отношений с Игорем. Только его удивительная стойкость их спасла. Впрочем, я уверена, что и сейчас Файка ждет, когда что-то случится. Она встает по утрам, потягивается и спрашивает: «Ну, что у нас плохого?» Ее жизненный девиз: «Все будет еще хуже».

Но вот мы, годом позже, в их доме разговариваем о поведении нашей матери и о том, в каком возрасте человек может официально считаться старым.

- Мама, ты прости, конечно, я понимаю, что мы задели твои чувства...
- Пятьдесят один! Я вообще в других странах считалась бы молодой женщиной. Молодой.
- Да ты и есть молодая женщина, мама. Ты красивая, молодая, умная. Это мы – две идиотки. Ничего не видим. Ты совершенно права, ты имеешь право на свою жизнь.
- Ну, спасибо хоть на этом, – фыркнула мама.
- Мама, просто было бы лучше, если бы ты нас предупредила. Правда. Мы ошарашены. Мы же ничего не знаем о твоём друге. Не нужно вываливать на нас все эти новости скопом и ожидать от нас адекватной реакции. Понимаешь? Понемножку и помедленнее.
- Но я не могу помедленнее! – Мама виновато прикусила губу. Фая подняла голову и сощурилась.
- Почему это? Мама, ты что... я боюсь это даже выговорить... беременна?
- Что? Нет, ты что, с ума сошла? – возмутилась мама, а вся семья Апрельей срочно удалилась на кухню, посмотреть... что-то еще.
- Я уже не знаю, что и думать, – всплеснула руками Фая.
- Нет, конечно, нет. Просто я... просто мы... и без того затянули.
- Затянули что?
- Ты понимаешь, я же сказала – мы же с Даней... уже давно... э... вместе. Три года.
- И что?
- Ну, есть какие-то совершенно нормальные этапы развития отношений, и ты не подумай, мы к этому долго шли, все взвесили, попробовали даже пожить вместе.
- Вы живете вместе? – ахнула я. – Собственно, все сходится! Ну да, ну да, Файка же съехала. В принципе, почему и нет, квартира же есть. Можно и пожить. Почему бы и нет.
- Не пожить, Лиза. Не пожить. Я... господи, я не думала, что это будет так тяжело, – и тут уже мама закатила глаза и принялась тереть виски.
- Да что вы там затеяли, скажи уже наконец!
- Мы планируем пожениться, – ответила мама. – Собственно, только поэтому я и решилась на это безумие – познакомить его с вами. И то только потому, что Даня настаивал. Он-то, наивный человек, был уверен, что вы не сожжете его с потрохами. А я предлагала пожениться, и все. Потихому. Самое было бы лучшее.
- Пожениться? – услышали мы Фаин возглас, полный ярости. –

ПОЖЕНИТЬСЯ? Ты серьезно? Да?

– Да.

– Значит, серьезно.

– Да. Фая!

– Ты права, мама. Ты была права. Не надо было, – и сестра подняла руки так, словно сдавалась в плен. – Не надо было тебе его с нами знакомить. Ладно, Лизавета, пошли.

– Куда? – переспросила я.

– Я, видишь ли, отказываюсь. Да, я отказываюсь общаться с этим... как его... с новым папой! – прошипела Фая, и мне показалось, что у нее при этом раздвоился кончик языка.

Глава шестая. Извращенцы

– Зачем им жениться, не понимаю?! – возмущалась Фая, продираясь сквозь сугробы и наледь, под которой скрывался выложенный новенькой брусчаткой тротуар. Коляска, в которой мирно сопела Василиса, то и дело застревала в снегу, и я, признаться, сожалела о том, что мы отвергли предложение Игоря отвезти нас домой на машине. Ну как – «мы отвергли». Файка сказала, что мы прогуляемся, что это только пойдет на пользу моим детям. И все – решение было принято.

– Я даже не знаю, – ответила я, старательно цепляясь за Вовкину руку в мокрой варежке. Первое, что делает мой сын, попадая на холодную снежную улицу, – это промокает и пачкается.

– Нет на это никакой причины. Ну, встречаются они – и что? Глупость какая-то. Жениться-то зачем? Неужели это что-то поменяет? Может быть, ему нужна прописка? Точно!

– Фая! – Она так резко остановилась, что я налетела на нее и выпустила Вовку из рук. Тот тут же нырнул в соседний сугроб и ухватил так много снега, как только смог.

– Он – альфонс. Старый очкастый альфонс. Он хочет ее денег.

– Каких денег, Фая? У мамы никаких особенных денег нету! – возмутилась я, вытаскивая сына из снега. Он – сын – понимал, что секунды его свободы сочтены, и запихивал снег в рот.

– А дача? А квартира? А папины вклады, на которые мама жила все это время? – продолжала Фаина.

– Она жила на наши деньги. Я вообще не уверена, что от папиных вкладов хоть что-то осталось. И к тому же, если этот Даниил решил бы забрать эти деньги, разве для этого нужно жениться? Да и не похож он на человека...

– Ах да, я же забыла, ты же у нас – психолог, знаток человеческих душ, – съязвила сестра. – Ты же по первому взгляду определяешь, кто похож на человека, а кто нет. Вовка! Ты что творишь?! – и Фая бросилась к моему сыну, который, кажется, собирался провести старый добрый эксперимент по облизыванию холодных металлических перил языком.

– А чего? – спросил он самым невинным голосом. – Нельзя?

– Можно! – хмыкнула Фая. – Если хочешь остаться без языка.

– Между прочим, не самый плохой вариант, – добавила я с серьезным видом, на который только была способна. – Это же наш Володечка не

сможет ни кричать, ни клянчить газировку, ни галдеть, когда говорят взрослые.

– Нет! – воскликнул Вовка.

– Что – нет? – переспросила я. – Не будешь облизывать перила?

– Не буду облизывать пелила! – недовольно кивнул он. Некоторое время мы все шли молча. Затем Вовка спросил вдруг, обязательно ли ему жениться. Мы с Файкой переглянулись и остановились.

– Вот до чего ребенка все эти разговоры довели. Мы влияем на все его будущее! – заявила она, заботливо стряхивая снег с его куртки. На улице темно, и хлопья снега так красиво летели сквозь белый свет фонарей. Я посмотрела в небо, представила себе, что этот летящий снег – падающие звезды. Загадать желание, что ли? Чтобы все перестали ругаться? Чтобы Сережа нашелся? Чтобы мамин жених не хотел ее ограбить? Хлопьев много – на все хватит.

– А ты что же, совсем не хочешь жениться? – любопытствовала я.

– Нет. Не хочу, – твердо ответил этот четырехлетний мужчина.

– Интересно, почему это? – даже несколько обиделась я.

– Ну вот не хочу, – замотал головой Вовка.

– Нет, ты уж скажи маме, чем тебя-то в твои четыре года институт брака достал, – потребовала я. Вовка посмотрел на меня, как на сумасшедшую. Про институт – это он явно не понял.

– Не женись, Вовка. Не женись, – одобительно улыбнулась Файка. Тогда Вовка нерешительно посмотрел на нас.

– А жениться же с кольцами надо, да? Золотыми? – спросил он с невозможно деловым видом. Мы с Файкой кивнули.

– Да, с кольцами. А что?

– Да ничего. Только... золотые эти кольца же дорогие, да? Нет, не буду жениться, – снова покачал головой мой сын. – У меня еще скutel не куплен. Я скutel лучше куплю.

– Скutel? – расхохотались мы. – Ты «эр» сначала научись выговаривать, жених! Смотри-ка все дети какие пошли, никто не хочет жениться. Идем домой!

Вовка возмущался всю дорогу, а мы смеялись и дразнили его – вредная тетка, вредная мать. Снег падал все сильнее, и вот хлопья начали попадать Василисе на лицо. Она проснулась и завопила. Вот черт, она же теперь до полуночи не уснет. Я повернулась к Фае и посмотрела ей прямо в глаза.

– Я не предлагаю давать ему шанс, сестрица, но мы обязаны дать шанс ей.

– Шанс? Она собирается с ним пожениться, забыла? Если он такой белый и пушистый, каким она хочет его видеть, зачем она его от нас скрывала? Помнишь, как ты скрывала от нас Сережу? Помнишь, как ты никому не рассказывала о том, что он женат, о том, что ты бросила институт? Некоторые мужчины приходят в нашу жизнь, чтобы остаться, а некоторые – чтобы ее разрушить. Откуда у тебя такая уверенность, что он не разрушит жизнь нашей матери?

– У меня ее нет, слышишь? Нету никакой уверенности. Я тоже не знаю, зачем они решили пожениться. Возможно, ты снова права.

– Снова?

– Сережа действительно был женат. Ключевое слово – «был». Но даже это не важно, что он развелся и женился на мне. И, в конце концов, ты никогда не ошибалась на его счет, – в моих словах против моей воли зазвучала горечь. – Он именно тот человек, каким ты его видела. Не приспособленный к жизни, не очень ответственный, неспособный долго сидеть на одном месте, не самый хороший муж, не очень хороший отец. Ты была права, если это тебя порадует.

– Это меня не радует, – пробормотала она, пиная куски снега. – Что мне с того, что я права? Ты все равно его любишь.

– Возможно, что и она просто любит этого Шона Коннери, не считаешь?

– Шон Коннери? Скорее уж Дуремар.

– Он выглядел неплохо.

– Неплохо? – скривилась Фая.

– Но знаешь, не в этом даже дело. – Я решила идти до конца. – Возможно, ты не заметила, но наша мама сегодня была в сливовом платье и на каблуках. И с жемчугом на шее.

– И что? – враждебно спросила сестра. – И что из этого?

– А то, что с тех пор как папа умер, я ее видела только в халате. И с сединой в волосах. И с этими ее дурацкими огурцами, которых она солила так много, словно все время ждала начала военных действий и осады. И сериалы. Она смотрела сериалы. В халате. А с этим Даниилом она шла как королева на балу. Я так давно не видела маму при полном параде – в платье, с косметикой и бижутерией, с такой улыбкой на губах.

– Лиза! – почти взмолилась Фая.

– Ты помнишь, как они с папой пошли на какую-то конференцию, где отца должны были наградить наградой за его вклад в науку? Помнишь, как мать шла рядом с ним с такой же улыбкой? Она была прекрасной женой, верно?

- Я знаю, что она была прекрасной женой.
- Она фактически служила отцу, она была ему и секретарем, и помощником, и нянькой, и доверенным лицом. Она жила ради его работы, и она все это потеряла. Не только мы с тобой потеряли отца. Она потеряла все.
- И ты считаешь, что этот седовласый хмырь ей все вернет? Ты серьезно?
- Я не знаю. Если серьезно. Я понятия не имею. Но она была в сливовом платье и на каблуках. И выглядела на десять лет моложе. Она выглядела... счастливой.
- Все равно! – воскликнула Фая. – Жениться-то зачем?

Но по тому, как изменился тон ее голоса, я знала – она меня услышала. Да, ей не понравилось то, что она слышала. Да, Фая никогда не любила перемены. Она не примет человека в свое сердце в одночасье, на все нужно время. Но мама в сливовом платье – это важно.

Я шла молча по пустой улице, когда заметила, что у моего подъезда кто-то стоит. Сначала я не обратила никакого внимания на человека, переминавшегося с ноги на ногу около двери. Но вдруг – и это я заметила совершенно отчетливо – этот человек заметил меня и вздрогнул, оживился, вытянул шею, принялся вглядываться, пытаюсь разглядеть меня четче.

Адреналин. Страх.

Кто это мог быть? На вид мужчине было около тридцати лет. Джинсы, короткая куртка-пуховик, грязные ботинки. У кого в Москве в такую погоду чистые ботинки? На голове черная вязаная шапка-чулок. Такую натянуть на лицо, сделать прорези для глаз – и вперед, можно грабить банк. В руках мужчина держал потертую кожаную борсетку. Они все выглядят так одинаково, словно их штампуют где-то – прямо в этих пуховиках и с этими борсетками.

– Ты чего тормозишь? – спросила Фая, и только в этот момент я осознала, что почти остановилась. Мужчина теперь смотрел мне в лицо и немного морщился от напряжения. Он сравнивал меня с каким-то образцом в своей голове, и я явно подходила под описание. Что ему нужно? Я вспомнила недавний обыск. Неужели все это не закончилось? Мужчина сделал шаг навстречу, сошел с крыльца и направился к нам. Фая его словно не замечала, она шла и говорила, говорила что-то о каком-то последнем

фильме, который ей пришлось смотреть с Апрелем. Когда я перебила ее на половине недовысказанного мнения, она посмотрела на меня с недовольством.

– Ты не могла бы подняться с детьми в квартиру? – спросила я Фая.

– Могла бы. А что? А ты куда?

– Я никуда.

– Ну так и пошли, – пожала плечами она. Я поняла, что категорически не хочу, чтобы Фая узнала всю правду о Сереже. Не сегодня. Не после того, как мама уже разбила ее сердце. Мужчина в пуховике остановился и посмотрел мне прямо в глаза.

– Ничего. Мне надо... поговорить кое с кем. – Я постаралась и сделала так, чтобы это все прозвучало обыденно. Просто нужно поговорить. Просто разговор. Фая обернулась и увидела мужчину, идущего к нам.

– Кто это? – нахмурилась она.

– Один... знакомый.

– Знакомый? – сощурилась она.

– Ладно, он из полиции, – коротко бросила я.

– Господи, это все то твое дело? – ахнула Фая. – Если честно, я думала, это какая-то ерунда, которую ты придумала. Так ты что, реально свидетель какого-нибудь жуткого убийства?

– Реально свидетель, – сказала я, отведя взгляд в сторону, чтобы не спалиться. Да, я проходила по делу Сергея как свидетель. Пока, если верить словам следователя. Пока – как свидетель. – Фая, идите. Идите домой, я подойду. Пожалуйста.

– Ладно, не волнуйся. Я иду, – и она прошла мимо этого очередного оперативника, который словно понял, что я пытаюсь спровадить лишнего человека, и послушно ждал, маялся в нетерпении. Хороший мальчик в клубах вонючего табачного дыма. Сейчас вот Фая уйдет, и этот хороший мальчик станет задавать неприятные вопросы и вытрясать из меня еще какие-нибудь подробности того, о чем я не имела понятия.

Фая ушла. Мы стояли друг напротив друга и молчали. Первым очнулся он.

– Тушакова? – спросил он хриплым голосом, откашлявшись. У него был красный нос, наверное, он давно меня ждал. Странно. Странно, что он не позвонил. Куда проще было бы договориться со мной о встрече или вообще вызвать в отделение. Я же в их власти. Или, может быть, у меня телефон не работает? Я полезла было в карман, но мужчина смотрел с

нетерпением.

– Да, это я, что-то случилось?

– Да, мать его, случилось, – неожиданно грубо ответил он. Странно. Станный молодой человек. Зуба нет сбоку, клыка. Озирается.

– Что вы хотите? Зачем вы меня тут караулите?

– Чего, смелая? – спросил он, и я подумала с каким-то нехорошим спокойствием, что смелости-то во мне никогда не было. – Мы ищем Сергея, мужа твоего.

– Я знаю. Думаете, я не знаю этого? – нахмурилась я, теряясь в догадках относительно целей этого грубияна. – Найдете – дайте мне знать.

– Не валяй дурачку, ты, – он повысил голос. – Я думаю, ты прекрасно знаешь, где он. И где машина, тоже знаешь. Так ведь, знаешь? – И этот хмырь сделал шаг в мою сторону. Он спросил о машине не просто так, ответ на этот вопрос его интересовал, это было видно.

Сказанное оглушило меня, и я подалась назад так, словно меня отбросило взрывной волной. Ни больше ни меньше – я стояла, словно рядом со мной разорвалась бомба и меня контузило. Звуки, свет – все отдалилось, поблекло. Потом откуда-то из глубины сознания – ни черта он не из полиции.

Ни черта он не из полиции.

Как я сразу не заметила его специфическую, словно пританцовывающую походку, его развязанные шнурки на кроссовках, его манеру зыркать по сторонам. Такие мальчики вырастают в пропахших потом спортивных залах, а потом, когда их мышцы достаточно накачаны, они выходят в люди – пушечное мясо для тупых бандитских схем, охотники до легких денег и быстрого кайфа. Ни из какой он не из полиции. Хотя внешне между этими и теми мальчиками есть сходство, как говорится, достаточно второго взгляда.

– Кто вы такой? Что вам нужно? Пропустите меня, – заговорила я. Голос меня не слушался, слова получались слабыми, какими-то нецелыми. Куски звуков. Сердце стучало – бум, бум, бу-бум. Тахикардия.

– С тобой вежливо беседуют, а ты не ценишь, – бросил он. Говор не наш, не московский. – Какие-то проблемы?

– Нет проблем, – сказала я и нервно сглотнула. Я могла справиться со многими вещами в жизни, но страх физической расправы, страх перед тупой силой застилал глаза и мешал думать.

– Если нет проблем, имей в виду, я могу их создать, – сказал он, снова цыкнув там, где не хватало зуба. Его слова – они были словно отрепетированы, они были такими стандартными, такими примитивными угрозами из дешевого фильма. И это работало. Я ловила воздух ртом. – Молчишь? Где машина? Где Сергей? Он дома? Ты его прячешь?

– Зачем он вам? – спросила я в ответ. Парень удивленно посмотрел на меня, словно не ожидал, что я буду способна на членораздельную речь. Я и сама удивилась. Меня трясло. И все же... я решилась: – Знаете, что? Я ведь тоже могу создать проблемы. Могу закричать, к примеру. Тут жилой район, меня с вами видела сестра, она даст ваше описание полиции. Проблемы будут у вас.

– Чё, на понт берешь? – возмутился «пацанчик» и сделал еще один шаг ко мне. Не та реакция, на которую я рассчитывала. Он разозлился. Черт, зачем я его разозлила? Хмырь практически подошел вплотную, чуть ли не вжимая грудью меня к стене подъезда. Он был выше меня как минимум на голову.

– Зачем он вам? Отвечайте, или ничего у нас не получится. Вам нужна информация? Мне она тоже нужна.

– Какая информация? – опешил парень. Я сощурилась, пытаюсь определить, что именно он может вынюхивать тут.

– Нехорошо. Вы мое имя знаете, а я ваше – нет.

– Не нужно этого. Не нужно тебе знать ничего лишнего, – хмуро добавил он.

Я хотела спросить, как так вышло, что мой муж вообще с ними связался. Или – сколько денег они ему заплатили за то, чтобы он сломал себе жизнь. Вместо этого я сказала:

– Ну, тогда я буду называть вас наркобароном. Ведь вы, как я понимаю, владелец и законный хозяин героина, так? Вернее, незаконный, так как законно владеть героином может только какой-нибудь госпиталь, наверное! – Я сказала это и только потом поняла, что сделала это зря. Парень побелел, затем тяжело задышал, весь как-то напрягся, сжался в узел. Затем произошло то, чего я не ожидала и никак не планировала. Хмырь бросился вперед и взял меня за горло. В буквальном смысле слова. Рукой. Холодной, цепкой, сильной ладонью. Я задержалась, инстинктивно пытаюсь вырваться, но парень словно завис в этом положении, и воздух начал потихоньку кончаться. Что было крайне глупо, ведь если ему нужно было что-то от меня получить, он терял последние на это шансы, лишая меня возможности не только дышать, но и говорить. Я хрипела и тарасилась, когда эта в целом довольно простая мысль достигла того, что

было у парня вместо мозга, и он меня отпустил. Я отлетела чуть вбок, согнулась пополам и принялась напряженно вдыхать и выдыхать такой вкусный холодный воздух. Вся моя жизнь, до того чуть не оставившая меня, тут вдруг пролетела перед моими глазами. Бешенство, ярость. У меня дети. Я ж мать. Чертов Сергей.

– Ты очумел, скотина? Очумел?

– Да как он... Откуда ты... Это он сам тебе сказал, он сам? Что именно он тебе сказал? Что ты вообще знаешь? – Парень паниковал. Он вертелся на месте, словно хомяк в поисках выхода, но выхода не было. Тогда он попытался снова броситься на меня, но я была быстрее. Я бросилась в сторону улицы.

– Я все знаю. Все! – сказала я, понятия не имея, о чем говорю. – А еще, мой дорогой наркобарон, я знаю, как ты выглядишь. И что наши подъезды оборудованы камерами видеонаблюдения. Через пять минут после того, как моя сестра начнет беспокоиться, твои портреты будут по всей Москве. Тебе отсюда не выбраться, слышишь, ты, как тебя там. Кретин. Наркобаран чертов. Из-за тебя страшно детей в школу водить. Из-за тебя персонально.

Насчет видеокамер. Я вообще не была в них уверена.

– Послушай меня, произошло недоразумение.

– Ты так считаешь? Ты называешь то, что пытался меня убить, недоразумением. – Я продумывала вариант побега. Тут, около дома, я могла считаться в относительной безопасности. Добегу ли я куда-то еще – большой вопрос. Как трудно, оказывается, принимать решения, когда тебя чуть не задушили.

– Твой муж – он взял машину у серьезных людей, как ты и сама уже поняла. То, как он себя повел, нас всех очень расстроило. Очень расстроило. Он пропал. А с такими машинами не пропадают, понимаешь? Будет лучше, если твой муж найдется и просто поговорит... с нашими. Где он? Наверху? – и этот молодчик поднял взгляд к небу. Вернее, к окнам, за одним из которых была моя семья. Вся моя смелость в один миг слетела, как слетают листья с осеннего дерева. Оголившийся тонкий ствол. Переломить – и все.

– Нет. Тут его нет, серьезно, – сказала я, перепугавшись вдруг самой мысли, что этот хмырь и люди, похожие на него, могут подняться туда, где на полотнах моих детей Смешарики и свинки Пепы, где в сотый раз по кругу играет мультик про Аладдина.

– А где он? Серьезно?

- Я не знаю.
- Не трынди, – выругался он.
- Зато я могу сказать, где машина, – в этот момент лицо моего хмыря просветлело, как небо на Пасху.
- Серьезно? Где она. Говори.
- В полиции ваша машина. В полиции.

Пасха закончилась. Хмырь тупо пялился на меня, словно я говорила не по-русски и вообще не на языке, а какими-то иероглифами. Ведь Сережа знал, что эти люди будут его искать. Он знал, что они потеряли много денег в тот миг, когда машину окружили люди в масках и с автоматами наголо. Он знал – но не связался с ними, не предупредил меня, не решил вопросы. Как он мог так меня подставить? Мой крайне неразборчивый в выборе работы муж.

Хмырь «завис». Он не шевелился, а потом, когда попробовал что-то сказать, повернуться, то это вышло у него так плохо, словно он был персонажем в компьютерной стрелялке и им управлял новичок. Неслаженные движения, нелепые рывки и остановки. Полное отсутствие координации.

– Плохи дела, – выдохнул наконец хмырь. – Плохи, плохи дела, – он чуть не плакал. – Как так? Почему? Как она оказалась в полиции?

– Я ничего не знаю о ваших делах, – что-то мне подсказывало, что не стоит перегружать этого молодчика лишней информацией. А то его, не дай бог, разорвет.

– А муж твой? Тоже в полиции? Тоже? – додумался спросить он. Я пожала плечами.

– Не знаю.

– Не важно, не важно. Все равно. Он машину не вернул, значит, получается, – и тут хмырь родил мысль, которая заставила меня побелеть. – Получается, на тебе и на муже твоём теперь долг.

– Что? – я побелела от ярости.

– Да! – радостно ухватился за эту абсурдную мысль хмырь. – Ты либо найдешь его, либо отдашь его долг. А как ты хотела?

– Я лично у тебя ничего не брала. С чего бы это мне что-то возвращать?

– Потому что он муж тебе, верно?

– И что? – гаркнула я, выпрямив плечи. Гаврик сощурился.

– Значит, ты такая жена, да? Плюешь на будущее отца своих детей? Не желаешь ему добра? Не хочешь, чтобы Сережа твой еще немного пожил, а хочешь, чтобы его закопали уже завтра? – и этот кретин сплюнул на снег.

– Как это у вас называется? Ах да, дешевый понт. Нет. Не пойдет.

– Нет?

– Нет! Во-первых, чтобы вам моего мужа закопать, вам нужно сначала его найти, не так ли? А ни вы, ни я, ни даже полиция понятия не имеет, где он. Бросьте свои угрозы. Во-вторых, вы же не будете спорить, что лично я вам ничего не должна? Или в вашей организации нет никаких даже этих... господи, как это называется, понятий?

– Сериалы смотришь? – хмыкнул он, но неуверенность выдавала его с потрохами. – «Бандитский Петербург»? «Глухарь»? Думаешь, жизнь – она такая же дебильная? Смотри, не разочаруешься?

– Я не зачарованная, чтобы разочаровываться. Я вам ничего не должна. Точка. Я сказала вам все, что знаю. Уходите.

– Да пошла ты на хер, – и за этим последовала фраза, настолько сложно сконструированная, что нуждалась в переводе через толковый словарь.

– Я попрошу вас не материться в моем присутствии.

– Принцесса?

– Да. Принцесса.

– Смотри корону не обломай. – Молодчик был зол, просто зол, и кричал он на меня от этой самой злости. И, что самое удивительное, им тоже овладевала паника. Она держала его за горло так же крепко, как он сам совсем недавно держал за горло меня. Это ведь не мне, а ему предстоит вернуться к своим «серьезным людям» и рассказать то, что он узнал. Это ведь ему предстоит сообщить, что все эти серьезные люди потеряли большие деньги.

– Уходите и не возвращайтесь.

– Ага, да? А ты побежишь к мусорам.

– Могу, да. Ничего не буду обещать, – согласилась я. – Но, с другой стороны, чего вам терять? Вас и так поймают – за ваш чертов героин.

– Тише ты!

– Зачем же тише? Что смотрите, словно в город цирк приехал! Я плевать хотела на вас. Плевать. Слышите? – Я рассмеялась. Истерика, нервная реакция непредсказуема. Я хохотала в голос, а хмырь озибался.

– Если твой муж не отдаст долг, мы его грохнем. Найдем – и грохнем.

Вы хотите найти его и убить? Да я сама его убить готова.

– Да ищите. Ищите! Хоть с фонарями!

– Вот чумная! Да не ори ты! – прошепелявил хмырь, озираясь. Из соседнего подъезда вышла парочка. Они смеялись, разглядывая что-то в телефоне. Я повысила голос, и парочка посмотрела в нашу сторону.

– Я не собираюсь никому возвращать никаких денег, хотя бы потому, что у меня их нет. И мне самой их мало. Как вы правильно заметили, у меня дети. И я не торгую героином, чтобы их кормить, – парочка теперь смотрела на нас с опасливым вниманием.

Вы проходите по делу как свидетели.

– Пойдешь в мусарню – урою, – процедил хмырь так, чтобы его слышала только я. А затем – о, да! – он развернулся и побежал, буквально понесся прочь по дорожке. Страх. Адреналин.

– Возвращайся к себе в Краснодар! – крикнула я вдогонку. Он задержался так, словно споткнулся, а затем обернулся и посмотрел на меня с ненавистью. Мы смотрели друг на друга, и я вдруг испугалась, что вся эта неконтролируемая злоба сейчас обрушится на меня, что он вернется и докончит то, что начал, – задушит меня к чертовой бабушке. Хмырь стоял – кулаки сжаты, и сам весь как сжатый кулак. И вдруг он с размаху ударил ногой стоявшую рядом с ним мусорку. Та подалась и заскрежетала, но выстояла – была вкопана. Хмырь ахнул от боли, а потом развернулся и быстро пошел прочь хромая.

Значит, я угадала. Он из Краснодара. В этом Сережа не соврал, он был именно там в «командировке». Вся эта история началась там. Вот только что за условия сделки, что за люди и что теперь делать – это был большой комплекс вопросов. Но отвечать на них я не собиралась. Я бежала домой.

Глава седьмая. Большие деревья

Странное чувство не отпускало. Чувство, что что-то было не так. Хотя, казалось бы, что могло быть «так» в моей ситуации? Мне угрожали, меня практически пытались убить, моего мужа ищет полиция. Я в опасности. Любые чувства в такой ситуации не только возможны, но и нормальны. Я же психолог, я же знаю, как люди реагируют на травму. Первый этап – шок, который выступает как сильное обезболивающее. Сначала, вернувшись домой, я не чувствовала ничего. Я тупо сидела в углу на кухне и слушала Фаины истории о ее обожаемом бадминтоне, о том, как она научилась подавать воланчик «точно в край по линии», как хочет, чтобы и я пошла с нею однажды. Я кивала и обещала пойти. Как только – так сразу. Бадминтон для меня был чем-то далеким, размытым. С акварельных картинок про лето на даче, которые так любит моя мама. Но Фая играла в какую-то другую игру, где люди годами тренировались, чтобы бить «смеш» и подавать точно в край. Я отвечала невпопад: «Да, Фая, точно в край. Это прямо про меня». Она смотрела на меня с беспокойством. «Извини, для меня. Пойдем, обязательно».

Что-то было не так.

Меня никогда в жизни никто пальцем не тронул. На меня никогда не наезжали. Мне никогда не угрожали убийством. Вторая стадия – все эмоции, заблокированные шоком, вдруг наваливаются на тебя разом. Когда Фаина уехала домой, я вдруг их почувствовала. Эмоции чуть не раздавили меня. Держась из последних сил, я уложила детей спать и забралась в обжигающе горячую ванну, где долго и тихо, почти беззвучно, выла, кусая кулаки и губы. Я прокручивала в голове тысячи сценариев того, что могла бы – но не сделала этому хмырю. В моих фантазиях я наносила ему ответный удар, я убивала его, я сбрасывала его с крыш, я ставила ему ногу на грудь, давила его, как букашку.

Я чувствовала себя слабой, беспомощной, бесполезной. Затем подобрался страх. Следующий этап.

Что, если они вернутся? Что, если завтра они решат украсть детей, чтобы заставить меня вернуть деньги? «Что, если...» роились у меня в

голове, как спятившие шершни, и жалили, жалили до крови. Я провертелась всю ночь без сна, как грешник на вертеле, подгоняемая страхом. Потом я застыла. Я превратилась в лежачий камень. Я купалась в жалости к себе. Я не подходила к окнам и не отвечала на звонки, даже на звонки Евгения Ивановича и Майи. Я встретила утро в ожидании конца света. Утром начался следующий этап. Ярость.

Я ненавидела Сережу. Я хотела призвать его к ответу. Я хотела плюнуть ему в лицо. Я захотела, чтобы Сережа нашелся, у меня были к нему вопросы, потому что он втравил нас во все это.

И потому, что было что-то не так.

Мы с детьми проспали весь день. Когда мы не спали, мы смотрели мультики, такое море мультиков, что уже сам Вовка сказал, что это совершенно непедагогично и что нужно идти гулять. Потому что воздух – это педагогично.

– Категорическое нет, – ответила я, включая в сотый раз «Дашу-путешественницу» для Василисы-сплюшки.

– Что это такое – катега-ли-и-ческое, – на всякий случай уточнил Вовка, хотя по выражению его лица было ясно, что суть он и без того уловил.

– Это значит – никогда, – ответила я. – Значит, мы будем сидеть тут, пока что-нибудь не переменится.

– Что пелеменится?

– Пока не переменится ветер, – усмехнулась я. – Или пока не прилетит Карлсон. Или пока не вернется твой папа.

– Калсон? – расплылся в улыбке Вовка. – Давай смотлеть Калсона.

Я включила «Калсона», а сама вышла на кухню и – впервые за долгое время – позвонила его друзьям, спрашивала, не появлялся ли он. Я позвонила на его бывшую работу, какой бы условной и сдельной она ни была, они могли что-то знать. Он мог появиться, мог попытаться занять у кого-то денег, попросить у кого-то переночевать. Но нет. Никто ничего не знал. Я кивала и вешала трубку. Все, конечно, решили, что Сережа меня бросил и я пытаюсь его вернуть. Еще бы, двое детей. Как она одна их теперь потащит!

Мне была нужна информация. В поисках Сережи я даже позвонила

его матери, чего не делала никогда в жизни и ни при каких условиях, так как за нашу долгую историю его мать никогда не была на моей стороне. Она всегда принимала сторону Сережиной бывшей жены, несмотря на то что у нас с Сережей были дети.

Мать тоже понятия не имела, где ее сын. Сережа был рожден в Казахстане, но уже много лет его родительница мирно жила в Воронеже, недалеко от его бывшей жены Кати. Они – моя свекровь и бывшая супруга – до сих пор поддерживали отношения. Свекровь тоже решила, что Сережа оставил меня соломенной вдовой. Что? Я не знаю, где мой собственный муж? Этого следовало ожидать! Нет, Сережа к ней не приезжал и не звонил. Нет, если Сережа решил от меня уйти, она не станет его за это осуждать. Только детей жалко, но я сама виновата. Не нужно было женатого мужчину уводить из семьи.

У меня чесался язык сказать, что проблемы ее сына были не в бывшей или «текущей» жене и вообще не в женщинах. Ему просто не стоило ввязываться в торговлю героином. Я не стала этого говорить. Это разбило бы ее сердце. О, как я хотела ей все сказать. Но даже бонус в виде ее разбитого сердца не пересилил. Я молчала. Я еще не понимала, почему, но молчала. Я попрощалась, затем подумала – и включила компьютер. Вася снова заплакала – она, видимо, хотела гулять, но я все еще не могла и, главным образом, не желала даже думать о том, чтобы выйти на улицу. Я переложила дочь в коляску и подкатила поближе к компьютеру. «Мальш» в телевизоре отчаянно хотел собаку, а я – Сережу.

– Понимаешь, Вася, тут что-то не так, – сказала я, рассматривая фотографию Сережи, украшавшую его аккаунт «ВКонтакте». Забавно, что я туда почти никогда не заходила. Мы редко общались по Сети. Или – вообще – редко общались. Последнее сообщение было отправлено мною еще в декабре. Я написала, что хочу уехать на Новый год к Файке. Написала – потому что не была уверена, что Сережа позвонит или приедет. Он не ответил. До этого – сообщение от него. «Веду переговоры по работе, перезвоню позже». Наверное, я трезвонила и мешала ему, поэтому он и написал. Василиса закричала, и я принялась усиленно качать коляску – одной рукой. Второй я держала мышку. За моей спиной Карлсон объяснял Мальшу, что он в меру упитан и в самом расцвете лет. Сережа на фотографии в аккаунте вообще не упитан. Он как раз худощав, одет в футболку, надпись на которой как бы намекает на его участие в каком-то

благотворительном марафоне. На самом деле Сережа очень хотел побегать марафон, даже тренировался для него, но все сорвалось в последний момент, я даже не знаю, почему, и он не побегал. Футболку ему «подогнали» друзья.

– А-а-а! – возопила Василиса.

– Ш-ш-ш, тише, нам нужно найти твоего папашу, Васька! – шикнула я и усилила амплитуду раскачивания. Я никогда раньше не рассматривала фотографию своего мужа с таким вниманием. Муж и муж. Стоит на балконе, но не квартиры. Очевидно, какой-то отель. Его приятное, немного аскетичное, худое лицо залито солнцем, на глазах очки. На заднем плане какие-то живописные горы и река. Пасторальная идиллия, фотография – в самый раз для сайта знакомств. – Василиса!

– Я хочу жрать! – проорала она. Конечно, не словами, а чистыми криками, но я ж мать, я ж понимаю каждый ее крик. Если раскачать коляску еще больше, боюсь, дочь просто выскочит оттуда, как бедолага, забывший пристегнуться на карусели. Я расстегнула халат, поднесла дочь к груди, но сама продолжила листать страницы аккаунта моего мужа. Вот он с друзьями в каком-то ресторане. Он здесь на десять лет моложе, чуть полнее, еще не увлекся ЗОЖ так сильно. Несколько фотографий со львами в разных позах и жизненных ситуациях. Сережа явно видит аналогию между собой и этим свирепым хищником. Я вспомнила, как он улепетывал от полиции, оставив меня в машине, и подумала: нет, дорогой, ты не лев, ты больше косуля, которая убегает от хищника. Король – лев, черт подери.

– Чего не так? Васька? – Я смотрела, как дочь в ярости «рвет» мой сосок, пытаюсь добиться от меня чего-то. – Не наелась? – Я дала ей другую грудь. Последняя фотография, размещенная мужем на стене, была выложена тоже в декабре. Вернее, не фотография, а видео, на котором бульдожка лижет лицо какому-то молодому симпатичному мужику с трехдневной щетиной. В какой-то момент этот Бредли Купер резко поворачивался к своему бульдожке и принимался демонстративно вылизывать тому мордашу. Шок от происходящего столь очевидно отразился на лице бульдожки, что не засмеяться было невозможно.

Еще на страничке моего мужа было много фотографий кошек. Ему что, пятнадцать?

Я почувствовала, как вибрирует мой телефон на столе. Косой взгляд – я ни с кем не хотела говорить. Майя, соседка. Боже мой, ну что ей может быть нужно? Я не взяла трубку, продолжая кормить злобную Василису.

Чего я хочу найти в аккаунте моего мужа? Он не бывает в соцсетях, считает их – не без основания – пустой тратой времени. Он, если не дурак, не выйдет туда теперь, когда в бегах. Если он не дурак.

– То, что твой отец вообще связался с этими уродами, как раз говорит, Вася, что он дурак, – сказала я, глядя на сосредоточенное личико ребенка, занятого самым важным на свете делом. – В этом-то и вопрос, моя ты обжора, что я никак не могу представить себе нашего папу и рядом этого хмыря краснодарского. Такое возможно? Он настолько придурок, что связался с бандитами? Как, зачем? Ведь вот, смотри, Вася, твой папа в музее – он там работал установщиком макетов. Солидный, серьезный дядька в свитере и бейсболке, каменное лицо, ни улыбочки. Человек при деле.

С другой стороны, вот он смотрится в зеркало и показывает мускулы. И ведь вот беда, он не только сделал эту ужасную фотографию, он еще и выложил ее в Сеть. Не говорит в пользу его умственных способностей.

В дверь позвонили, а затем еще раз. Я замерла, одновременно паникуя и пытаюсь испариться. Я не хотела, не собиралась открывать, даже после того как Майка заорала в щель двери, что к ней едет ее Константин и что ей срочно нужно сплавить Ланнистера – СРОЧНО, а не то она реально на меня обидится.

– Тише, Васька, тише! – зашипела я, но дочь моя (и Сергея, к слову говоря) выплюнула с презрением мою грудь и заорала так, словно пыталась спастись от маньяка. Словно Майя была вертолет в небе над лесом, в котором Василиса бродит неприкаянной уже три дня. Словно Майя была корабль, проходящий мимо необитаемого острова, на котором Василиса застряла. Конечно, пришлось открывать.

– Ты там одна? – спросила я, хотя перед этим я оглядела в глазок всю площадку перед квартирой.

– Чего? Ты там спятила, а? – Майя стояла перед моей дверью с Ланнистером в руках. Тот вырывался. Он не любил, когда приезжал Майкин soulmate Константин. Ревновал, наверное, и не без основания, ведь – как я уже говорила – Константин терпеть не мог котов в целом и Ланнистера в частности. Говорил, что у него на котов аллергия. Как Майя собиралась решать этот мировой конфликт, чтобы не разразилась третья мировая, я не знала. Пока что она пошла по пути голимого конформизма, сказала Константину, что отдала кота в деревню. Иными словами, соврала.

Все врут. Все знают, что рано или поздно ложь вскроется, но все равно малодушно умалчивают, прикрывают, искажают и приукрашивают.

Иными словами, все мы люди.

– Посмотри, нет ли там кого на лестнице. Открой туда дверь, – попросила я.

– Паранойя?

– Она самая, – не стала спорить я. Майка стояла на месте. Я тоже.

– Ты серьезно?

– Ты даже не представляешь, насколько.

– Свихнулась! – воскликнула та, распахивая настежь дверь на лестничный пролет. Никого. Все еще полная сомнений, я все же запустила Майю к себе в квартиру. Она влетела – высокая, стройная, как молодая береза, в узких джинсах, красивая, как кинозвезда. Ее хитрые серые глаза быстро осмотрели все вокруг в поисках объяснений, но их не было, и она повернулась ко мне.

– Ромашина, ты сучка та еще! – с порога начала она. – Я, понимаешь, второй день тебе звоню. Мало того, что ты меня не пускаешь, так ты еще трубку не берешь. И это после всего того, что я тебе, а ты мне?

– Ветрова, успокойся и можешь уже отпустить Ланнистера, – сказала я, невольно улыбаясь. Майка Ветрова – это всегда праздник. Кот с подозрительным интересом рассматривал Василису. – Я кормлю ребенка, между прочим. Я – молодая мать.

– Ты – молодая тварь бездушная. Чего мне делать прикажешь? Костик через час приедет, и что?

– Твой Костик может один раз провести вечер и в компании твоего кота, – пожала плечами я. – Для разнообразия.

– С чего ты взяла, что нам не хватает разнообразия? – хмыкнула Майя и игриво повела острыми плечиками. Я фыркнула и демонстративно прикрыла глаза.

– Это ненормально.

– Двери не отпирать – вот что ненормально. А это... Аллергия на котов – это же уважительная причина.

– Конечно, за исключением того, что на самом деле у него аллергии на котов нет. У него просто придури такая.

– Что наш Сереженька? Не вернулся? – перевела тему Майка. – А ты сама чем занимаешься? Чего это ты двери не открываешь, людей боишься? Тебя что, – и она округлила глаза, – могут убрать, как опасного свидетеля?

Я побелела. Я не хотела этого, но я побелела. Меня вдруг начало тошнить. Я почувствовала острое желание снова забраться в горячую ванну и покусать кулаки. Реакция была такой острой, что мне пришлось быстро сунуть Василису Майке и побежать в уборную. Где, впрочем, меня так и не вырвало. Нервы. Нервы ни к черту. Когда я вышла, Майя смотрела на меня с подозрением и каким-то беспокойством матери, которая боится, что ее ребенок начал курить.

– Ни о чем не спрашивай, – попросила я. Майя ничего не сказала, так и стояла молча, глядя на Ваську, а затем поинтересовалась, почему это ребенок у меня так вертится да изгибается.

– Голодная? Или чего? Приболела?

– Не должна, нет. Температуры нет. И вроде только поела, – я моментально забеспокоилась, забрала ребенка обратно, и тут Васька так очевидно, так яростно потянулась к моей груди, что нам троим – даже включая Майку – стало понятно, что все же она хочет есть.

– Идиотизм какой-то, – сказала я, проходя в комнату, к дивану. – Только что же ела.

– Ага, и посмотри, она тебе сейчас грудь откусит, – Майя ткнула в сторону моей оголенной груди. – Говоришь, только кормила?

– Да.

– И давно она себя так ведет?

– Да с утра, наверное.

– А спала как? – спросила она.

– Плохо спала, плохо. Что это, Майя? Ты знаешь, да? – Я подскочила вместе с Василисой. Волнение заставило меня несколько раз встать и сесть.

– Слушай, молодая мать, да там у тебя, может, и нет ничего? – предположила Майя.

– Ерунда, у меня молока полно, – покачала головой я. И только потом подумала, что у меня молока всегда «было» полно. А что, если...

– Что? Что там в твоей дурацкой блондинистой голове происходит? – спросила Майя, забирая у меня ребенка. Я побежала в ванную комнату и попыталась сцедить молоко.

Ни капли. От пережитого стресса оно исчезло! После вчерашней встречи у подъезда оно пропало. Я споткнулась, выходя из ванной, я не смотрела, куда ступаю. Я смотрела на Майю, а она – на меня.

– Нету?

– Нету, – подтвердила я.

– Может, ты простыла? – предположила она, но я помотала головой. Молча я прошла в комнату, залезла в шкаф, достала джинсы и водолазку. – Эй, эй, ты куда? Ты чего? Стоять, Зорька. У меня Костик скоро приедет. Мне еще нужно допечь лазанью.

– Мне ее нечем кормить, – пробормотала я, впрыгивая в джинсы. – Ты понимаешь, Майка, что я свою дочь уже сутки морю голодом.

– Так пойди с нею! – крикнула Майя. Ланнистер высунулся из-под дивана и мяукнул.

– Я быстро, Майка. Я куплю ей какого-нибудь питания – этих порошков в банках и вернусь. Честно, мне нужно, ты же понимаешь.

– Лизавета! – Майя кричала мне уже в дверях. Ее крик перекрывался воплями Василисы. Вовка, заинтригованный происходящим, тоже высунулся, наплевав на Карлсончика. Так мы и застыли. Они – в холле, втроем, плюс Ланнистер, трущийся о Майины ноги. Я – напротив них в лифте. Наспех одетая, в старой Файкиной черной шапке-бандитке, без перчаток, с пакетом в руках – я была на себя не похожа, но мне было совершенно наплевать. Файка всегда смеялась над тем, насколько поразному мы с ней выглядим, ни за что не скажешь, что мы – две кровных сестры, к тому же погодки: Файка старше меня всего на полтора года. Что ж, сейчас нас бы не отличили. Лифт закрылся, я прижалась лбом к грязной стене и принялась беззвучно, как в замедленной съемке, давить кулаком стену. Черт его знает, какая это стадия шока. Я била кулаком стену лифта, как будто это было Сережино приятное, вызывающее ложное чувство доверия лицо. Я кривилась так, будто мне в рот попала муха. Я горела, как в перетопленной парной. Я бы запихнула Сережу в печку.

На улице меня отрезвил ледяной ветер, он залепил мне обжигающую пощечину, погнал по улице бегом. Похолодало. Как быстро упала температура! Где этот чертов магазин? Я даже приличной сумки не взяла. Мою самую лучшую продуктовую сумку изничтожили оперативники, ни дна им, ни покрышки. Файка сумок больше не носит, ее возит в магазины Апрель. Я же больше ни за что ни к кому в машину не сяду, даже если она... вообще моя. Тут я огляделась, с изумлением поняла, что пошла не по той улице. Я ошиблась улицей. Агония.

Что мне делать?

– Девушка! – услышала я откуда-то сзади. Я оглянулась и увидела длинную темную иномарку, медленно проезжающую под бушующей метелью. Липкие щупальца страха схватили меня, как будто я попала в объятия безжалостному «чужому» из страшного фильма про будущее. Оно уже наступило для меня. Я припустила бегом, не разбирая дороги. Вдогонку я услышала, как мне кричали, как меня звали по имени.

– Остановитесь, Лиза! – снова услышала я. Может такое быть, что мне показалось? Страх, отчаяние, адреналин – нормальная почва для галлюцинаций. Я побежала еще быстрее. «Ночь, улица, фонарь, аптека». Вернее, аптечный киоск в «Пятерочке» – я забежала туда, задыхаясь. Пойдут они за мной? Наверняка, черт. Они ждали меня? Почему на другой улице? Все просто, они просто сначала хотели удостовериться, что я – это я. В этой шапочке, с этим перекошенным лицом – да меня бы мама родная не узнала. Что мне делать? Звонить в полицию?

– Что-то ищите? – спросила девушка-фармацевт, оглядывая меня с подозрением и нескрываемым неодобрением. Я посмотрела на нее, затем на окно, которое было прямо за пластиковой загородкой киоска. Я подошла к окну и вгляделась в темень ночную. Как быстро нынче темнеет. Впрочем, я же понятия не имею, сколько сейчас времени. Может быть, даже глухая ночь. Хотя – нет, Константин еще не приехал. Константину завтра на работу. Soulmate у Майки такой, все делает по расписанию, по графику. Так, вот она – темная низкая иномарка, чистая, будто сейчас из мойки. Кто моет машины зимой? Машина... машина. О, вот оно! Номера! Нужно посмотреть номера.

– Девушка, вы что хотели? – спросила аптекарша громче, на весь зал. Определенно, я ей не нравилась. Аптечный киоск прилегал к торговому залу магазина, сейчас такие киоски есть почти в любом супермаркете. Симбиоз хлеба насущного и целебных снадобий оказался весьма востребованным. Прилавки заполнены средствами против гриппа и других простудных вирусов. Фаина говорила мне как-то, что все эти препараты – пустышки, призванные лишь активировать внутренние ресурсы организма через плацебо. Что ж, если даже так – лишнее очко организму человека и его ресурсам. Даешь замену таблеткам! Психотерапия от гриппа!

– У вас есть молочные смеси? – спросила я, упорно продолжая стоять у окна. Номеров мне отсюда не было видно, но я тем не менее пыталась их разглядеть. Аптекарша, наверное, боялась, что я хочу что-то у нее украсть. Ее можно было понять. Я вела себя странно, даже дико. Я дергалась, избегала подходить к ней ближе, смотрела в другую сторону. Я могла уже что-то стянуть в торговом зале и теперь прятаться тут, у нее, от

охранников. В нашем магазине регулярно вывешивают фотографии людей, которые что-то украли, наплевав на видеосъемку и последующий позор. Нормальные с виду люди. Я смотрелась куда хуже.

– Вам какую? Гипоаллергенную? Без глютена? На рисе или сое? – спросила аптекарша, не сводя с меня взгляда.

– На молоке, – буркнула я и подпрыгнула. Темная иномарка мигнула фарами, кто-то вышел из нее. Кто-то огромный, высокий, широкоплечий. От такого я не убегу.

– Вы куда? – закричала аптекарша, когда я вылетела от нее в торговый зал, пытаясь слиться с немногочисленными покупателями, затеряться среди стендов со сгущенкой и квашеной капустой. Я не высывалась, чтобы не попасться, и это ожидание неизбежного заставило меня вспотеть. Так, должно быть, чувствуют себя люди из фильмов ужасов, когда сидят в шкафу, в то время как по их дому ходит маньяк. Ты вроде как в укрытии, но если тебя найдут – бежать будет уже некуда. Я замерла перед полкой с творожными батончиками, меня заклинило. Уйти? Куда? Остаться? Найдут. В любом случае найдут.

Почему ты не пошла в полицию, глупая гусыня? Почему ты сразу не побежала в полицию?

Так надо было сделать, так было разумно сделать. Это был единственный правильный путь – отправиться к Максиму Андреевичу, следователю с хорошо поставленным голосом и неприятно вежливой манерой говорить. Я не пошла. Я не могла. Как бы я могла пойти за защитой к тем, кто держал меня под прицелом на асфальте? Чего хорошего может сделать человек, которому было наплевать на то, что я – кормящая мать. Кто оставил меня в клетке с Вениамином, потому что так было проще и безопаснее. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

– Дочка, какой сырок хороший? – спросила меня какая-то старушка. – Какой без этой их пальмовой стружки?

– Пальмового масла? – переспросила я, протягивая руку к сырку, который я обычно беру Вовке. Периферийным зрением я заметила его. Высокий мужчина, настолько большой, что я увидела его через два ряда. Я сунула сырок бабке в руку. – Возьмите этот.

Я стянула шапку, сделала глубокий вдох, затем выдох. Мне нужен кто-то... Свидетель, если не защитник. Старухи недостаточно. Кассы, нужно

идти к кассам. Там видеонаблюдение, там его заснимут и потом смогут опознать. Опознать моего убийцу...

Я не смотрела на него, просто шла, ускоряя шаг, к кассам, но я спиной чувствовала, что он идет за мной. Я хотела побежать. Там больше людей. Но оттуда, от касс, легче дотащить меня до выхода. Он ведь не постесняется, выволочет меня на улицу. Это явно боец, предназначенный для работы в конфликтах. Возможно, он даже вооружен. Я буду кричать, но ему на это плевать. У них там героина на десятки миллионов рублей пропало. За такие деньги можно устроить любой беспредел.

– Лиза! – крикнул он мне. Такой простой, хочет, чтобы все подумали, будто мы знакомы. И голос такой уверенный, грудной. Таким бы только лекции читать. К чему мне эти детали? – Да остановитесь вы. – И его рука оказалась на моем плече.

– Помогите! – прошептала я. Обидно, я не добежала до касс всего чуть-чуть. То, что должно было стать криком, застряло где-то и вышло пустым шипением, как будто воздух выходил из проколотого воздушного шарика. И что дальше? Что прикажете делать дальше. Рука была тяжелой и теплой, я почувствовала это, когда попыталась скинуть.

– Да что с вами?! – всплеснул руками мужчина... отпустив меня. – Вы что убегаете, Лиза? Не хотите же вы сказать, что все еще меня боитесь!

И он расхохотался, рассыпая искры смеха по всему торговому залу. А я смотрела, задрав голову, на его знакомое лицо, некрасивое, незабываемое лицо из прошлой жизни. И меня «отпускало».

Глава восьмая. Старые – добрые, новые – злые

Конечно, я его не боялась. Ни тогда, ни сейчас. Я знала только одного более доброго человека, чем Герман Капелин, – своего отца. Под два метра ростом, с крупным лицом и непропорционально выступающей нижней челюстью, он был как непобедимый скандинавский бог Один или беспощадный синеглазый Белый Ходок из «Игры престолов». Глубокий насыщенный синий, как камень азурит, – такого цвета были у него глаза. Жесткие вьющиеся волосы по-прежнему не подчинялись ни единому закону физики, но Герман упрямо отращивал их почти до плеч, пока они не превращались в катастрофу. Длинный тощий хиппи в разношенных джинсах, он был, как Джон Леннон из «Битлз», некрасив, но привлекателен. Можно было долго скользить взглядом по его непропорциональным чертам, следить за резкими движениями его рук, поворотом его головы и ничего не замечать, а потом в какой-то момент вдруг обнаружить, что думаешь о нем. Что скучаешь по нему. Герман был каким-то иным, а иное всегда привлекает – как «английский Шерлок» Камбербетч с его инопланетным лицом. Пугающая черная скала, риф в море, о который яростно бьется штормовой прибой. Герман Капелин тоже всегда казался мне пришельцем с другой планеты.

Я до сих пор не исключаю, что это так и есть.

– Боже мой! Это действительно вы, Лиза! Ромашина! Я думал, что ошибся, все-таки столько лет прошло. Вы так сильно изменились.

– А вы, как всегда, обезоруживающе прямолинейны, – рассмеялась я и стянула с головы дурацкую шапку. Никогда больше ее не надену. Выкину, спалю в топке!

– В лучшую сторону, конечно! Вы выросли, а я жутко постарел. Так что я сомневался, но, когда вы принялись от меня убегать, сомнения развеялись. Я сразу понял, что это Лиза Ромашина улепetyвает от меня со всех ног, – и он снова расхохотался. Я тоже хохотала. Покупатели нашей «Пятерочки» обходили нас стороной, посматривая с опаской. Громкий смех всегда вызывает страх.

– А что мне оставалось? – с преувеличенным негодованием сказала

я. – Я же знаю, как вы опасны!

– Значит, вы тоже помните наши яростные схватки с вашим папой? – спросил он. Улыбка не сходила с его лица.

– Разве такое можно забыть? Мама так вообще была уверена, что вы рано или поздно разнесете нашу кухню вдребезги. Когда вы приходили, она убирала из кухни хрусталь. И я не шучу! – развела руками я.

– Я так и думал! То-то ваша мама всегда приносила нам вместо вилок ложки.

– Боялась, что вы поубиваете друг друга. Убить ложкой куда сложнее.

– Два ученых мужа, несогласных друг с другом, – это почти что ядерная реакция, – расхохотался он. – Нет, все же какое хорошее это было время. Сколько лет прошло? Десять? Или даже больше?

– Мне кажется, даже больше, – прикинула я. – Сто лет прошло. Я была совсем ребенком. А вы вовсе не постарели. Вы вообще не изменились. Наверное, вы – граф Дракула.

– Да, и по ночам высасываю кровь младенцев. Только вот нынче с младенцами перебои, приходится обходиться соком «Добрый». За которым я, собственно, и заехал сюда. А вы? Чем вас заманили сюда?

– Мне нужно купить детское питание, – сказала я, развернувшись к аптечному киоску, и Герман посмотрел на меня уже другим взглядом. Словно он сразу понял все, что было ему неизвестно, – что я выросла, что у меня дети и проблемы, что я, возможно, замужем, и не так уж удачно, если судить по моему внешнему виду и странной шапке, которая мне совсем не идет. И что есть какая-то другая причина, по которой я от него убегала. Я отвернулась и посмотрела на торговые ряды. Повисла неудобная пауза. Мне вдруг отчаянно потребовалось стереть все эти годы, чтобы я снова была ребенком и выбегала с диким визгом, когда в комнату моего отца заходил его странный студент Капелин. Папа, папа, как же мне тебя не хватает!

– Сто лет, сто зим, – пробормотал он. – Мне было двадцать, кажется, когда я впервые попал к вам в дом. Сейчас мне тридцать шесть.

– А мне тогда было, получается... десять? – вытаращилась на него я. – Нет, это невозможно!

– И все же похоже на правду, – и Капелин улыбнулся – до ушей. – Эх, юность моя. Аспирантура, мечты, дерзания.

– Вы, кажется, с папой планировали перевернуть все представления человечества о физике? Как, удалось?

– Перевернуть, может, не перевернули, но перетрясли изрядно, – кивнул он, возвращаясь в магазин.

– Вы тогда защитились? Я не помню, куда и почему вы пропали, Герман Алексеевич. Правильно я вспомнила?

– Ох, мне кажется, я уже не тяну на Германа Алексеевича. Зовите меня просто – гений и надежда современной науки, – выдал он с совершенно серьезным видом.

– Именно так я вас и буду звать, договорились.

– Ну, или просто – Герой.

– Герой? – рассмеялась я. – Без страха и упрёка?

– Ой, не так. Совсем вы меня запутали, – он смотрел с театральной растерянностью. – Ударение на первый слог. Ге́рой. Ге́ра. Сокращенно от Германа.

– Значит, просто Ге́рой. Непривычно как-то. Ладно, хорошо. Так все-таки куда вы исчезли, получается, больше десяти лет назад? И что с кандидатской?

– Я защитился, да, – коротко ответил Капелин.

– Мне тогда казалось, что вы почти переселились к нам домой. А потом вдруг исчезли совсем. Даже в «Крокодила» не приходили больше играть.

– Вы говорите так, будто скучали по мне.

– Нет, конечно, – хитро улыбнулась я. – Я только выдохнула с облегчением. Тем более что в «Крокодила» вы всех переигрывали, а это, согласитесь, неприятно. Нехорошо, когда кто-то может объяснить слово «сингулярность» одним жестом.

– Это была случайность, – рассмеялся он. – Я до сих пор не понимаю, как Фаина Павловна меня сумела так понять.

– Фаина Павловна просто такой же гик, как и вы с папой. У вас у всех свой птичий язык. Я никогда не могла вас понять. С Фаиной Павловной, – фыркнула я. Никогда в жизни я не называла ее по имени-отчеству.

– Как у нее дела, кстати? И как поживает ваша мама после того... того...

– Все, – я замешкалась, вспомнив, как буквально накануне мама и Файка орали друг на друга, стоя в холле квартиры Фаинового жениха. – Все нормально. Все, как у всех. – Я не стала говорить ему о том, что наша мама вполне оправилась после смерти папы, что она оправилась настолько, что решила выйти замуж за постороннего мужика.

– Это хорошо, хорошо, – рассеянно кивнул Герман, выискивая что-то по полкам.

– А как дела у вас?

– А я вернулся, – снова коротко и лаконично проинформировал меня

он. – Меня не было, а теперь я вернулся, вот так. – И он бросил в тележку банку детского питания, которую выбрал для меня, едва глянув на представленный на полках ассортимент. Так я поняла, что он тоже наверняка женат и имеет детей. Я выдохнула – с облегчением. Наша встреча – простая случайность, она ничего не значит. Это хорошо, хорошо. Капелин бросил в тележку пачку сока и тортик.

– Вы все так же любите сладкое? – на всякий случай уточнил он.

– Вы помните?

– Что?

– Что подкармливали меня «Мишками на севере», вопреки строжайшему запрету мамы? – спросила я, нахмутив брови.

– Каюсь, грешен, – и Капелин театрально склонился и кивнул своей жесткой кудрявой гривой. С ним было легко. Так, словно не было этих десяти лет, за которые я почти совсем забыла о его существовании и о том – пикантная подробность, о которой я бы никогда не стала рассказывать ему даже в шутку, – что лет в пятнадцать я была в него влюблена. Не сильно, совсем чуть-чуть. Просто так, примеривая на себя его высокую, тощую фигуру, как манекен, представляя себя его женой – наряду с тем, как представляла себя женой Тома Круза или Егора Бероева. Тогда я бывала женой пяти разным мужчинам на дню.

Однако это не меняет того факта, что одним из них все-таки был Герман Капелин. Но ему об этом знать не требуется.

– Так, питание детям и питание маме мы взяли, что-нибудь еще? Пойдемте, Лиза, я отвезу вас домой.

– Да тут два шага, – засопровтивлялась я, но так вяло, что Капелин даже не стал обращать на это внимание.

– Похолодало-то как, заметили? Под Новый год была холодная слякоть, а теперь прямо натуральные крещенские морозы. Февраль будет еще хуже, я думаю, – говорил он, возвышаясь над очередью в кассу. Герман размахивал руками и был похож на мельницу. Надо же, как природа создала такое удивительное явление, как Капелин. – Лиза?

– Что?

– Вы смотрите на меня так, словно я медведь в цирке, и не реагируете на то, что я говорю. Так что немедленно поделитесь, о чем вы думали?

– О мельницах. И о вас. Как давно я вас не видела. Словно в машину времени попала.

– У вас тоже такое чувство?

– Ой, вы что же это делаете? – запоздало спохватилась я, когда Капелин одним движением руки – часами на запястье – оплатил все наши покупки.

– Ничего противозаконного, не понимаю, о чем вы, Лиза. Я вот еще конфет купил, вы, пожалуйста, передайте коробочку вашей маме и коробочку Фае. Надо бы вообще всех навестить, раз уж я вернулся. Как вы на это посмотрите?

– Замечательно! – соврала я. Отчего-то мне совсем не хотелось ни с кем делить Капелина, во всяком случае, пока.

– Оставьте мне ваши телефоны, явки и пароли. Непременно нужно всем увидеться, – настоял он, забрасывая пакеты в багажник своей темной, идеально чистой машины. Я чуть не уснула, попав с холодной улицы в теплый салон машины, мерцающий огоньками приборной панели. Тут играло что-то джазовое, тихое, тут пахло сосной, и сиденья были подогретыми – Герман, оказывается, завел машину еще до того, как мы вышли из магазина. Дистанционно, с пульта. Подумать только, а я ведь чуть не убежала от него. Я не хотела больше ездить на машинах. Шла бы сейчас по замороженным улицам. А теперь они проплывали за чуть затемненным стеклом автомобильного окна. Я подумала – что, если сейчас кто-то остановит нас, вытащит меня из салона, положит лицом на ледяной асфальт. И окажется, что Капелин – торговец оружием.

Нет, такое невозможно. Только не с ним, не с Германом Капелиным.

– Я позвоню, – пообещал он, останавливая машину у моего подъезда. «Я позвоню!» А я разве спрашивала о чем-то? – Эй, Лизавета, вы спите?

– Практически сплю, – согласилась я, пытаюсь заставить себя выйти из теплой машины.

– Хотите, покатаю по району? У меня бензина много.

– Хватит до канадской границы? – улыбнулась я.

– Вы и это помните?

– Как вы разбили вазу?

– Это вы разбили вазу, – возмутился Капелин, укоризненно качая головой. – Неужели после стольких лет вы все еще будете настаивать, что она разбилась из-за меня?

– Вы просто забыли, какой человек – моя мама. Даже после стольких лет она за ту вазу меня укокошит. Так что ничего не знаю, вазу разбили вы, – заявила я с невозмутимым видом. – Что? Что это вы на меня так смотрите, Герой? Не нравится мне эта ваша улыбка.

– Я очень рад, что мы встретились, – сказал он с неожиданной теплотой в голосе. Так, что эта фраза прозвучала, словно он говорил очень всерьез. А затем он встал, вышел из машины и открыл мою дверь.

Майка встретила меня, как встречали ведьм в старой доброй Англии, – с вилами, факелами и священником. Майка была готова жечь и убивать. В роли священника рядом с ней стоял и хмурился Вовка. Впрочем, получив в руки коробку конфет (которую Герман купил для Файки), Вовка тут же сменил гнев на милость. Чего не сказать о Майке.

– Тебя где носило? – закричала она, швыряя мне на руки Василису. – Ты на фабрику ездила? Корову доила? Спятила? У меня там Костик сидит один. Может быть, уже даже не сидит, откуда я знаю.

– Это несправедливо! – воскликнула я, глядя на бушующую подругу.

– Ты считаешь? – возмутилась она, натягивая сапоги так быстро, как только могла. – Я согласна. Это несправедливо, в который раз меня вот так ловить и оставлять с детьми, когда у меня есть своя жизнь, свои планы. Мне завтра рано вставать, у меня утром до уроков пятиминутка у директора. А ты можешь спать хоть до обеда.

– У меня пропало молоко! – вспомнила я.

– Мне тебя жаль, конечно, – выпрямилась Майя. – Но у меня на личную жизнь осталась всего пара часов. Ты замужем. А я нет. И что тут справедливого?

– Ничего, – согласилась я.

Дверь захлопнулась, и я осталась один на один с моей несправедливостью, которую толком даже не могла осознать. Я только злилась. Я распаковала банку со смесью, повозилась с тем, чтобы высчитать количество смеси, которое было нужно Василисе по норме. Дочь набросилась на еду так, что мне стало мучительно стыдно. Ведь это даже не я, а Майка поняла, что у меня кончилось молоко.

Что же я за мать!

– Прости, прости, гусенок, – приговаривала я, придерживая бутылку, и так стало жалко себя, так жалко... Я думала об этом, пока не расплакалась. Вася к моему приступу совести отнеслась с возмутительным равнодушием, выдула бутылку и тут же отключилась блаженным сном праведника, добившегося гармонии с миром. Я так и сидела, держала ее на руках и плакала. Слезы были горячими и солеными, и мне вдруг захотелось орешков – тоже соленых. Неправедливо. Неправедливо все – такой

вывод, ни на чем не основанный, ни к чему не привязанный. Несправедливо, что мой папа – талантливый ученый, великолепный учитель, удивительный человек – умер так рано, оставив нас с колючкой-сестрой и разбитой горем мамой. Несправедливо, что мама его забыла, но было бы еще хуже, если бы она не оправилась после его смерти. Несправедливо, что в машине Капелина было так уютно и хорошо, а моя жизнь – гора грязной посуды, отупляющая усталость, сжигающий страх, исчезнувший муж. Несправедливо, что мы встретились именно сегодня, когда я была такой страшной и ужасной в этой нелепой одежде. Несправедливо, что в моей жизни так и не появилось ничего того, о чем я мечтала в юности, когда все еще было впереди.

Несправедливооооо!

– Я не вспоминала о нем. Зачем он вернулся? Откуда вообще он вернулся? – спросила я у спящей дочери. Дочь не ответила, и я прошла в комнату, где стоял наш телевизор, – в большую, так сказать.

– Вовка, ты там от мультиков не свихнешься? Вовка? – ответа не было, повернулась к дивану, затем опустила взгляд на пол. Там, на ковре перед телевизором, перемазанный в шоколаде, с полупустой коробкой рядом, счастливо спал мой сын.

– Ну, Капелин! Всех уложил одним ударом, – хмыкнула я, перекладывая Василису в кровать. Это не самая простая операция, как может показаться на первый взгляд. Одно неверное движение, и усталый сытый младенец, который спит, превращается в бодрого проснувшегося ребенка, готового познавать мир. Не дай бог. Спи, золотко, спи. Ты такая красивая, когда спишь, у тебя такие щечки, ты так чудесно кряхтишь.

Через несколько минут я загружала компьютер. Такова, видать, моя судьба – узнавать все, что мне интересно, из сетевых ресурсов. Конечно, в ситуации с Капелиным это было необязательно. Если в случае с Сережей это было оправдано, то тут не было ни одной причины, чтобы потратить столь драгоценные часы Василисиного (и Вовкиного) сна на поиски информации о человеке, который мне никто и которого я, очень может быть, больше никогда не увижу.

«Я позвоню», понимаешь! Нет, я должна была узнать все. Откуда он вернулся, чем занимается, откуда в его движениях, в его смехе взялась эта невозможная легкость, которой раньше я не замечала.

Женат ли он.

– Я просто так посмотрю. Мне просто так интересно, – заверяла я саму себя, глядя на свое отражение в экране. Герман Капелин. Тридцать шесть. Место жительства? Не уверена. Где искать? Стандартный набор социальных сетей никакого результата не дал. Даже странно, как мало нашлось Германов Капелиных на весь русскоязычный Интернет. И ни одного из них – того самого. Поковырявшись некоторое время, я с огорчением убедилась, что Герман Капелин – не самая социально активная персона на свете. Никаких страничек, никаких ссылок, никаких фотографий на фоне выставочных красных «Ягуаров» – пошлость, которая тем не менее пользуется огромным успехом у пользователей Интернета.

Откровенно говоря, я вообще не была уверена, что Герман Капелин является этим самым пользователем. Я нашла его только в списке студентов группы моего отца – старые институтские списки выпали откуда-то из недр кафедральных архивов. Там я также наткнулась на упоминание не самого Германа, а его работы. «Объединенная теория электромагнитного парадокса» – так она называлась. Что бы это значило? Парадокс – все слова по отдельности я понимаю, а вместе – нет. Как в старые добрые времена, когда папа с Файкой говорили о чем-нибудь своем, а я слушала их, как иные люди слушают пение птиц в саду. У папы с Фаей были свои отношения, свои слова, свои секретные коды, даже свои сказки, черт возьми. Ее любимыми были о рыцарях и лжецах, и в этих сказках не было ничего сказочного. Они были, суть, математические задачи. На одном острове, далеко-далеко, в параллельном измерении, где, помимо прямых X, Y, Z, есть еще несколько как прямых, так и не очень, жили только рыцари и только лжецы. И если ты был рыцарем, то ты бы никогда не сумел соврать. А если ты родился лжецом, то ты был не способен сказать ни слова правды. И вот в один прекрасный день на остров попадал Наблюдатель, он ходил по острову, по его прямым, кривым и переменным, и спрашивал у жителей островка, кто они – рыцари или лжецы. И, получая ответ, он не мог с уверенностью сказать, услышал ли правду или ложь.

Или правду и ложь в одно и то же время, если действие сказки происходило на квантовом острове.

Я тоже не знала, кто в нашем мире рыцари, а кто – лжецы. Я даже не знала, кто из нихя сама. Я только помнила, как лежала и слушала папины

сказки, старательно делая вид, что не только понимаю их, но и люблю. Я просто слушала его голос. Пение птиц. Ложь. Определенно, я уже тогда была маленьким лжецом, который хотел выглядеть как рыцарь. Свой среди своих.

Успех мне принес сайт «Одноклассники». Наверное, Капелин тоже был сентиментален – все мы не без греха, – но четыре года назад он зашел на этот сайт и создал аккаунт. На этом, собственно, дело и закончилось. Герман Капелин, 36, женат (!!!), ученая степень Ph. D. of Physics. Быстрый поиск в Интернете показал, что Ph. D – это обозначение вроде как доктора философии физики. Почему философии? Вопрос без ответа.

Всего одна фотография. Одна фотография, ни одной записи. Он пришел на сайт и ушел с него, оставив только это. Джинсы, тяжелые ботинки, рубашка с коротким рукавом, на голове бандана, повязанная, как это делают байкеры. Герман стоит на фоне открытого джипа, похожего на военный, с защитой спереди. Где он? Один или с женой? Путешествуют, купили тур на джипах по саванне? Поехали посмотреть на львов в Африке? Развлекаются в карьерах в Крыму? Неизвестно.

Ах да, еще. Место проживания. Израиль, Тель-Авив. Интересно, интересно.

Значит, вот что он имел в виду, когда сказал, что вернулся. Он, наверное, уехал сразу после защиты кандидатской – недаром он резко и разом перестал появляться в нашем доме. Мои мечты испарились вместе с ним, девичьи мечты так тонки и ненадежны. Наверняка его пригласил какой-нибудь крутой университет или корпорация. Может быть, он придумал какую-нибудь шутковину типа тефлоновых сковородок или графена. Может быть, он миллионер, который добился всего на свете и решил вернуться к своим истокам, в Новые Черемушки?

Я нашла его. В англоязычном пространстве Интернета было куда больше информации о Германе Капелине и его «Объединенной теории», чем тут, в России. Ссылки вели на англоязычные сайты, на которых, судя по Гугл-переводчику, были размещены копии всей его работы целиком под аналогичным названием. Много слов на английском, много формул. Фаина, наверное, поняла бы, о чем тут.

German A. Capelin, PH. D. United Theory of Capelin's Paradox.

Это было солидно, но не неожиданно. Он не был миллионером, никакой информации об этом, но он был ученым. Не зря мой папа так высоко отзывался о Капелине. Как-то, стоя в ванной, папа выслушивал от мамы ворчание на тему вечно пачкающих полы студентов, а затем повернулся и сказал ей вдруг:

– Вот ты жалуешься, а потом у нас на доме повесят табличку мраморную о том, что в этом доме когда-то работали над своей объединенной теорией выдающийся ученый Капелин и его ассистент Ромашин.

– Ассистент Ромашин? – негодовала мама. Возмущение тогда не отпускало ее несколько недель. Она даже какое-то время называла папу именно так – ассистент Ромашин – и возмущенно фыркала. «Ассистент Ромашин, сколько можно вас ждать, идите уже есть тушеную капусту». А если в этот момент рядом был сам Герман, мама демонстративно и театрально кланялась ему. Герман тогда так же театрально переживал, протягивал к ней свои длинные руки, умоляя простить его, в чем бы он ни провинился. И просил еще тушеной капусты.

– Доктор наук, Ланнистер, ты видишь? Доктор, мать его. У Фаины вот тоже – доктор. Только не наук, а просто – доктор. Это даже скучнее, когда просто доктор, да? Тем более психотерапевт. Так, что еще? Формулы, формулы. Черт, сюда бы Майку с ее английским.

Женатый доктор философии физики.

Это бы папе понравилось – философия физики. В каком-то смысле папа сам был как Диоген, только он сидел не в бочке, а в ванне. И раздумывал не о смысле жизни, а о Рыцарях и Лжецах.

Капелина несколько раз публиковали в журналах, он бывал в Америке, выступал в Англии – его имя нашлось в списках участников какой-то научной конференции. Хотя упоминаний было относительно немного, мне этого было достаточно, чтобы понять – он живет совсем другой жизнью. Параллельное измерение. Непересекающиеся прямые. Он объединял парадоксы, я искала Сережу. Он перелетал на самолете из страны в страну с докладами о своих исследованиях, я ждала, пока Сережа разведется со своей первой женой.

Несправедливооооо!

Странно, что из всех материалов о Германе Капелине не было

практически ничего свежего, последняя пара лет – белое пятно. Ни одной фотографии Капелина с женой – вот это действительно разочарование. Никаких фотографий, что называется, из личной жизни. Кого в наше время интересует частная жизнь физиков? Это же не знаменитости, которые были замечены на пляже Калифорнии в откровенных купальниках. Это же не набравший вес Бредли Купер. Не «разведенка» Анджелины Джоли. Не «бульдог» Харламов, которого тискают его жена. Даже не бульдог, которого вылизывает хозяин, – видео с Сережиной страницы «ВКонтакте». Я сидела и смотрела, смотрела на кадры с Капелиным – формальное групповое фото в холле какого-то отеля. Все сделано улыбаются, все – в костюмах, почти одни мужчины. Где, спрашивается, феминистки? На другом фото я нашла Капелина сидящим в большом зале среди зрителей. Еще на одной Герман возвышается, как скелет динозавра в музее, над толпой какого-то молодняка. У всех одинаковые бейджики, позади них какой-то выставочный стенд. Вот, пожалуй, и все. А что ты хотела узнать, глупая?

«Я позвоню».

Я вздрогнула. В этот же самый момент зазвонил телефон на столе. Я вздрогнула, тут же подпрыгнула на месте и бросилась к телефону. Это довольно сложно – с максимально возможной скоростью, но бесшумно добраться до звонящего телефона, чтобы отключить его раньше, чем проснутся дети. Детский сон бесценен для родителей. Но краем сознания я надеялась, что вдруг это звонит он – Капелин. Но это была всего лишь Фая. Она позвонила, чтобы задать мне самый дебильный вопрос из тех, которые я *никогда не ожидала* от нее услышать.

– Лиза, у тебя есть telegram?

– Каких телеграмм? Ты спятила? – логично переспросила я, поглядев на часы на стене. Половина одиннадцатого, вечер. Практически ночь.

– Не телеграмм, а telegram мессенджер. Есть у тебя мессенджер?

– Господи, Фая, я могла бы спать уже. А дети уже спят. Ты что, хочешь разбудить детей? Если ты их разбудишь, ты с ними и сиди.

– А ты не думала о том, что дети требуют времени и сил? Что с ними нужно сидеть, играть, учить их и так далее? Нет? Когда рожала – не стала думать?

– Ты меня пугаешь. Ты звучишь, как наша мать, ты хоть сама это понимаешь, а? – прошипела я, выходя на кухню. – Какой, к черту, telegram? Опять играешься с программами? Ты написала что-то новое?

– Скорее закачала что-то старое. Обычный мессенджер, Лиза. Ладно,

слушай, знаешь что? Я сейчас к тебе приду.

– Зачем это?

Но она оборвала разговор еще до того, как услышала мой вопрос.

– Что за человек! – возмущалась я, отшвырнув телефон на диван. Из-под него вышел полностью согласный со мной Ланнистер. Он кивнул (во всяком случае, мне так показалось). – Да, Ланнистер, да. Никакого сладу, да? Кто так делает? Заинтригуют человека, а потом трубки швыряют. Что? Да, я понимаю, ты считаешь, что все из-за мужиков. Да, обычно так и есть, но тут дело в Фае. Что? – Я наклонилась к коту и сделала вид, что слушаю его, что он мне что-то сказал. – Да, Ланнистер, я понимаю, что тебя буквально вышвырнули из родного дома. С другой стороны, тебе же и у нас неплохо. Нет, Ланнистер, нет. Ты лучше подумай, что будет, если этот, как ты выражаешься, чертов Константин реально решит остаться у Майки навсегда. Возможно, тебе вообще придется к нам переехать. Нет, не смотри на меня так. Я пошутила, пошутила!

Но было поздно. Словно оскорбившись на мои слова, Ланнистер мяукнул и ушел.

Глава девятая. Нежданная гостья из будущего

Фаина приперлась в своем стандартном обличье – клетчатые шерстяные штаны, блестящие коричневые боты на меху, свитер, распахнутая зеленая куртка с большим количеством карманов. Довершал комплект поистине бесконечный шарф из красной нитки – плод маминых трудов. До того как потрясти нас всех своими матримониальными планами, мама вела образ жизни, вполне соответствующий бабушке и вдове: поливала цветы, вышивала их, выращивала их на даче и вязала нам всем шарфы.

Кто-то мог бы решить, что с помощью такого вот абсурдного внешнего вида Фаина Ромашина протестует против окружающей действительности, что она выражает свое весьма странное «я» через это сочетание несочетаемого, однако я-то знала ее всю жизнь, я выросла с нею рядом. Как бы странно это ни звучало, Фаина исходила всегда только из соображений функциональности и надевала те вещи, которые были, во-первых, чистыми, во-вторых, лежали ближе других.

Кажется, такой логики, в точном соответствии с алгоритмом эффективности, придерживались многие ее коллеги-программисты.

– Ну, здравствуй, сестра, – хмуро поприветствовала ее я, когда она зашла в квартиру, открыв дверь своим ключом. Он – ключ – был ей нужен, так как часто Фая приводила и уводила Вовку в/из садик(-а).

– И тебе не болеть, – так же хмуро отреагировала она. – А то что-то ты неважно выглядишь.

– Да и ты не королева красоты. Что это за штаны? Ты их у Буратино стащила? Как тебя Апрель в таком виде на улицу выпускает?

– Апрель меня просто терпит – от безысходности, несчастный человек. Но я тебе уже много раз об этом говорила, – пожала плечами Фая и скинула боты. Она протянула мне пакет из «Пятерочки». Центр районного притяжения. В пакете были апельсины, кофе, пачка молока, сахар и небольшой плотно пропечённый кекс. Мой любимый.

– Ты же мне сестра, ты можешь к нам и с пустыми руками приходить.

– И с пустым желудком сидеть, да?

– Совсем ты в меня не веришь. Если ты жрать хочешь, я могу тебя покормить макаронами с тушенкой. И вообще, у меня все есть.

– Вот и хорошо. Будет еще больше. Телефон мне дай, плиз.

– Зачем? – сощурилась я. Мне вся эта таинственность не нравилась.

– Кое-что проверить, – не спешила открываться Фая.

– На своем не можешь? У тебя что, сломался он?

– А тебе что, жалко?

– Забавно! – хмыкнула я. – Похоже на наши разговоры в детстве, тебе не кажется?

– Это все потому, что ты ни капельки не изменилась, Лиза. Жадиная-говядина.

– Ты сейчас мне опять какой-нибудь гадости накачаешь, а у меня потом памяти на фотографии не хватит.

– Давай уже телефон.

– Да на, держи, – и я сунула ей свой аппарат. Та уселась с ним прямо на кухонный стол – никогда не садилась добровольно на стулья – и принялась что-то в моем телефоне искать.

– Нету. Нету у тебя telegram! – в конце концов сделала она вывод.

– Рыдать обязательно или можно просто немного погрузить? Видишь ли, я телеграммы на почте отсылаю, если надо. Я даже не помню, когда последний раз... – Фая отставила чашку с чаем и некоторое время изучала меня с таким вниманием, словно расшифровывала загадку Дэна Брауна. Потом она покачала головой.

– И ведь ты, сестрица, совершенно серьезна. Вот что поражает. Я просто не устаю изумляться тобой. Я же сказала, это мессенджер.

– Ах да. Как будто это о чем-то мне говорит.

– Караганда. Ты же пользуешься «Viber»? Это тоже мессенджер. Как можно быть настолько далекой от технологий?

– А как можно быть настолько далекой от людей? – невозмутимо парировала я.

– Туше, – рассмеялась Фаина, продолжая крутить мой телефон в руках.

– Ты не любишь людей, я не люблю технологии. Гармония и баланс.

– Да, я не люблю людей, от них одни проблемы. Этого не изменить. Но я люблю вас, разве этого не достаточно?

– Кого это – нас?

– Семейю. Тебя. Детей твоих, – Фаина замолчала. Я склонила голову.

– А маму?

– А маму пусть ее Этот... любит, – фыркнула она. – Мне вас хватит – на мою голову.

– Ты нас не любишь, ты нас терпишь, как неизбежное зло, – рассмеялась я.

– Люблю как умею, – пробормотала она.

– А Игоря Апреля ты тоже – как умеешь? Имей в виду, меня не надурить. Я ведь знаю многое.

– Ничего ты не знаешь.

– Я видела даже, что ты его боишься потерять.

– Наветы! – возмутилась Фая. – Никого я не боюсь потерять. Пусть он боится. Хотя ему-то чего бояться...

– Да-да, потому что, и я цитирую тебя, Фая, «все равно он меня бросит, так чего трепыхаться». Так, да? «Такие мужчины, как Апрель, рано или поздно бросают таких девушек, как я. На этом мир держится. Это – его черепахи и слоны».

– Я по-прежнему так считаю, – спокойно кивнула она.

– А он по-прежнему тебя так и не бросил, – засмеялась я, разливая кофе по чашкам. Признаться честно, кекс был более чем уместен в нашей ситуации.

– Еще бросит. Так вот, моя дорогая доисторическая сестра, приложение «telegram» передает вовсе не телеграммы, а сообщения, как и все остальные мессенджеры. Только не спрашивай меня, какие остальные мессенджеры, а то я пойду и повешусь. Ты хоть о скандале с ФСБ слышала, останок мамонта?

– Я ничего не слышала. Какой скандал?

– О боги, за что мне это?! Был большой скандал с «telegram», потому что лондонский офис этого Павла Дурова, его владельца, отказался передавать ключи нашим властям.

– Ключи от города? – ухмыльнулась я.

– Я тебя задую, – сказала Фаина, откусывая кусок кекса.

– А зачем тебе этот «telegram»? – спросила я. – Тебе мало «Viber»?

– Понимаешь, Лиза, единственная причина, по которой кто-то может захотеть установить «telegram» вместо других мессенджеров, – это когда кто-то хочет обмениваться зашифрованными сообщениями. Именно зашифрованными, которые, если установить специальный режим, нигде и никогда не сохраняются. Идеальное приложение для террористов и наркоторговцев.

– Ты, случайно, не собираешься взорвать Черемушки? – усмехнулась я, старательно скрывая то, как сильно застучало мое сердце при слове «наркоторговцы». Муженек, муженек.

– Подумываю об этом, – ответила она. – Вот когда Апрель меня уже

наконец бросит...

– Зря ты не веришь в себя.

– Я верю в себя, ты зря. Я в других не верю, – покачала головой Фая. Какое-то время мы просидели на кухне молча, я уплетала кекс, Фая продолжала возиться с моим телефоном.

– Ты знаешь, что мне сказала мать твоего Игоря? – вспомнила вдруг я.

– Что? – нахмурилась Фая. – Что я не подхожу ее «мальчику»? Конечно, я не подхожу ее прекрасному «мальчику», я всегда это знала, я сама об этом говорила. Пусть она его попытается в этом убедить.

– Вот! Видишь, как негативно ты мыслишь.

– Зато ты мыслишь позитивно – на десятерых, Лиза.

– Она сказала, что ты можешь даже не волноваться. Даже не так. Она бы не хотела, чтобы тебя это беспокоило. Ей бы хотелось, чтобы ты знала, что тебе нечего опасаться.

– Нечего опасаться? От нее? – Файка отбросила мой телефон и посмотрела на меня так, что я подавилась кексом и закашлялась. Фая так сильно ударила меня по спине, что я вскочила и заорала:

– Свихнулась?

– Ничего себе, мама-жираф тебе такое сказала, и ты молчала? Это же фактически угроза. Нет, ну приехали, а? Я могу ее не опасаться, пока что? Пока веду себя прилично? Я никогда не веду себя прилично!

– Что тебе нечего опасаться Анну, первую любовь Игоря, – уточнила я.

И тут случилось чудо. Фаина Ромашина замолчала. Она пялилась на меня, как будто я неожиданно заговорила на китайском языке. Она раскрыла рот, но так и не нашла, что сказать, и закрыла его обратно. Она сделала так несколько раз. Я наслаждалась тишиной.

– Мама-жираф сказала, что ни при каких обстоятельствах, ни за что и никак эта пресловутая Анна не вернется в жизнь Игоря.

– Как вы вообще пришли к обсуждению этой темы? – речь наконец вернулась к Фаине. Насколько могла подробно, я изложила ей наш разговор. Фая сидела в глубокой задумчивости, а затем протянула руку к последнему куску кекса и съела – нет, не так, проглотила его целиком.

– Пошли.

– Куда? – опешила я.

– Туда, – и Фая встала. Еще до того, как я успела среагировать, она прошла в комнату и включила спящий компьютер нажатием одной клавиши. Оторопело она разглядывала фотографию Капелина, которая так и осталась «висеть» на экране.

- Это то, о чем я подумала?
- Я не знаю, о чем ты подумала, но – точно нет. Это не то! – пробормотала я, пытаюсь вырвать у Фаи мышь.
- Хочешь сказать, сестрица, это не Герман Капелин? Черт, вот же у него странная внешность, да?
- Допустим, да. И что?
- Ничего. Чудо природы. Длинный какой. При этом, знаешь, он такой обаятельный черт, что через какое-то время начинаешь смотреть на него, как на огонь. Можно смотреть вечно. Просто на то, как он двигается или говорит. Папа говорил, что Капелин – это поэзия в рамках двуногого существа. Чего это ты о нем вспомнила?
- Я наткнулась на него случайно – через «Одноклассников», – ложь, снова я вру, как Троцкий. Как много я стала врать. Может быть, я тоже на острове? Лжецы не могут говорить правду.
- О! «Одноклассники» – это, кстати, идея.
- Какая идея? Не нравишься ты мне, Фая. То телеграммы, то одноклассники.
- Анна, – пробормотала моя сестра, вбивая что-то в строку поиска. – Я давно должна была прогуглить эту историю, хорошенько прогуглить. И ты права, это действительно очень странно, что мать моего Апреля так хорошо осведомлена о ее жизни. Я думаю, найти это все будет легко. Найдем класс Апреля, найдем ее – эту Анну. Посмотрим, чем она занимается в наши дни. Может быть, она разжирела? Будем надеяться, потому что я в свое время видела одну ее фотографию и говорю тебе – она настолько красива, что хочется пойти и утопиться.
- Если он ее так любил, то лишний вес ничего не решит. Она была уверена, что Анна не позвонит. Мама-жираф была уверена.
- Да, Лизка, да. Значит – что?
- Что?
- Они общаются, вот что это значит. Так, я нашла номер их школы. И даже – знаешь что? Тут есть фотография их девятого класса. Ну, разве я не хакер? Так, где ты, любительница флоры, но не фауны.

Флора, но не фауна. Анна любила цветы и любила нашего Игоря Апреля. Они вместе разводили зимний сад в доме родителей Игоря. Потом Анна разлюбила их и бросила – обоих: и Игоря, и цветы. В один ужасный день Игорь Апрель получил от Анны короткую записку о том, что она встретила другого мужчину и уезжает к нему в Израиль. Уезжает к жениху, если быть точной.

Игорь полагал, что он был ее женихом.

После стольких лет она обошлась запиской. Цветы остались без оной. Каждый раз, когда Игорь поливал их, они напоминали ему о девушке с янтарными волосами, что оставила его с использованием записки. И все же он не выкинул их, не дал им засохнуть, он поливал их, растил, прореживал, а потом, когда Игорь Апрель принял решение уехать из Владивостока и начать новую жизнь в Москве, он забрал их с собой. Кто, скажите мне, в добром здравии и действуя добровольно, будет носиться с цветочными горшками, если только в сердце его не осталось надежды? И надежды на что?

– Зря я тебе сказала. Не стоит копаться в этой истории, ты можешь сделать только хуже.

– От правды никогда не становится хуже, – сказала Фаина.

– Я не уверена, – пробормотала я. – В последнее время я существенно пересмотрела свое отношение к правде.

– Ого! Ничего себе заявление. Впрочем, я очень рада, что взрослеешь, – присвистнула Фаина, не отрываясь от экрана. Это было выше моих сил. В конце концов, если она хочет быть деструктивной, кто я такая, чтобы ей мешать. Кто знает, может быть, именно это и привлекло в ней Игоря Апреля. А что, противоположности притягиваются. Может быть, ее здоровый скепсис ему нравится. И нездоровый – тоже.

– Это она? – спросила я, когда на экране возник класс Игоря Апреля. Кто-то переснял на телефон старую групповую фотографию – дети с серьезными, не улыбающимися лицами, все в белых овалах, под которыми были приписаны их фамилии и имена. Я вспомнила, как Фаина бесилась, говорила, что природа – просто стерва: кому-то она дает все, а кому-то ничего. И говорила, что таких, как Анна, невозможно ни забыть, ни пережить. Расстаться – да, забыть – ни за что. И вот я разглядывала фотографию улыбающейся девочки в бежевом платье в цветочек. Девочка была сказочно хороша. Вот черт! Фая не преувеличивала. Анна улыбалась, как волшебная Алиса Селезнева из старого советского фильма. Анна была как «гостья из будущего». Мечта миллионов мальчишек, первая любовь Игоря Апреля, первая его взаимная любовь. Фотография выцвела, но мечтательная улыбка Анны осталась. Она «пробивала», даже несмотря на плохое качество старой съемки.

– Да, – пробормотала Фая и кивнула.

– Ну и ничего особенного, – пробормотала я, стараясь звучать искренне.

– Посмотри вот тут, – и Фая открыла другую фотографию. – Я нашла их вместе. Это они в институте.

– Н-да... – только и смогла сказать я. Да, неудивительно, что Анна была для Игоря незабываемой. На этой фотографии ей было лет восемнадцать, не больше. Высокая и стройная, Анна обладала тем редким типом фигуры, которую так любят дизайнеры. Стройная, гибкая, грациозный изгиб шеи.

– Может быть, и вправду, она пожирнела? – почти безнадежно предположила я. Фая громко хмыкнула.

– А посмотри на него! – сказала она. На фотографии Анна стояла рядом с восхитительно молодым Игорем. Оба – в белоснежных халатах, будущие врачи. Янтарные волосы волнами лежат по плечам. Та же улыбка «гостыи из будущего», но с какой-то новой, взрослой искрой. Игорь обнимает ее так, словно боится, что она ускользнет. Скоро так и случится, она уже наверняка изменяет ему, уже встретила своего будущего жениха из Израиля.

– Вот же стерва. Как так можно было обойтись! Запиской! – возмутилась я.

– Планета Венера, сияющий свет звезды в темной космической пустоте, – пробормотала Фая. – Она выглядит так, словно никогда в жизни никого не обидит. Какой обманчивой бывает внешность!

– Его мать уверена, что она никогда тебя не потревожит.

– Да-да, конечно. Интересно мне знать, почему, – эхом отозвалась Фая. Ее голос шелестел, как страницы книги. – А еще, знаешь, хотелось бы, чтоб Игорь любил меня достаточно, чтобы не бояться таких вот Анн. Но это – утопия. Мир слишком рационален, и он со мной, а она в Израиле, и получается, что Анна решила и его судьбу, и мою. А я только сижу и молюсь, чтобы она не написала ему через «Одноклассники». Какая жалкая роль.

– Так нельзя. У тебя тоже был Юрка Молчанов. У тебя тоже было прошлое. Посмотри, что с ней стало сейчас.

– Ничего я не хочу знать.

– Но ты посмотри, чего уж там. От тебя не убудет.

– Каждый раз, когда я смотрю на Анну или думаю о ней, даже просто вспоминаю о ее существовании, от меня убывает. Понемножку. По кусочку за раз. Я бы точно обошлась без этого.

– Ее полное имя – Анна Штерн, – влезла я. – Дай, я. На чьей странице

ты эту фотографию нашла?

– Какая-то ее одноклассница, которая все старые фотки им оцифровала и выложила. Вообще беспечно – вот так в Интернет все бросать. Анна Штерн. Видишь, даже имени не могли ей нормального дать, – Фая явно меня не слушала. – Такое имя только на поэмы приписывать – посвящениями.

– Матерные, – подбросила я дров в топку. Фая рассмеялась. Зло. Я стучала по клавишам. Страницы Анны не было. Ни тут, ни на «Фейсбуке», ни «ВКонтакте» – нигде. Я перепроверила. Попробовала перекрестные ссылки – мало ли, какая у нее теперь была фамилия. Ничего. – Вот странно.

– Что странно?

– Не могу найти ее, ее нет в Интернете.

– Ничего ты не можешь без меня, – покачала головой Фая и отобрала клавиатуру. Мы потратили еще час, не меньше. Мы применили все наше умение и все Файкины знания, но к концу этого часа мы должны были признать – мы понятия не имеем, как ее найти. За исключением фотографии с первого курса и групповой фотографии класса, нигде никакого упоминания об Анне Штерн не было.

– Шифруется, – мрачно подвела итог Фая. – Не нравится мне все это. Ладно, черт с ней, – и Фая снова взялась за мой телефон.

– Да не нужен мне твой дурацкий «telegram».

– Нужен, Лиза, нужен.

– Почему?

– Потому что кто-то хочет связаться с тобой, Лиза, по зашифрованному каналу, – пробормотала она.

– По зашифрованному каналу? Зачем? Кто?

– Не знаю. Посмотрим, кто, посмотрим, зачем, – Фая что-то загружала на мой аппарат, а я вдруг поняла, кто это мог быть. И тут же прыгнула, пытаюсь вырвать у сестры из рук мой телефон.

Она оказалась быстрее.

Глава десятая. Ловушка дьявола

«Скажи Лизе, чтобы срочно поставила «telegram».

Произошло следующее: Фаине на ее «telegram» пришло это короткое, крайне странное по смыслу сообщение. Я знала, кто прислал Фаине сообщение. Мне казалось, это так очевидно, меня удивило, что Фая этого не поняла. С другой стороны, откуда она могла знать! Сережа? С чего? Зачем бы моему мужу связываться со мной таким странным, сложным способом? Почему бы моему мужу просто взять и не позвонить мне, в самом деле?

Я врала Фаине все это время, скрывая такое, что не могло прийти даже в ее голову к любому негативу голову.

Сережа привез в Москву машину, набитую героином. Его поймали. Я прохожу по делу как свидетель. Но для всех остальных – и для Фаи в первую очередь – Сережа в командировке. Слово, в нашем словаре обозначающее нечто близкое к понятию «небытие». Сережа мою сестру никогда не интересовал; когда его не было в моей жизни и в моей квартире, он как бы вставал на «паузу», и Фаина забывала о его существовании.

Почему, ну вот почему Сережа решил написать именно ей?

– Это очень странно, – сказала Фая, забираясь с ногами на кухонный стул. – Согласись, очень странно, что кто-то решил связаться с тобой через меня.

– Да уж, странно, – осторожно согласилась я, не желая действовать без суровой на то необходимости. То, что Сережа написал именно Фаине, было огорчительно, но вовсе не странно. Кому другому – это было бы для него фатальной ошибкой. Любой другой, узнав, что случилось, мог донести на него. Любой другой тут же побежал бы в полицию, но не Фая. Фая не станет этого делать, за исключением случая, когда это выгодно конкретно мне. Фая всегда исходит из интересов семьи. Хорошо это или плохо, законно или нет – она будет думать только о нашем благе. В свое время она вылавливала пьяного Сережу, бегала за ним по всему району, потому что я

ее об этом попросила. Она вытащила его из дурацкой пьяной драки и даже получила – случайно, от охранника – кулаком по лицу. Тоже ради семьи. Я в тот момент сидела дома и рыдала – беременная и напуганная. Сережа, моя Большая Любовь. Мой крест, Фаина всегда помогала мне его нести, то поддерживая за краешек, то у перекрестья.

– У тебя нет этого номера в контактах? – поведала Фая.

– Какого номера?

– С которого я получила сообщение, – ответила она, обнимая колено. Она всегда сидела так, притянув колено одной ноги к груди, другую поджав под себя. Не самая удобная поза, но для нее, патентованного интроверта с сертификатом соответствия, – как раз то, что надо. Свернулась и закрылась от всего мира. И пьет чай. Я давно уже перестала бороться с проявлениями ее характера. Ежикам тоже, может, неудобно ходить с их иголками на спине, но без них ежикам еще хуже. – Ты хоть приблизительно можешь предположить, кто это и чего ему от тебя нужно? В какое дерьмо ты вляпалась на этот раз, сестрица?

– С чего ты решила, что я во что-то вляпалась? – обиделась я, потому что это предположение было абсолютно верным.

– Да, действительно. С чего бы это я так решила! – хмыкнула она.

– Ты вечно исходишь из самого худшего!

– Ну, конечно, – согласилась она. – Потому что с наилучшим сценарием я и без подготовки сумею справиться, а вот с наихудшим так не выйдет. И потом, если уж говорить о тебе, у меня уже набралась кое-какая статистика. Шифрованный канал – это не шутки. Кто-то ведь не поленился. Кто-то, кто нас хорошо знает. Так, я тебе этот номер забила в контакты под именем Мистер Ху.

– Может быть, ошибка? – пробормотала я, призывая небеса одарить меня хотя бы временно актерским талантом. Мне нужно врать так, чтобы моя сестра мне поверила.

– «Скажи Лизе...», по-твоему, это может быть ошибкой? Может быть, кто-то из твоих клиентов?

– Да, да, вполне, – с готовностью согласилась я.

– С другой стороны, у кого из твоих клиентов есть мой номер?

– Это тоже хороший вопрос, – я отхлебнула чай, просто чтобы избежать неприятной необходимости смотреть Фаине в глаза. – Может, просто нашли?

– Как?

– Не знаю. В Сети. В каких-нибудь контактах.

– Возможно, конечно, но зачем. И как они вообще узнали, что я – твоя

сестра?

– По фамилии?

– Нет, не могли. Ты же у нас теперь Тушакова, разве нет? Вряд ли это клиенты. Тогда кто? Может быть, кто-то с работы? У тебя вообще телефон работает? Может, до тебя не дозвонились, поэтому написали мне? Нет, это тоже бред. Даже если и так, они бы просто позвонили. При чем тут «telegram»?

– Я тоже этого совершенно не понимаю. Какая-то бессмыслица, да? – с надеждой сказала я. Что-то «блямкнуло», и Фаина склонилась над телефоном.

– Нет, не бессмыслица, – сказала она совсем другим голосом. – Тебя пригласили в секретный чат. Вот, смотри!

Фаина на вытянутой руке показала мне мой собственный телефон. Там на экране, в установленном ею приложении высветилось сообщение.

«...Не называй имен. Это я. Прости, что не мог связаться раньше. Ты одна?..»

– Это я. Вот так, дорогая сестрица. Это он.

– Или она, – добавила я и тут же наткнулась на осуждающий взгляд сестры.

– Ты ведь хорошо понимаешь, что происходит. Может, просветишь?

– Не стоит, Фаина, правда. Лучше всего будет, если мы с тобой закончим разговор и ты уйдешь.

– Кому будет лучше всего? Тому, чье имя мы не произносим? Воландеморту? Или тебе? Вряд ли мне.

– Почему ты не можешь просто уйти? – разозлилась я.

– Да потому, что я уже вошла в это дело, и я в нем, внутри его, и даже не понимаю, во что именно вы с Воландемортом меня втащили. Я даже не уверена, что правильно понимаю, кто именно этот Воландеморт. Но опыт – сын ошибок трудных – подсказывает мне, что есть только один реальный кандидат на эту роль. Один – за все последние шесть лет. И вряд ли это Герман Капелин.

– Хватит! Не впутывай ты его в это дело.

– Я и не сомневалась, что это не он. Слушай, почему ты не хочешь мне все рассказать? А если я тебе поклянусь, что я – могила? Что эта тайна умрет вместе со мной? – Фаина изобразила движение пальцами, как будто она закрывает свои губы на молнию. – Даже Апрелю не расскажу, хоть это и тяжело, потому что ваш брат психолог умеет вытягивать из людей

информацию похлеще, чем ФСБ.

– Я не могу тебе ничего рассказать, – процедила я и снова попыталась отобрать у Фаины телефон. На этот раз мои движения были быстрыми и последовательными, и мне удалось ухватить аппарат за край.

– Ну уж нет, – процедила сестра сквозь зубы, голос исказился от напряжения, пока она вырывала у меня из рук мой же телефон. Я стащила ее со стула, но – вот странно – Фая оказалась значительно сильнее и проворнее меня. Она как-то очень резко дернула запястьем и отскочила в сторону. – Смеш!

– Что?

– Видишь, какая польза от спорта. Руки сильными стали и ноги, и вообще – координация.

– Только не говори, что это все от бадминтона! – прошипела я. – Я тебе об голову твою ракетку разобью.

– От бадминтона сплошное здоровье, – кивнула Фая. – Тебе тоже нужно как-нибудь попробовать. Как-нибудь после того, как ты выпутаешься из этого дерьма. Опа! Смотри-ка, насколько все по-взрослому. наших сообщений-то в чате уже и нет. Самоликвидировались. Ничего себе, это какая ж паранойя одолела нашего Воландеморта Ивановича, а?

– Фая!

– Погоди-ка, – и Файка принялась что-то писать в телефон.

– Нет, не смей.

– А что ты мне сделаешь? – и она нажала кнопку «отправить», о чем я поняла по соответствующему блямкающему звуку.

– Ну, ты тварь, – выдохнула я. – Что ты написала?

– Просто то, что ты одна. Он же об этом спрашивал, так? Я уже не помню, у меня, знаешь ли, оперативки в голове маловато. Я самоудаляющиеся сообщения тут же забываю. Такая проблема. Если меня, к примеру, потом кто-нибудь о чем-нибудь спросит, я уже ничего и не помню. Оп, и совершенно случайно из твоего телефона я этого мистера Ху удалила. Прости уж меня. Насовсем удалила. Полностью. Не найти теперь. И из моего, кажется, я тоже это сообщение удалила.

– Когда? Когда ты из своего-то телефона сообщение удалила? – переспросила я.

– Завтра! – ответила Фая и выразительно посмотрела на меня. – Сегодня вечером. Как только – так сразу и совершенно случайно.

Тут мой телефон снова издал «блямк», и мы обе, не сговариваясь, посмотрели на телефон.

– Не будешь дурить? – переспросила Фая.

Я покачала головой.

– А ты правда, не расскажешь Апрелью?

– А это он? Воландеморт?

– Да, он.

– Я так и знала! – воскликнула Фая и положила телефон на стол. И дальше произошло нечто, поставившее меня в такой тупик, что я сама стала напоминать персонажа компьютерной игры, которым управляет неумелый новичок. В отупении я смотрела на сообщение, открывала рот, потом закрывала его и снова открывала. Я совершала нескоординированные, бессмысленные движения руками и ногами, я встала, затем села, затем снова встала, пошла в сторону раковины, но остановилась и замерла на полдороге, словно мной прекратили управлять.

– Прочти вслух, я не уверена. Может, я не так поняла? Может, я разучилась читать? – попросила я.

– Эк тебя перекосило, – вздохнула сестра. – Читаю.

«...Я тут ни при чем...»

Очень в стиле твоего Воландеморта, он всегда ни при чем.

– Дальше читай.

– Да, ты права. Дальше интереснее.

«...Я даже не выходил из машины, пока не увидел, что тот парень лежит на земле...»

– И что это значит?

– Я не знаю, – пробормотала я. – Я понятия не имею.

– Странно. А Воландеморт считает, что ты должна знать. И иметь понятия. И вообще. Ой, сообщение исчезло. Может, записать куда? Хотя он ведь не просто так секретный чат открыл. Придется полагаться на нашу с тобой память. Вот черт, я ведь не шутила, у меня с памятью проблемы. А эти сообщения удаляются довольно быстро.

– До чего вообще техника дошла, с ума сойти. Ой! – От следующего «блямк» я подпрыгнула, будто меня ударили шокером. Фая прочитала:

«...Я вышел, чтобы оказать ему помощь...»

– Какой молодец.

«...Ты должна мне верить...»

– А вот этого бы не советовала.

«...Что они тебе сказали? О чем спрашивали?...»

– Где? Лиза, кто, где и о чем тебя спрашивал? Ого! Знаешь, что еще он написал? Что эта тварь, твой Воландеморт, написал? – проорала мне в лицо Фая. Я отшатнулась от ее горячего дыхания, от ее пульсирующей ярости.

– Что? – спросила я, пытаюсь скинуть с себя это нелепое ощущение ложности, эфемерности происходящего. Это не я, это не со мной. Я вообще ни слова не понимаю. Может быть, это все-таки не Сережа?

«...Я никого не убивал...»

– Вот что твой... мать его, твой муж написал! Что он никого не убивал?! Ты можешь мне сказать, в какую жуткую темную историю он втащил тебя на этот раз, Лиза? – Я отвернулась. – Ты что, шутишь? Ты не желаешь посмотреть мне в глаза? Ты хочешь сказать, что и тут будешь стоять на его стороне, будешь снова верить ему, прощать его, пытаться его понять? Черт, убийство? И ты хочешь, чтобы я стояла тут и делала вид, что это ничего страшного? С кем не бывает?! Он же не выходил из машины, он же только хотел оказать ему помощь! Это же так очевидно. Кто-то умер, Лиза?

– Я не знаю! – прошептала я.

– Ты разве не понимаешь, что тебе необходима моя помощь?

– Ничего мне не нужно!

– Конечно, не нужно, ага! – нахмурилась она. – Не нужно говорить общими фразами, которые ничего не значат. Я не от большого щедрого сердца это спрашиваю, Лиза. Я просто не хочу разбирать огромную кучу дерьма потом, я предпочитаю разгрести небольшой завал сейчас. Хотя – какой, к черту, небольшой!

– Ты не будешь ничего разгребать, – пообещала я. – Я сама разберусь.

– Ты разберешься, а я потом буду тебе передачи носить и твоих детей воспитывать.

– Даже думать о таком не смей, слышишь, Файка.

– А почему не сметь? Я не понимаю, почему я должна быть единственным человеком, которому небезразлично твое будущее и будущее твоих детей.

– Почему ты считаешь, что мое будущее и будущее моих детей в твоих руках, Фая? Почему ты всегда берешь ответственность за все на себя? Я никогда тебя не просила решать мои проблемы.

– Да, ты не просила. Ты бы молча ушла на дно, и я бы просыпалась от ночных кошмаров, где ты буравишь меня своими прекрасными голубыми глазами со дна. Как какая-нибудь русалка на Ивана Купала. Ты бы протягивала ко мне руки и говорила: «Почему ты не спасла меня!»

– Какой бред! Ты бы лучше хоть иногда занималась своими проблемами, – возмутилась я.

– У меня нет своих проблем.

– Фая, серьезно. У всех есть свои проблемы.

– В сравнении с твоими мои проблемы просто ничто. Кто умер, ответь мне? Что случилось?

– Я не знаю, я ничего не знаю, я ничего не видела! – прокричала я. Из комнаты послышался плач Василисы. – Вот, разбудили ребенка.

– Лиза, ты же не умеешь врать. Ты пойми, есть вещи, которыми уже невозможно пренебречь. Ты сейчас забудь о любви, забудь вообще обо всем, помни только о том, что ты – мать, что у тебя двое детей спят в соседней комнате и что, если твой муж влез в какое-то полное дерьмо, очень важно, чтобы он не утащил тебя за собой и не оставил своих детей сиротами. Ты меня понимаешь? Скажи, что ты меня понимаешь.

– Я тебя понимаю, – ответила я. Василиса утихла. Надолго ли.

– Отлично, Лиза. Тогда расскажи мне все по порядку. Кто убит. Скажи мне правду, ведь теперь нет никакого смысла ее скрывать. Скажи мне правду, и я смогу тебе помочь. Что ты лично знаешь? Что ты лично видела? Расскажи мне все по порядку.

– Я ничего не знаю, – снова сказала я. Сестра сжала губы в нить. – Нет, ты меня не слышишь, Фая.

– Я тебя прекрасно слышу. Ты будешь ему отвечать-то? Мне просто интересно.

– Тогда услышь меня. Я и правда понятия не имею, о чем Сережа написал через этот твой «telegram». Я так же ошарашена, как и ты. Я вообще не уверена, что это он.

– Не он? А кто тогда? Ты знаешь еще какого-то потенциального убийцу? Как много убийц ты знаешь лично, сестренка?

– Типун тебе на язык. Пойми, никто никого не убивал. По крайней мере, при мне.

– Добавочка просто обнадеживающая. По Фрейду, как говорится. Значит, ничего не случилось, да? – цедила Фая. – По крайней мере, при

тебе!

– Но это не значит, что я ничего не знаю.

– Да что ты говоришь?

– И что ничего не случилось. Кое-что случилось, это да, – я посмотрела на Фаину в нерешительности, но все и так уже зашло достаточно далеко. В конце концов нужно признать, что я не знаю, что мне делать со всей этой ситуацией, а Фаина, наверное, единственный человек на земле, которому я могу по-настоящему верить.

– Это случилось в тот день утром, перед Новым годом. Когда я не пришла домой.

– Я так и думала, – кивнула сестра, на этот раз чуть спокойнее. И сосредоточеннее. Я пыталась найти слова, но это было сложно, очень сложно. – Ты сказала, что стала свидетелем преступления. Это так?

– Не совсем, – покачала головой я. – Я стала свидетелем захвата преступника.

– Дай подумать. Погоди, погоди, захвата преступника? Кто бы это мог быть. Какого преступника схватили? Ага, Сергея? – предположила Фая.

Я только пожала плечами и фыркнула. Кого же еще. Конечно, конечно, ты права, сестрица, от моего мужа за все эти годы было столько вреда, что можно уже писать книгу о том, как не стоит выходить замуж. Но то, что ты права в сотый раз, ничем мне сейчас не поможет.

– Да, захват Сергея.

– Так он в полиции.

– Нет, он не в полиции.

– Его отпустили? – удивилась Фаина. – А я подумала, он тебе из какой-нибудь тюрьмы пишет. «Telegram», все такое. Имеет смысл. Как же тогда, почему его отпустили?

– Его не отпускали.

– Я не понимаю.

– А нечего тут понимать. Его и не поймали. Что? – Фая смотрела на меня, как смотрит робот с зависшей программой. Перегрузить. Reboot. – Не надо на меня так смотреть. Я совершенно ни при чем и сама была в полном шоке. Сережа сбежал.

– Сбежал? – ахнула Фая.

– Он сбежал, а я провела Новый год в полицейском участке. Меня уложили на асфальт, на меня наводили прицел автомата. У меня от этого всего кончилось молоко, так что теперь мне нужно его покупать.

– Лиза!

– Я устала, я не знаю, что мне делать, не знаю, как мне жить дальше,

как мне работать или даже просто выходить на улицу! И я понятия не имею, о чем Сергей говорит, о каком убийстве. Я думала – дело в героине.

– Что? – выдохнула Фая. В этот момент мой телефон блямкнул снова.

Глава одиннадцатая. Никто не любит клоунов

– Я только хочу разобраться! – размахивала руками Фаина. – Понимаешь, все, чего я хочу, – это немножко простой, понятной и логичной правды. Но я ничего не понимаю. Ничегошеньки. Не понимаю.

– Тебя заклинило, Фая, ты повторяешь это по кругу. Я знаю, каково это, но правда редко бывает простой, понятной и логичной. Если все ясно и просто, тогда скорее это неправда. Легкое и приятное вранье.

– Такое, каким ты кормила меня все это время после Нового года? – Фая сбросила пустую тарелку из-под кекса в раковину, уже полную посуды. Я даже мыслить не могла о том, чтобы что-то вымыть или что-то убрать. Хаос перебрался изнутри наружу, отразился на моем жилом пространстве – в полном соответствии с тем, как это предсказывала психология. Если бы я пришла к самой себе на сеанс, я бы положила саму себя на кушетку психолога и сказала бы самой себе, что нужно начать с малого. Что нужно вымыть одну тарелку за другой, навести красоту вокруг себя, и тогда мир, красота и гармония придут и внутрь. Что действие порождает мысль, состояние вне меня изменит меня изнутри.

Гори она огнем, психология. Честно говоря, сейчас я просто не была в состоянии ничего сделать. И это открытие потрясло меня. Как так – я знаю, что нужно сделать, но не могу, не хочу и не стану делать этого. Чего я тогда хочу от людей? Что, если иногда и мои клиенты вот так же не в состоянии делать то, что нужно, чтобы выбраться из-под завала собственной грязной посуды?

– Кормила тебя враньем? А чем еще мне тебя кормить, дорогая сестра? Вот, ты знаешь правду, и что, мне стало легче? Ты хочешь, чтобы я пошла в полицию и разрушила жизнь моему мужу, отцу моих детей. И тебе, так получается, безразлично, виновен он или нет, так?

– Не так! Нет! – я посмотрела на Фаю в упор. Она отвела взгляд. – Ну, не совсем так в любом случае.

– Своя рубашка ближе к телу. Да я живу в этом, как в сказке. Чем дальше – тем страшнее. И тем больше всякой лжи. Я тоже хочу, чтобы вещи стали снова простыми и понятными. Мне иногда кажется, что я в прошлой

жизни нагрешила как-то капитально и теперь расплачиваюсь.

– Но наркоторговля – это уже перебор, не считаешь? «Во все тяжкие»? Он что, болен у тебя? Смертельно, как этот учитель химии?

– Разве только на всю голову.

– Как ты с ним живешь, Лиза? Как ты всегда умудряешься находить какой-то аргумент, чтобы с ним остаться? – Фая смотрела не на меня, она смотрела на телефон, смотрела на него, как на опасное, ядовитое насекомое. Он лежал на столе и вспыхивал время от времени секретными сообщениями от моего мужа Сережи, на которые мы не отвечали. Потому что не знали, что сказать. – Ты чертова оптимистка. Твой стакан всегда наполовину полон, и тебя не волнует, чем, потому что там, в стакане, честно говоря, какое-то дерьмо.

– Мой стакан наполовину наполнен крапивным отваром, а моя кровать наполовину пуста, – грустно улыбнулась я. – Что мы будем делать со всем этим? Мне жаль, что я втянула тебя в это, я сделала все, чтобы ты оставалась в стороне. Даже врала тебе.

– Мне хочется тебя стукнуть, Лиза.

– Стукни, не вопрос. Ни в чем себе не отказывай, – ухмыльнулась я. Телефон мигнул. На экране отразилось:

«ч...его не отвечаешь, а?..»

– Может быть, пойдем в полицию, вместо того чтобы обмениваться секретными самостирающимися сообщениями с преступником? – предложила Фая и тут же сама махнула рукой. – Я знаю, знаю, ты так не можешь. Ты никогда не делала ничего, что в твоих собственных интересах.

– Он говорит, что он этого не делал.

– Чего – этого?

– Я не уверена, – пробормотала я, и Фая громко и фальшиво расхохоталась – как Бармалей в бездарном спектакле уездного театра.

– Вот! Мы даже не можем с уверенностью сказать, чего – этого – он не делал. Зато мы можем с уверенностью утверждать, что он сделал точно. Сережа убежал и бросил тебя одну под прицелами автоматчиков, Лиза. В машине с героином. Это вполне серьезный повод для семейного скандала, не считаешь? Он не стал предупреждать тебя, и у тебя кончилось молоко, потому что тебя около дома подкараулил бандюга. Неужели этого мало, чтобы отнять у Сережи презумпцию невиновности? Что, если он просто врет тебе и использует тебя, чтобы отмазаться от тюрьмы? Что, если он как-нибудь еще испортит тебе жизнь?

– Спроси у него, откуда у него эта машина, – попросила я. Фая долго сверлила меня неодобрительным взглядом, а я старательно избегала ее взгляда.

– Бабы – дуры, – вздохнула Фая. Она не поняла меня, она решила, что я защищаю его из-за любви. Любовь сейчас была последним, что меня интересовало, но я не стала переубеждать сестру. Она написала сообщение. Через несколько секунд оно исчезло с экрана и из памяти телефона. Ответ пришел почти сразу же.

«...я ее купил...»

«...у кого...»

Тишина. Я перефразировала вопрос.

«...за сколько и на какие деньги...»

«...я отдам деньги за машину, это неважно, поверь. Там не такая большая сумма...»

– Не такая большая сумма, да? Это с героином или без? – фыркнула Фаина, отбрасывая телефон. – Как он считает? Что это за бухгалтерия?

– Подожди, Фая, не нужно делать преждевременных выводов.

– Да. Давай дождемся приговора суда. Давай будем верить Сереже и после приговора суда, чего уж там.

– Спроси... спроси его еще раз. Скажи, что мне нужно все знать о машине, что тогда я ему тоже кое-что скажу, кое-что важное, – я посмотрела на Фаю умоляюще. Она скривилась, но пошла печатать сообщение.

«...ответь нормально и максимально подробно, где, как, у кого и за какие деньги ты купил машину...»

«...зачем?...»

«...ответь, и тогда я все тебе объясню. Больше, чем ты хочешь знать...»

– И что-то подсказывает мне, больше, чем ты готов вынести, –

добавила Фаина. Телефон блямкнул. Я уже знала, что буду ненавидеть этот звук, что он станет частью моих ночных кошмаров. Я притянула телефон поближе и прочитала:

«...мне ее отдали за сто пятьдесят тысяч рублей...»

«...за сколько? ЗА СКОЛЬКО??? И откуда у тебя такие деньги, а???»

«...не делай из мухи слона, пожалуйста...»

«...сто пятьдесят тысяч – это не муха. Это как раз слон!..»

«...да нам просто повезло, на самом деле. Ты же видела, машина отличная, полностью на ходу. За такие деньги хрен где такую купишь. Она бы отбилась за год...»

«...то, что нам просто повезло, просто бросается в глаза. И кто же такой щедрый тебе ее отдал – за такие копейки? За сто!!! пятьдесят!!! тысяч!!! рублей!!!»

«...это кредит...»

«...КРЕДИТ??? В Сбербанке взял? Заложил душу?...»

«...я купил ее в Краснодаре у хорошего знакомого. Он одному чуваку в Москве денег должен. И возвращать нужно было срочно. Я нашел деньги, не беспокойся. Такие вложения втрое за год поднимаются. Еще вопросы???»

Вопросов было предостаточно. Меня просто разрывало на куски от вопросов и от возмущения.

– Хороший знакомый! Отличный просто знакомый! – холодно улыбалась Фая.

– Значит, у Сережи каким-то образом завелись двадцать тысяч живых реальных рублей, – добавила я. – И он нашел им применение.

– И этот добрый самаритянин ему на сто тридцать тысяч дал перезанять?! Добрый краснодарянин, – я крутила головой.

– Неужели ты не видишь, его облапошили. Сунули машину с героином.

И не сочли необходимым поставить в известность, – сказала я, потянувшись к телефону. – Нужно ему об этом сказать, да?

– Или... не стоит, – Фая забрала телефон к себе. – Кто-то же умер, понимаешь? И Сережа сбежал. С чего бы кому-то умирать? С чего убежать?

– Откуда я знаю?

– Вот именно! Что, если Сережа только делает вид, что он идиот?

– Ты недооцениваешь моего мужа, – я забарабанила пальцами по столу. – Он – реально идиот.

Мы обе молча сверлили друг друга взглядами, перебирая в памяти все случаи, когда Сережа убедительно подтверждал этот тезис. Затем Фая кивнула.

– Да, идиот. Но все равно – мы не можем ему ничего говорить, нет, не можем. Это опасно.

– Спроси его, как именно он должен был отработать машину, – пришло вдруг мне в голову. Фая кивнула и вбила сообщение.

«...отработать как именно?..»

«...как-как? Как обычно. Таксовать, как ты и хотела. Мы же с тобой обсуждали...»

– Что? – повернулась ко мне Фаина. – Как ты хотела, что вы с ним обсуждали?

– Ничего я не хотела! Уж точно, мы не обсуждали покупку машины. Да, мы говорили о том, что можно бы пойти работать в такси. – Я смотрела на телефон, пытаюсь припомнить обрывок одного из миллиона разговоров, столь типичных для семьи с финансовыми проблемами и неработающим мужем. В памяти мелькнул обрывок моего крика. «Да хоть таксуй, мне плевать! Только денег приноси хоть каких-то». Можно это назвать планом?

– Лиза! Ты бы хоть иногда запоминала, что ты ляпаешь.

– Это была простая ссора. Кто что не ляпнет в ссоре, а? Я в страшном сне не могла подумать, что Сережа так на самом деле поступит.

– А он поступил! – развела руками Фаина.

– Знаешь, хотеть и сделать – разные вещи, разве нет? Дай-ка сюда, – и я вырвала у нее из рук телефон.

– Не смей! – закричала она. – Не вздумай ему ничего говорить.

– Я не это... – пыхтела я, отворачиваясь от Файки, которая буквально нападала на меня со спины, пытаюсь выдрать из рук телефон. В потасовке мы смахнули со стола тарелку с остатком кекса и остатки молочной смеси

в бутылочке.

– Вот чего ты добилась! – фыркнула Фая, но я ее проигнорировала.

«...кто тебе ее предложил, эту машину? Как эта идея вообще появилась?..»

«...не понимаю, какое это имеет значение? Зачем тебе это?..»

«...просто отвечай...»

«...я, видишь ли, испытываю определенный дискомфорт, когда «просто» отвечаю...»

– Вот, понимаешь, какой! – хмыкнула Фая, читавшая все через мое плечо. – Дискомфорт он испытывает. Определенный. Слова-то какие, выражения. Эстет, мать его. Не нравится мне все это. Не к добру. Такое чувство, словно он вообще не в курсе.

– Нелогичная неосведомленность! – сказала я и подняла указательный палец вверх. – Ты тоже это чувствуешь, хоть и не желаешь признавать. Он не осведомлен. Именно! Он, мать его, не в курсе.

«...Кто, мать твою, тебе машину предложил? Чувак, который денег был должен? Да?..»

«...А если даже и да, то что?..»

«...кто знал, куда ты поедешь на этой чертовой машине?..»

«...да все знали, я же из Москвы, Лиза, и у меня, между прочим, в Москве СЕМЬЯ. Куда еще я должен был ехать на Новый, мать его, год?..»

Отличная идея – разбираться с наркодельцами, впутывая в это семью. Вот почему раньше ничто не мешало Сереже праздновать праздники вдали от семьи? Почему именно в этот Новый год он решил к нам поехать? Я злилась так, что вспотели ладони. Телефон снова блямкнул.

«...в любом случае, в Москве был хозяин машины, мне должны были передать остальные документы на машину. И я бы отдал часть денег. Которые я, кстати, так и не отдал. Но тебе это все зачем? Ты можешь объяснить, что не так с машиной?..»

– Видишь! – нахмурилась Фая. – Он даже не понимает. Он идиот.

– Может быть, он понимает, но не уверен, что я все знаю?

– И придуривается? Все может быть, – кивнула Фая, когда телефон

снова пиликнул.

«...Надо было сразу в полицию идти, наверное, еще в Воронеже, блин...»

Немая сцена. К нам приехал ревизор, спятил, залез на крышу, стащил с себя всю одежду и принялся кидаться в прохожих трусами.

– Что? О чем он? При чем тут Воронеж? Какой, к чертям, Воронеж? Воронеж? – заголосили мы вслух. Фая замолчала и наморщила лоб, явно пытаясь срастить имеющиеся у нее в руках факты в какой-то смысл. Не смогла и набрала новое сообщение.

«...при чем тут Воронеж?..»

Долгая пауза. Дольше, чем нужно, чтобы написать ответ. Все предыдущие сообщения уже исчезли, я смотрела на Фаю, а она на меня, и мы понимали друг друга без слов. Воронеж. Что ж, ничего удивительного. Конечно, Воронеж.

«...при том, что он по дороге, и при том, что там все и случилось...»

– Он был в Воронеже, и там все и случилось, – тупо повторила я, и Фая молча кивнула. Потом она склонилась и забрала у меня из рук телефон.

«...ты как-то связывался с людьми из Краснодара? Может быть, они связывались с тобой?..»

«...да плевать на краснодарцев!!! Почему ты про них вообще спрашиваешь?..»

«...А про что мне надо спрашивать?..»

«...про то, что случилось. Тебе не интересно?..»

– Теперь я в полном тупике, – призналась мне Файка. Ланнистер, вылизывавший молочную смесь на полу, повернулся и словно кивнул нам. Да уж, ситуация.

«...и что же случилось в Воронеже?..»

«...это не так просто объяснить, черт. Я только хочу, чтобы ты

понимала – я реально ни при чем. От слова – совершенно. И потом, чего плохого в том, чтобы подзаработать денег для семьи?..»

«...смотря каким способом, понимаешь?..»

Я еле сдержалась, чтобы не швырнуть телефоном о стену. Подзаработать денег для семьи. Издевается он, что ли?

«...Да нормальный способ. Сейчас все этим занимаются...»

«...вот спорим, что не все!!!»

«...все, у кого есть машина и проблемы с деньгами...»

– Ты видишь, он тебе возражает! Он уверен, что нет ничего ненормального в том, чтобы перевезти героин. Действительно, он же не стоит лично у школ с готовыми шприцами в руках! – ехидствовала Фая. Я потеряла виски.

«...нельзя решать проблемы таким способом, как бы ни было тяжело...»

«...почему это? Ну, допустим, я не плачу налогов, да. Но, знаешь, это государство мне тоже ничего не дало, на самом деле. Если бы я стал успешным, я бы, может, и начал платить налоги. Но вряд ли...»

Налоги с наркотиков?

«...это незаконно, и это безумный риск, как ты можешь этого не понимать...»

«...да, это риск, ты права. Я и подумать не мог, что такой огромный. С другой стороны, может случиться что угодно. Мало ли кто окажется с тобой в машине. Даже если подумать, могут наркотики подбросить...»

«...подбросить?????????»

У меня, что называется, срывало предохранитель. Фая стояла со сжатыми кулаками и сведенной от судороги челюстью. Обе мы не могли не чувствовать одного и того же – Сережа издевается. Телефон пикинул.

«...в конце концов, я их впервые видел. Я их нашел по приложению...»

«...кого – их? Зачем нашел?..»

«...ты что, не поняла? Я же просто подвозил людей до Москвы. То есть должен был подвозить их до Москвы, но в Воронеже случился этот кошмар, и я уехал. Я не думал, что меня кто-то вообще хватится. Там такое началось!..»

«...людей? Каких людей ты подвозил? Из Краснодара?..»

«...Почему из Краснодара? Из Ростова. Я нашел их по этому уродскому приложению бла-бла-кар – будь оно проклято. Я вез их из Ростова в Москву. Честно говоря, я просто хотел отбить бензин и расходы, я ведь все деньги отдал в аванс за тачку...»

«...тебе их посоветовали краснодарцы?..» – я не оставляла надежды придать всему этому хоть какой-то смысл.

«...ты достала! Никто мне никого не советовал. Все было нормально, я взял попутчиков, денег они мне дали, и мы нормально доехали до Воронежа, но потом там была немереная пробка. Фура столкнулась с чем-то там, и мы стояли несколько часов. Практически без движения. Парни устали, и мы решили свернуть к черту вообще и где-то переночевать. Заехали в какое-то кафе чурекское. Какая-то чайхана с самсой. Там мы все выпили, и я ушел в машину. Я, знаешь ли, боялся ее там оставлять. Мало ли что...»

– Мало ли, кто-то героин вытащит, да? – холодно хмыкнула Фая. Не сговариваясь, и я, и Фаина нахмурились и сосредоточились. Сережа, может быть, и был идиотом, но, когда выпивал, он становился чем-то вроде неуправляемой ракеты, начиненной взрывчаткой напополам с дерьмом. И рванет, и заляпает. И вонять потом будет – как в придорожном туалете. Нехорошо. Никогда не выходило ничего хорошего, если Сережа пил спиртное.

«...ты был пьян?..»

«...да не был я пьян. Я же за рулем был, ты что?! Я даже не знаю, из-за чего у них там произошел скандал. Я только увидел, как через полчаса они выбежали на улицу, была драка. Я сидел в машине. Я только потом

вышел...»

– Не нравится мне все это. Он говорит так, словно все это – совершенно никак не связано с героином и захватом вас в Москве.

– А что, если это так и есть?

– Совпадение? Да брось, тебе теорию вероятностей достать? Рассчитаем?

– Да все эти твои теории – чушь. Мы тут имеем дело с Сережей! – возмутилась я. Фая не нашлась, что на это ответить. Новое сообщение заставило нас обоих подскочить на месте.

«...ты должна мне верить...»

– Мы должны ему верить! – ледяным тоном произнесла – нет, обвинила меня Фая. – Я должна ему верить.

– Бла-бла-кар. Никогда не слышала, что это хоть такое? – спросила я.

– Это новый способ брать себе попутчиков в дорогу. И, определенно, искать проблем на свою задницу, – пояснила Фаина.

– Звучит как довольно рискованная штука, если честно.

– Конечно, рискованная, – согласилась Фая. – Потому что ты ведь понятия не имеешь, к кому в машину садишься. Можно вот к такому, как наш Сережа, попасть.

– И не знаешь, кто к тебе в машину подсядет.

– Это тоже, – нехотя согласилась она.

– Думаешь, это они подложили героин в машину? – с надеждой спросила я. Фаина отложила телефон и посмотрела на меня так, словно я была душевнобольной, сбежавшей из палаты.

– Даже ты не можешь быть настолько наивной. Ты сказала, что машина была нафарширована им, как мамины перцы говядиной. В дверцах, в боковинах, черт его знает, где еще. Такие операции требуют времени, места и умения. Гаража, специальных инструментов, деталей. Я бы поняла, если бы твоему Сереже в машину подкинули коробочку травки – в этом была бы логика. Смысла бы не было, но логика бы была. Но наспиговать героином случайную тачку – заметь, героином, который наверняка стоит целое состояние. Случайную тачку, куда попали случайно, над передвижением которой нет никакого контроля, а затем самим же в ней и ехать – в этом нет никакой логики. И никакого смысла. Как бы они потом свой героин извлекали? А если бы их полицейские поймали? Что это за слепой курьер, если они вместе с ним подставляются под риск? Нет, в этой идее больше проблем, чем бонусов.

– Ну мало ли... Не один же мой Сережа – идиот.

– Не один, но надо признать, что таких – единицы. Даже Ланнистер не стал бы брать машину вот так, неизвестно у кого, да еще когда такой аттракцион невиданной щедрости – отдали же машину почти бесплатно, щедрые какие. Да, котик? Опять тебя выгнали из дома? – и Фая бросила со стола Ланнистеру кусок колбасы. – Слушай. А ведь ты сказала, что твой ночной гость у подъезда был из Краснодара, не так ли? Который пришел, чтобы тебе угрожать. Которого ты за полицейского приняла.

– Да, ты права, – удивленно кивнула я. – Я уверена, что он был именно из Краснодара. И он испугался, когда я об этом сказала. Он не ожидал, что я буду в курсе Сережиных дел. И он, кстати, совершенно не ожидал, что я окажусь в курсе про героин. Но это все неважно.

– А что же тогда важно? – холодно спросила Фаина. Я встала и прошлась по кухне, лихорадочно соображая, собираясь с мыслями. Фаина стучала кончиками пальцев по столу, равномерно, монотонно, отбивая какой-то смутно знакомый ритм. Что же важно? Что-то очень важное. Ах, да!

– То, что Сережа ничего не знает о героине, – это самое важное! – сказала наконец я. И остановилась. Фая перестала стучать. – Да, я думаю, именно это важно.

– Почему? Мотивируй?

– Да потому что! Сама смотри, он останавливается под Воронежем. Там что-то происходит. Назовем это событием Хэ. Кто-то то ли умер, то ли не умер. Однако Сережа боится, что его в этом событии Хэ обвинят. Верно?

– Ну, если только он не врет и не прикидывается. Не будь снова дурой, ты не должна ему столь безоговорочно верить.

– Не будь снова дурой, – медленно повторила я. – А если это так? Тогда получается, что Сергей не знал, что в его машине героин. И он не бросал меня под дулом автоматчиков.

– Как это не бросал?

– Да потому что, если он считал, что полиция ищет его в связи с событием Хэ, то я полиции буду неинтересна.

– М-да, и машина тоже не будет полиции интересна.

– Поэтому-то он и бесится, когда мы его о машине спрашиваем. Он же считает, что это просто машина! – воскликнула я. – А кто-то ищет именно машину. То есть именно героин, который, как ты правильно сказала, огромных денег стоит. И тогда Сереже нужно срочно об этом сказать.

– Зачем?

– Да потому что он в опасности! Я-то ничего не знаю! – закричала я. – А он все знает. Чья это машина, у кого была возможность героин туда напихать, когда это было сделано, кто его в машину сажал – все такое.

– И к кому в Москве за распиской он должен был подъехать! – прошептала Фая. И побледнела.

– Что? Ты чего? А? Ты меня не пугай! – Я почувствовала, что мне становится сложно говорить. – Фая! А ведь этот человек – и есть получатель. Он – наркодилер. И не какой-нибудь простой, а очень, очень крупный.

– Оптовик, – согласилась Фая.

– И Сережа до сих пор не в курсе ничего этого!

– Так-так-так, – кивнула Фая. – Что же получается. Сережа дал стрекача, потому что считал, что его будут ловить за убийство, в котором он не виноват.

– Но в котором он оказался как-то замешан.

– Если это вообще было убийство.

– Если кто-то вообще умер, – согласилась я. – Либо он снова врет, а я – снова дура. Я не жалею, я просто суммирую.

– Не нужно цепляться к словам.

– И что теперь делать?

– Полиция. Нужно идти в полицию. И тебе, и Сереже.

– Если честно, Фая, я ведь была в полиции, мне там не понравилось. Я там встретила Новый год, что меня лично сильно пугает, потому как примету ты знаешь. Как встретишь Новый год, так его и проведешь.

– Полиция – единственный вариант что-то выяснить. Мы должны пойти к ним.

– Нет! Они не похожи на людей, способных что-то выяснить или разобраться. Они похожи на людей, которые хотят премию получить к февралю. Добавочную. И повышение. Нет, Фая, мы должны все рассказать Сереже.

– Не знаю, не знаю.

– Дай-ка телефон.

– Не дам, – уперлась Фая. Ее лицо – грозная туча. Морщины – как стиральная доска. Сомнения. У нее они тоже есть, несмотря на то как сильно она хотела бы, чтобы Сережа врал. О, как давно моя сестра хотела покончить с моим мужем. Она хотела этого с самого первого дня, как я их познакомила. Она даже предпринимала для этого определенные действия, прилагала усилия, пыталась извести его, вытравить из моей жизни, как паразита-вредителя. Пока я не родила Вовку.

- Ты готова его потопить, сестра?
- А ты готова ради него утонуть? – она сжимала телефон в кулаке.
- Я думаю, это меньшее, что я могу для него сделать.
- Утонуть?
- Я умею плавать, – прошептала я, мягко, но настойчиво потянув к себе телефон.

«...Я помогу тебе, Сережа. А теперь слушай меня...»

- Ты сошла с ума.
- Я пилила его, Фая, это правда. Он пошел на это ради меня!

Глава двенадцатая. Аттракцион невиданной щедрости

Капелин позвонил мне, как и обещал, но этот звонок раздался в самый неподходящий момент – в ходе разговора, который я не могла назвать ничем иным, кроме как допросом. Собственно, на допросе мне было сложнее, чем теперь, когда я сидела напротив бывшего любовника моей сестры Юры Молчанова. Нет, не так. Напротив Большой Любви моей сестры, напротив человека, который когда-то разбил ей сердце.

А теперь они дружат. Это казалось невозможным, и я все еще помнила, как Фаина уходила в себя и не возвращалась часами, стоило чему-нибудь напомнить ей о призрак Юры Молчанова. Хороший друг. Дружбы между мужчиной и женщиной не существует, за исключением случаев, когда вся любовь уже вычерпана до дна.

Я увидела на экране телефона незнакомый номер и сбросила звонок. Я не знала, кто звонил. Это мог оказаться кто-то от Сережи или кто-то, кто ищет Сережу или угрожает Сереже. Капелин перезвонил еще раз, а когда я снова не ответила, он прислал СМС.

«Занята?..»

Молчанов печатал что-то у себя в портативном ноутбуке, посматривая на меня поверх его заляпанной и потемневшей от времени серой пластиковой крышки. В редакторской комнате, где работала их журналистская бригада, застыл неприятный, ничем не выводимый запах сигаретных бычков – запах еще более неприятный, чем когда в помещении просто накурено. На столе стоял покрытый копотью чайник и тарелка с давно умершими пирожными-картошками. Ворох старых и новых газет, распечатанных листов, исчерканных разноцветными маркерами, замшелые чашки с недопитым чаем. Я успела изучить тут все. Большая Фаина Любовь мариновал меня, как помидор в банке с уксусом. Он никуда не спешил, он работал сосредоточенно, усердно, методично – так, словно меня в комнате и вовсе не было. Я чувствовала, что еще немного – и мною можно будет закусывать.

Занята, ха! Да уж, не дай бог таких занятий. Я отключила телефон.

– Значит, Лиза, ты с мужем не общалась, не встречалась и не связывалась никаким иным способом? – снова спросил Молчанов, неожиданно выныривая из-за «Макинтоша». Я знала, что журналисты не хуже полицейских умеют читать реакцию, а уж Юрка Молчанов с его опытом – из всех них лучший. А я актриса никудышная. Но я старалась.

– Нет, не общалась, – ответила я, хлопая ресницами. Мы играем в «Мафию». Город просыпается. Я ничего не знаю. Я – мирный гражданин. Я не связывалась с Сережей никаким *иным* способом. Мой телефон был стерильно пуст, я удалила даже сам «telegram». Я закачаю его потом снова.

– А следователи тебя больше не беспокоят? Не звонят, не вызывают, не допрашивают?

– Нет, не беспокоят... вроде. После обыска, по крайней мере. Хотя никогда нельзя быть точно уверенной, что за тобой не следят на улице.

– Это и так, и не так. Seriously, как-то принято считать, что полиции делать нечего, как только за всеми бегать и наблюдать. Но ведь для них «наружка» и уж тем более прослушивание внутри частных помещений – целое дело.

– Которое они и делают со свойственным им профессионализмом, – съязвила я.

– Возможно. Просто любая прослушка должна быть санкционирована, оплачена государством по ставкам сверхурочных, прописана в отчетах – и так далее. Возможно, за тобой и следили сразу после того, как твой муж драпанул от следствия. Но вот что они будут держать слежку так долго – я сомневаюсь. Там обычно каждый день на счету.

– Твоими устами да мед пить. Скажи мне все-таки, в чем они его обвиняют, – спросила я.

– Да какая разница! Тебе ничего не угрожает, разве этого не достаточно?

– И все же? – переспросила я, и Молчанов нехорошо улыбнулся. У него появилось такое выражение лица, как у ищейки Тоби^[2] на морде. Юра взял след.

– Лиза, ты с ним не общаешься, ты от него открестилась, как от чумного, но дело его тебе интересно. Странно, Лиза, странно. Почему бы это?

– Отчего же странно, Юрочка. Да я теперь по ночам спать не могу. Представь себе, меня держали в камере. Почти сутки держали – с бомжом или вообще убийцей, я откуда знаю. Потом обыскивали мой дом, причем

при этом сильно напугали моего клиента и даже отняли у него телефон. Хорошо, не было дома детей. Но если у клиента только телефон пропал – у меня средства к существованию. Потому что я теперь клиентов домой не могу привести. Я не имею права рисковать их психологическим здоровьем, зная, что парни в форме могут вломиться ко мне в любую минуту. Так чего же странного, если я пытаюсь определить, насколько весь этот кошмар близок к концу?

– А постановление они тебе показывали на обыск? – заинтересовался Юра. Я с радостью рассказала ему все, что знала и помнила об обыске. Это была безопасная зона. Маленький островок в самой глубине Гримпенской трясины. Сама идея привлечь к этому делу Юрку Молчанова родилась в светлой голове моей сестры. Идея была ее, но вертеться на раскаленной сковородке и врать приходилось мне. Юрка должен был узнать крайне урезанную версию происходящего. Такую же, как и следователи. Ничего не знаю, никуда не летаю. Город засыпает прямо рядом с тарелкой подсохших пирожных.

Но мне нужны были результаты Юриного журналистского расследования. И они у Молчанова были. Просто удивительно, сколько всего можно узнать, если показать корочку журналистского удостоверения.

– Твоего Сережу обвиняют в транспортировке и сбыте наркотических средств. Обвинительное заключение еще не готово и не предъявлено, тем более что и обвиняемого нет в наличии. Никто не спешит, так что окончательных формулировок я тебе не дам, их пока не существует. Но дело я видел. И в нем нет ни слова о Воронеже. Да, в придорожном кафе неподалеку от Воронежа действительно был убит человек.

– О господи! – перепугалась я.

– Да уж, твой супруг – просто везунчик. В кафе случилась пьяная драка на бытовой почве. С применением колюще-режущих предметов.

– Это что значит, я не понимаю?

– Да просто подрались черт его знает из-за чего, да ножом пырнули. Банальщина. Даже ехать не стоит, не будет передачи. Мы снимаем для «ящика» от пяти трупов. Ладно, несущественно. Тебе важно другое. Зачинщиком драки, как нам сказали по секрету на ушко адвокаты обвиняемого, был как раз погибший, дальнобойщик. Это подтверждают свидетели в кафе. Дальнобойщик там пил на этой стоянке, пил по-черному. И нож, кстати, которым его зарезали, был тоже его собственный. Погибший к моменту прихода обвиняемого был уже почти невменяемый. О, каламбур получился, – и Юра Молчанов улыбнулся так, словно всю жизнь мечтал срифмовать слова «обвиняемый» и «невменяемый». Я

откашлялась и спросила то, что меня волновало больше всего:

– А там есть обвиняемый? И не Сережа, как я понимаю.

– Правильно понимаешь. Да, обвиняемый есть. Он, кстати, как раз один из тех, кто ехал в машине твоего мужа. Но он даже не видел, что твой муж к погибшему подходил. Этого в его показаниях нет. Он дал показания, что не знает, где был в момент драки водитель. Что он, может быть, к тому времени уже уехал.

– Ты и это знаешь? Господи, да ты же волшебник.

– Нет, Лиза, я не волшебник, – сказал Юра, одновременно читая какие-то сообщения на своем телефоне. – Я только учусь. Но деньги и связи помогают нам творить самые настоящие чудеса. Итак, с Воронежем мы разобрались, а вот что ты можешь мне сказать о связях своего мужа в мире наркоторговли? Тебе было что-то об этом известно?

– Нет, конечно! – возмутилась я.

– Это хорошо. Это хорошо, что ты так уверенно об этом говоришь, потому что, понимаешь ли, вряд ли полиция реально верит, что ты ни при чем. Ведь если обычному обывателю мир наркоторговцев кажется страшным и каким-то далеким, как пояс Ориона, на деле наркодилеры – такие же люди, как и мы. Они живут среди своих родных, у них матери и даже иногда отцы. Они играют в «Доту», пьют пиво, хотят купить новый «Пентиум». Дети у них есть, жены. И, как правило, большая часть этих чудесных людей вокруг не только знает о сфере интересов своих наркодельцов, но и пользуется плодами наркоторговли.

– Ну, в таком случае я совершенно чиста перед правосудием. Я ничего не знала, никуда не летала. И вообще, Сережа не только не давал нам никаких денег, но и в доме нашем появлялся в чистый четверг по праздникам, – бросила я, накидываясь на засохшее пирожное «Картошка».

– Да, видимо, это и следствие тоже обнаружило, во всяком случае, в деле ты почти не фигурируешь. В твоей ситуации плохо только одно – что ты оказалась в машине в момент захвата. Как бы, понимаешь... ну не должны оказываться в машинах люди, которые не в курсе, что там припрятано. Особенно в момент непосредственной транспортировки такого большого количества этой дряни. С другой стороны, в сигнале про тебя не было ни слова, и отпечатков твоих не было ни на пластике, ни тем более под пластиком. Хотя и Сергеевых тоже не было, его – только на руле и капоте.

– В сигнале? В каком сигнале? – переспросила я.

– Ну да, в сигнале, – пожал плечами Молчанов. – Захват ведь производился по наводке. Ты же понимаешь, такие вещи просто так не

происходят. Такие операции разрабатываются, подготавливаются. Или ты считаешь, что группа захвата в полном составе просто колесит по МКАД и наваливается на машины, которые ей кажутся подозрительными? Ау, я уже сказал, в полиции каждый чих дорого стоит. И денег много, и согласований, и отчетов.

– Подожди, подожди, но какой именно сигнал, кто его дал? Полиция? – «тупила» я. Юра отпил из чашки, к которой я лично и прикоснуться бы побоялась – по причине явной бактериологической угрозы.

– Да не знаю я. Хотя... нет, знаю. Если на то пошло, не полиция. Сигнал был анонимный, от осведомителя или типа того. Я видел стенограмму разговора в деле. Я, конечно, не могу сказать, что я прямо читал дело. Мне вообще-то только дали посмотреть фотографии с места, это да. Остальное я так, краем глаза.

– Острый у тебя край, – натужно рассмеялась я.

– Острый, и не только. Кстати, я там, в деле, и тебя видел. В смысле – фотографию, – поделился со мной «радостью» Юра. – Ты весьма живописно лежала на дороге. Как Аль Капоне. Нет, правда.

– Да уж, сомнительное достижение. Только Никасу Сафронову не говори, а не то тут же побежит увековечивать нас. Значит, анонимный осведомитель?

– Да черт с ним, с осведомителем. У полиции таких полно. Ты вот лучше скажи, ты сама-то как? Файка сказала, у тебя пропало молоко?

– Это да, – рассеянно кивнула я. – Ну, спасибо тебе, Юра. Просто невероятно ты мне помог!

– Ну, пожалуйста, – хмыкнул он и хитро посмотрел на меня. Мне лично Молчанов никогда не нравился, он казался мне слишком шумным, слишком рискованным – такой в любой танковый люк сиганет, не задумываясь. Но я могла понять, почему Фаина сходила по нему с ума.

И почему она ушла от него, я тоже понимала.

– Это что, не все? – спросила я, прищурившись. Юра загадочно улыбнулся.

Я потом еще долго думала обо всем этом, пока шла до метро, пока стояла на эскалаторе. Анонимный звонок – это было странно. Об этом нужно было рассказать Сереже. Кто-то подставил его, усадив за руль машины, начиненной героином. Какой-то герой на героине. Этот кто-то мог и анонимно позвонить.

– Вы в поезд заходите? – спросили меня, и я дернулась, обнаружив себя на платформе, в толпе – перед открытыми дверями вагона. Я мешала проходу пассажиропотока, и пассажиропоток был недоволен. Он подхватил меня под руки и вдавил в вагон, повесил меня на металлическом поручне. Не прислоняться. Не блокировать двери. Никому не верить. Я достала телефон и включила его, чтобы загрузить обратно «telegram», на моем экране всплыла эсэмэска от Капелина:

«...Ты там в порядке, Лиза?..»

Я вдохнула полной грудью, пытаюсь справиться с волнением. Его высокая инопланетная фигура, его уверенность в себе, жесткие выющиеся волосы и беззаботный смех сейчас были для меня как окно в параллельное измерение. Пройти невозможно, смотреть можно. Не пытайтесь покидать кабину лифта во время движения. Я подключилась к Интернету метрополитена и нашла в магазине приложений «telegram». Я начинала понимать, отчего наши правоохранители с такой ожесточенной яростью боролись с этим безопасным с виду приложением. Я стояла в вагоне поезда, окруженная десятками усталых равнодушных людей, а в моих руках телефон превращался в орудие преступления, пусть и не совершенного нами, но тем не менее надежно прикрытого.

Сережи в Сети не было. Я решила подождать. Кольцевая линия давала мне все возможности. Я уселась в угол и закрыла глаза, когда телефон зазвонил. Я подумала: это он, и отчего-то улыбнулась.

– Я тебе мешаю? Или ты специально мне не отвечаешь? Вроде я не успел тебе надоесть! – сказал мне Герман Капелин и тихо засмеялся, словно сам удивился такой абсурдной идее. – Мне нужно срочно выяснить, какой размер у твоего сына.

– Что? – вытаращилась я. – Зачем?

– Ну, не знаю, – хмыкнул Капелин. – Планирую сделать кибернетического робота – точную копию твоего сына, так что буду снимать параметры.

Я онемела. Капелин заржал так громко, что его смех был слышен моему соседу. Он недовольно обернулся и покосился на меня. Поезд тронулся и полетел в сторону тоннеля.

– Я сейчас пропаду, – сказала я.

– Не пропадай, ты что. Я тебя спасу! – тут же, не задумываясь, ответил Капелин. Я растерянно открыла рот, затем закрыла его и снова открыла.

– Я вообще-то про поезд. Мы сейчас в тоннель въезжаем. Я могу пропасть. Алло? Алло? – но пропала не я, а он. Или, возможно, мы пропали. На следующей станции я выскочила из поезда и пошла к эскалаторам. Шум мешал, поезда то приходили, то уходили с нарастающим грохотом, но мы с Капелиным то кричали, то шептались, то переходили на нормальный тон – пока у меня не «умер» телефон. Только после этого я вспомнила, что забыла переслать Сереже информацию об анонимном информаторе. Или как его там. Осведомителе. Капелин сказал, что у его знакомых есть магазин детской одежды и там как раз сейчас распродажа – только для своих. Чудовищно низкие цены. Для Васи он еще понимал, что брат. Если человеку нет еще и года, что ни купи – будет либо впору, либо на вырост. А вот с мужчинами за четыре иметь дело гораздо сложнее.

– Ты вовсе не должен! – возмущалась я, впрочем, довольно лживо. Сопротивляться Капелину было сложно и незачем. И бесполезно – как показало время.

Тем же вечером он приехал ко мне домой, наплевав на все мои запреты и возражения. Он привез с собой свежий ветер, теплый комбинезон Василисе, целый мешок фуфаяк и джинсов для Вовки, пакеты с мандаринами и хурмой, несколько коробок с обувью – примерить. У меня в прихожей на все это безобразие с изумлением смотрел сосланный ко мне в очередной раз Ланнистер.

– Наконец-то ты пришел, – улыбалась я. – Дедушка!

– Что? – вытаращился на меня Капелин в непритворном возмущении. – Какой это я дедушка. Мне даже и сорока нет! Мне тридцать шесть!

– А я думала, тебе две тысячи лет и ты обычно прилетаешь на оленях, – расхохоталась я. – Ты с ума сошел? Ты с чего это решил вдруг организовать у меня склад детских вещей?

– С того, что ты решила организовать у себя склад детей, – пожал плечами он. – Ах да, совсем забыл, – и он достал из кармана какую-то мелкую ерунду в цветастой упаковке. – Крутыши для крутыша.

– Что это? Чего еще ты приволок?

– Это же он! – завопил Вовка. – Это Клутыш! Клутыш! Я так его хотел!!! – и мой сын, вцепившись в пластиковую ерунду, унесся прочь.

– Его давали на сдачу, – извиняющимся тоном сообщил мне Капелин. – Это крутыш, он вертится и перекачивается по столу. Единственное, не знал, что у тебя кот. А то бы я и ему что-нибудь привез.

– Герман Алексеевич, что вы себе позволяете! – повысила голос я. – К тому же это не мой кот, и вы мне его можете испортить. А мне потом отвечать. Хотя детей моих портить тоже нехорошо. Безответственно.

– Я ужасный человек! Я не говорил, что безответственность – это мое второе имя? – спросил он, прищурившись, и улыбнулся, потряхнув своей богатой шевелюрой. Мы стояли в коридоре посреди десятка пакетов, которые он принес мне явно в благотворительных целях. Вот оно что бывает, когда выходишь из дома в растрепанных чувствах и в ужасной дешевой шапке. Старые добрые знакомые твоего отца начинают испытывать чувство мучительной жалости к тебе и твоим детям.

– Ты же понимаешь, Герман, что я должна буду отдать тебе деньги за все, что я решу оставить? – спросила я тихо и строго. Он помолчал немного, а затем кивнул. Хоть это меня и удивило. Впрочем, все выяснилось довольно скоро. Вещей было много, они были отличного качества – многие как раз из тех, которых не хватало моим детям «до зарезу». Комбинезон на Васе был просто восхитителен. Ослепительно-белоснежный, с двумя густыми полосками – синей и красной, под цвет флага.

– Красота! – улыбался Герман.

– Хорош, конечно, но маркий, – сомневалась я. – Почему?

– Двести рублей, – невозмутимо ответил Герман.

– Не ври, пожалуйста.

– Я не вру. Я же сказал, там была ликвидация. Им было дороже все держать на складе, чем отдать мне. Они вообще все продавали за копейки.

– Врешь и не краснеешь, – завелась я. – А джинсы почему?

– Сто рублей три пары, – невинно парировал Герман.

– Три пары, значит! Я так понимаю, что за все, что ты принес, больше тысячи не набрать? А хурма?

– Ну, это же к чаю! – развел руками он. – Ты же напоишь меня чаем? Твоя мама всегда поила меня чаем.

– Она всех поила чаем, – злобно парировала я. – У нас дома был проходной двор из аспирантов. Она не всех в лицо-то помнила.

– Ну, меня-то помнила, – улыбнулся Герман.

– Самоуверенный ты! Проходи уж, аспирант, – проворчала я, совсем как когда-то мама. Это было так здорово – на один вечер забыть обо всем: о Сереже, о проблемах, о следствии, о том, что ко мне хоть сейчас могут

вломиться с обыском. Я почему-то не сомневалась, что даже если такое бы и случилось, Герман Капелин с невозмутимым видом разъяснил бы полицейским и этому ужасному следователю Максиму Андреевичу, что нехорошо беспокоить молодую мать по таким вот пустякам. И выпроводил бы всех в шею.

И мы пили чай и ели мамино сливовое варенье из моих стратегических запасов – страшная ценность, но чем еще я могла отплатить за такой подарок, за один вечер мирной жизни посреди развернувшейся вокруг меня войны. Мама выращивала сливы на даче, лелеяла их как могла. На нашей земле ни черта не росло, и выдавить из этого суглинка урожай было практически подвигом, но мама совершала его – из года в год. Сливовое варенье безумно любил наш папа. И Герман, как я помнила, тоже.

– Мама от вас с папой варенье даже прятала, – смеясь, я подкладывала Капелину в тарелочку еще и еще.

– Ты хочешь, чтобы я заполучил диабет – и прямо сегодня вечером. Если так, то не выйдет, у меня не такой обмен веществ.

– Не такой? А какой?

– Твоя мама всегда про меня говорила: не в коня корм!

– А точно, ты очень, очень похож на коня! – кивнула я, и Герман соорудил страдальческую гримасу.

– Я и сам знаю, что я страшный, как незнамо что. Иногда случайно ночью увижу отражение самого себя в зеркале, так от страха кричу. Однажды чуть заикой не остался. Даже жена от меня ушла, потому что я страшный.

– Ничего ты не страшный, – возмутилась я. – Постой, как жена ушла? Я не знала даже, что ты был женат.

– Был, – с покаянным видом поделился Капелин. И зачерпнул еще одну ложку варенья. И надо признать – до меня не сразу дошло. Сразу я продолжала глупо смеяться над старыми добрыми временами, над новыми недобрыми, над тем, каково это – растить целых двоих детей и чужого кота, и сколько ж лет, сколько ж зим. Особенно зим, потому что у нас тут даже лето – зима. Климат – не то что во всяких Израилях.

Уже потом, после – поздним вечером, когда он уехал, заручившись моим согласием пойти с ним и детьми кататься на санках в Крылатское, – я вдруг подумала: ну и тупая же я. Это же ведь Капелин так тонко дал мне понять, что он не женат.

Зачем он это сделал? Зачем дал понять мне, замужней женщине, матери двоих детей, что он не женат и свободен как птица?

Он и выглядел странной, фантастической птицей с широким размахом крыльев-рук. Старый друг, хороший приятель нашей семьи, веселый, легкий на подъем человек, к необычной внешности которого привыкаешь, как к величию древних гор. Нет, он ничем не нарушил приличий. Не было никаких намеков, никаких действий, он не пытался заигрывать со мной. Он просто дал понять, что не женат. Мимо меня прошел Ланнистер, вместе с ним пришло озарение.

Да знал ли Герман Капелин, что я замужем? Было ли это так очевидно, как я думаю?

Я вдруг почувствовала, как у меня запылали щеки, и волнение, даже дрожь в коленках, заставило меня присесть на табурет. Да нет же, понять, что я состою в браке, невозможно. В моем доме нет и намека на присутствие мужчины. Какие-то вещи Сергея валялись в шкафах – их Герман видеть не мог. Игрушки, детская одежда, коляски, коробки из-под дисков с мультфильмами, провода от ноутбука. Варенье, множество магнитов на холодильнике. Никаких свадебных фотографий, они лежали неразобранными в шкафу. Никаких мужских прикамбасов типа полупустых бутылок виски или брошенных на стулья пиджаков.

И никакого кольца на моем пальце.

Глава тринадцатая. Жажда крови

– Как же я понимаю теперь Гамлета, – сказала я, врываясь в квартиру Майки с Ланнистером наперевес.

– Начало мне нравится, – хмыкнула та. – Быть или не быть?

– Сказать или не сказать, вот в чем вопрос, – я перевалила кота на заботливые Майкины руки. – Соврать или не соврать, вот в чем вопрос. – И демонстративно прошла в кухню, давая Майке понять, что просто так не уйду. Придется со мной дружить, хоть и поздно, хоть и устала соседка после целого вечера личной жизни с котоненавистником Константином.

– Врать нехорошо, – немедленно ответила Майя, пытаясь преградить мой путь к кухонному дивану. – Врать – грех.

– Вот и скажи своему Константину, что кота ты никому на самом деле не отдала. Что твоя «деревня» – на пятнадцатом этаже, – «умыла» ее я. Ланнистер согласно кивнул, вспрыгнул на стол и принялся. На столе еще стояли тарелки из-под колбасы и сыра, бокалы с остатками красного вина на дне. Ланнистер тоже не любил Константина, чувствовал его запах, но не мог противодействовать. Майка шикнула на меня и округлила глаза. Она не говорила своему любовнику о том, что кот, на которого у того имеется предполагаемая аллергия, на самом деле по-прежнему живет в квартире. А о своем возлюбленном Майка не говорила при своем коте, словно у того была аллергия на Константинов. А ведь разумная вроде женщина.

– Елизавета Павловна, чего вам от меня надо? – спросила она сурово.

– Майя Анатольевна, как и всегда.

– Добрый совет?

– Хотя бы злой, я на все согласна. А то я совершенно не знаю, что делать. Меня всю жизнь учили говорить правду, понимаешь! Мама учила, и папа учил.

– Ну, так и говори ее.

– Не хочу! – удивленно ответила я. – Сама не знаю, почему, но не хочу. А ты – специалист по вранью.

– Я бы попросила!

– Ты постоянно меня о чем-то просишь, я давно уже не жалуюсь. Так вот, задачка для тебя. Дано: я случайно – заметь, совершенно ненамеренно – привела в дом чужого мужика. Как так вышло, спросишь ты? Тоже случайность. Старого знакомого, хорошего, опять же, заметь, знакомого, с которым не виделась сто лет и которому я была рада.

– Просто рада или в эротическом смысле рада? – уточнила Майя. Я опешила.

– А что это значит – радоваться в эротическом смысле?

– Ну... как бы тебе объяснить, – и тут подруга закатила глаза и сделала такой жест рукой, что я вдруг поняла, что не особенно хочу слышать продолжение.

– Не, в обычном смысле. Он – старый друг моего отца и вообще... хороший человек.

– Красивый хороший человек?

– Нет, не красивый.

– Страшный?

– И не страшный. Он... подожди, я тебе фотографию покажу, ты сама все поймешь, – я полезла в карман за телефоном. Фото из израильской пустыни было в сохраненных кадрах.

– Ничего себе, – пробормотала Майка после неприятно долгой паузы. – Ничего себе.

– Знаешь что! Мне от твоих «ничего себе» легче не становится. Что ты хоть имеешь в виду?

– Я даже не знаю, что сказать. Откуда ты его знаешь?

– Я же сказала, он – старый друг нашей семьи. Он был когда-то аспирантом у моего отца, приезжал к нам домой, чай пил с вареньем. Я от него пряталась, я придумывала про него всякие истории. Он был то Кощеєм, то «Чужим» – знаешь, из фильма, то Дракулой каким-нибудь.

– Я могу представить, почему у тебя были именно такие фантазии. Совершенно демонический товарищ, и на бандане черепа, видишь. Но все равно – что-то в нем есть.

– Вот именно. Что-то в нем было. В какой-то момент, знаешь, в моих мечтах меня уже больше сказочный принц не спасал. Приходил – но не спасал. Кощей просто его убивал, а я оставалась с Кощеєм. Выходила замуж за него.

– И вы принимались вместе над златом чахнуть? – рассмеялась Майка. – Слушай, интересный товарищ, спору нет. Такой... редкий. И чего, в чем ты ему соврала? Возраст не тот назвала? Сказала, что тебе двадцать?

– Понимаешь, я ни в чем ему не соврала. Он приехал без предупреждения, навез каких-то подарков мне и детям, мы с ним чай пили, вспоминали бывшее всякое и думы, и я не знаю, как тебе объяснить, но с ним я вдруг словно попала в какой-то параллельный мир.

– Хороший или плохой мир? – нехотя спросила Майка, убирая тарелки. В хороший день она бы меня обязательно чем-то угостила, но

сегодня она была ко мне сурова. Я мешала ей думать о Константине.

– Хороший мир, такой, как в старых советских фильмах, которые вечно крутят к Новому году. И сам друг был такой же, словно только что вернулся со строительства какого-нибудь БАМа, что, кстати, вполне может быть правдой.

– Строительство Байкало-Амурской магистрали? Которую давно забросили?

– Ну, не этой конкретной магистрали, а любой магистрали. В мировом масштабе. Капелин, он из другой жизни. Я к этой жизни никакого отношения не имею. И когда он в моей кухне сидел, мой чай пил, я это с таким ужасом вдруг поняла, насколько все в моей жизни идет не так, через одно место, и не самое приятное.

– Я знаю это место, у меня через него все отношения с Костиком строятся. Вот он предложил мне съехаться.

– Что? – невольно изумилась я. – А как же это его «я должен иметь свой кусок мира в полном распоряжении»?

– Понимаешь, он сказал, что теперь кризис и съехаться имеет полный смысл. Экономически. Чертовщина какая-то, мне даже не хочется продолжать. ЭКОНОМИЧЕСКИ, понимаешь?

– Под «съехаться», я так понимаю, он просто хочет переехать к тебе.

– Ну, как бы да. У меня ведь квартира в собственности. Двушка. Чего еще-то надо?

– Экономически? – усмехнулась я, поглаживая Ланнистера по уху.

– Да ну тебя к черту! Я решила, что откажу ему.

– Кому? Черту?

– Да, блин, черту лысому, – зло прошипела Майка. – Костику, кому еще. Я не могу. Я не смогу, понимаешь? Он не принимает Ланнистера. Даже если я скажу ему, что у него нет никакой аллергии и что весь год он прекрасно существует тут, в квартире с шерстью.

– Как так вышло, что мы заговорили о тебе? – поинтересовалась я с прохладцей.

– А чего такого? С тобой-то все понятно, – пожала плечами Майка. – Странно, что ты, психолог, сама этого не понимаешь. В своем глазу, как говорится, даже надувное бревно не видишь, да?

– Чего за бревно ты увидела, поделись?

– Ты хочешь изменить мужу. Возьми – и измени, – выдала Майка, вздыхая. Она подошла к холодильнику и достала из дальнего угла нижней полки открытую консервину – пришло время кормить Ланнистера. Я подскочила на месте, уперла руки в бока и посмотрела на нее, с трудом

сдерживая возмущение. Я дышала, я фыркала, я хотела что-то возразить.

– Я не хочу изменить мужу. Я просто не знаю, почему мне не хочется говорить с Капелиным о моем муже. А с другой стороны, почему я вообще должна говорить с Капелиным о своем муже?

– Потому что тебе не ввали, а ты врешь, – меланхолично произнесла Майя, вываливая корм в миску, которую она достала из-под кухонного шкафа. Тоже прятала на время визита.

– Я не вру. Я просто молчу.

– Недоговариваешь, – согласилась она. – Но недоговариваешь весьма важные вещи. Что ты замужем. Что ты замужем меньше года. Хотела сказать, что ты любишь мужа, но как-то язык не повернулся. Что, кстати, это за чувство, которое ты испытываешь к своему мужу? Я не знаю, как его определить, а ты знаешь? Как психолог, с профессиональной точки зрения?

– Я не говорила тебе, что ты – крайне неприятный человек?

– Ты не говорила, но я и сама знаю, – пожала плечами Майя. – Думаешь, почему Костик ко мне только сейчас решил переезжать? Ведь вдумайся, человек каждый месяц платит приличные деньги – тридцать с лишним тысяч, на секундочку, чтобы жить отдельно, в то время как у его девушки есть двухкомнатная квартира. А он думает, решает. И ведь не уродина ж я.

– Совсем не уродина, – согласилась я. – Ты вообще хороша, бела и стройна, как Снегурочка. Хоть сейчас через костер прыгать. У тебя просто характер...

– Согласна. Взять хотя бы твоего мужа, ваш союз основан на ложных постулатах...

– Не надо брать моего мужа и не надо трогать наши постулаты. Черт с ними, с постулатами, я не хочу говорить Капелину, что я замужем. Я хочу поехать кататься в Крылатское на санках. Я хочу машину времени, вернуться назад, в прошлое, когда был жив папа и мама не выходила замуж непонятно за кого, непонятно зачем, и Файка не была такой до нелепого успешной и счастливой. Быть успешной и счастливой – это не ее, знаешь ли, призвание.

– А чье? Твое?

– И не мое, но не ее – точно. Я хоть вроде как стремилась всю жизнь к счастью и гармонии, а Файка всегда ждала конца света. А тут знаешь, что она мне сказала давеча?

– Что ее уже вот-вот Апрель бросит? Не далее чем в апреле? – хохотнула Майя.

– Она сказала, что, может быть, тоже родила бы! – сказала я.

– Да ты что!

– Вот и я о том же. Она родит от своего Апреля красивых маленьких апрелят с зелеными глазами и замуж выйдет, а Игорь будет приносить ей домой мешки с джинсовыми пеленками от Версаче и новенькие коляски на дистанционном управлении. И все у них будет хорошо. Несмотря на Анну.

– А кто такая Анна? – заинтересовалась Майка.

– Да неважно. Это их Юрка Молчанов, но с другой стороны. Темное прошлое со стороны жениха.

– Темное прошлое – это интересно, – улыбнулась Майя, но я наконец нашла в себе силы и заткнулась. Если с ложью я еще как-то могу смириться, то зависть мне не потянуть. Я не хотела завидовать сестре. Я просто не хотела рассказывать Капелину о том, что я замужем.

Я вернулась домой, достала из коробочки свое обручальное кольцо, посмотрела на него – тоненький золотой ободочек, самый дешевый вариант из всех возможных. Мы женились на то, чем располагали, вкуче с деньгами наших родственников, мы сэкономили на всем. В самом деле, что случилось со мной? Я столько лет стремилась к этому, мечтала о том, что все наладится, что мы с Сережей будем жить пусть не счастливо, но хорошо. По крайней мере, нормально. По-человечески.

Я родила ему двоих детей.

Он попал в сложнейшую жизненную ситуацию, и я не могу, не должна даже думать о том, чтобы оставить его. В радости и в горе, так? Достаточно просто надеть кольцо на палец. Можно даже ничего не говорить.

Боже упаси, я не собиралась изменять мужу. Пусть даже Майка и сказала, что это было бы лучше всего. Изменить уже – и успокоиться. Нет, я не хотела успокоиться, мне нравилось то, что я была беспокойна. Я не планировала никому изменять. Я просто не хотела говорить ничего Капелину. И я не собиралась анализировать это свое нежелание. Я воспользовалась «пятидесятой поправкой», не желая свидетельствовать против самой себя. В конце концов, для чего еще существует на свете самообман?

Я положила кольцо на место и написала Файке – через зашифрованный самоуничтожающийся чат, конечно, – что жду ее у себя. И что дети спят, так что нечего там звонить и все такое. Раз уж у тебя есть ключ – пользуйся им.

Через час с небольшим сестра зашла в квартиру. Я стояла в коридоре и ждала ее. Мы с ней молча кивнули друг другу в прихожей. Фаина сбросила

сапоги, не наклоняясь, – как в детстве, потрясывая по очереди каждой ногой. Она так и не отучилась от этой дурной привычки, и ее сапоги приземлились у противоположных стен. Скопище дурацких привычек, а не человек. Ничего-то в ней не меняется.

Это хорошо.

– Я говорила с мамой, ты знаешь? Она спрашивала, приду ли я в воскресенье к ним на чай. Они хотят устроить что-то вроде перемирия, хотят выкурить с нами трубку мира.

– Но мы же вроде не курим!

– Я тоже ей это сказала, а она ответила, что это – только потому, что она слишком хорошо нас воспитала. Вообще я не понимаю, почему она ведет себя так, словно это не она, а мы в чем-то виноваты, словно это мы забыли о папе и наплевали на память о нем. Но еще более странно, что она заявила, будто у нее есть совершенно железный аргумент, почему она должна обязательно выйти замуж за Этого Своего...

– И какой же это аргумент? – поинтересовалась я.

Фая остановилась около ванной комнаты, посмотрела на меня, подмигнула и громко продолжила:

– А черт его знает. Она сказала, чтобы узнать, мы должны прийти к ней на это чайное перемирие, должны там себя прилично вести, здороваться с Этим Ее... называть его по имени и даже улыбаться.

– Еще и улыбаться? Это ни в какие ворота!

– Именно! Я приду, конечно, но предлагаю принести с собой большую фотографию папы, ту, что висит у тебя в детской, и прямо так двигаться, фотографией вперед на Этого Ее...

– Хорошая мысль, – я нырнула в ванную вслед за Фаем. Она включила воду. Я забралась на стиральную машину и уселась поудобнее. Мы действовали очень синхронно, мы становились все лучше в этих играх.

Фая потрогала воду – она была горячей, и зеркало в ванной моментально начало запотевать. Она переключила воду на холодную и вытерла руки. Затем она раскрыла свой рюкзак и достала оттуда стопку неаккуратно сложенной и скомканной бумаги. Вода текла с равномерным гулом. Шпионы, блин. Это Файка предложила говорить в ванной, под шум текущей воды. Как в голливудских блокбастерах. Чтобы, если нас вдруг прослушивают, наши разговоры не услышали бы.

– Дети не проснутся? – спросила Фаина заговорщицким тоном.

– Не должны. Ночь уже. У нас с ними давно уже договор. Они мучают меня днем, но оставляют в покое ночью. Если кто-то нарушает договор, я

превращаюсь в ведьму. А никто не любит, когда я превращаюсь в ведьму.

– Даже я не люблю, когда ты превращаешься в ведьму, – рассмеялась Фая, протягивая мне бумаги.

– Что это? – спросила я.

– Это то, что было в ссылке, которую ты мне написала. Ссылка на файловое хранилище. Я не стала сохранять это у себя, просто распечатала. И все равно, пока шла к тебе, всю дорогу мне казалось, что сейчас-то мне по плечуку постучат, сейчас-то будет мне «гражданочка, пройдемте». Что это за ссылка, как ты умудрилась на нее напасть? Почему-то я не думаю, что легально?

– Зависит от того, что тут, – пробормотала я, перебирая листы. – Ого! Ничего себе!

– Вот именно. Ого! Это наверняка уголовно наказуемое «ого»!

– В таком случае твоего Молчанова посадят, – пожала я плечами. – Ибо эту ссылку мне дал он. Дал бумажку на прощанье. Значит, ему удалось сделать копии с дела! Вот о чем он говорил, что, мол, это еще не все. Нет, это просто гениально.

– Допустим, я всегда знала, что Молчанов гений. Допустим даже, что в этом-то и была вся проблема. Гениальность его была столь всеобъемлющей, что я не соответствовала, – говорила Фая. – Но я же не юрист, чтобы понять, что именно тут написано. Очень много букв, ни одной формулы. Я, знаешь, не имею никакого опыта, кроме как из сериалов. А там всегда только просматривают видеозапись с места преступления, а потом с умным видом просят что-нибудь увеличить. И все – дело в шляпе. На увеличении видна чья-нибудь родинка, и сразу становится понятно, кто убийца.

– У нас вообще-то никто не умер.

– Не факт, сестра, не факт. В Воронеже-то нас не было. Но это не так важно. Все эти бумаги – от них, если ты спросишь меня, толку почти никакого. Разве что хоть какое-то подспорье для адвоката.

– Какого адвоката?

– А такого, которого ты Сереже наймешь, когда его все-таки поймают. Потому что, уж извини, но из материалов дела он невинным кроликом не кажется.

– Ты же сказала, что ты материалы дела не поняла.

– Я сказала, что не имею опыта, но читать-то я умею. Самое понятное из всего этого – твое заявление. Ну, и протокол задержания тоже написан интересно, с интригой, с огоньком. Экспертиза – тоже заковыристая штука. Ты понимаешь, у тебя вся машина была забита этим веществом.

Сорок килограммов белого сыпучего вещества. Сама подумай, каковы масштабы проблемы.

– Во-первых, машина эта – не у меня, а во-вторых, сама уже прочла, дай и другим ознакомиться. Не спойлери финал, мне же самой интересно почитать, – попросила я, а Файка фыркнула и натужно вздохнула, демонстрируя, что ждать ей меня скучно. Но что делать. Сидеть на стиральной машине было неудобно, но на краю ванны – еще хуже.

– Подвинься, – скомандовала она наконец, перебираясь ко мне. – Вот же попу раскормила, уже и одной стиралки мало.

– У меня, кстати, попа не больше твоей.

– Мне, может, интересно перечитать. Я, честно, не знаю, как и что с такими знаниями делать. Ну да, действительно, о предполагаемом убийстве не пойми кого в Воронеже нет ни слова. По крайней мере, тут, в деле. Может быть, существует еще какое-нибудь дело – воронежское. Тут все просто. Поступил сигнал. Машину задержали. Сережа сбежал. В машине обнаружено вещество с высоким содержанием героина. Вещество изъято. Ты описана как потенциальный контакт, что бы это ни значило. Протокол обыска скучный, ничего у тебя не нашли.

– Смотри! – сказала я, неожиданно вчитываясь в строки одной из бумаг. – Смотри, как странно. – Файка склонилась ко мне.

– Стенограмма звонка? А чего странного? И чего ты орешь, тебя так и через воду слышат.

– Да наплевать! Я ору, потому что мне вода мешает. Выруби ты ее вообще! – Я волновалась.

В этом звонке-сигнале странным было буквально все. Позвонили в отделение полиции накануне, за день до задержания. Звонок был анонимным, но звонящий был максимально подробным и щедрым. Он сообщил, что готовится передача большой партии героина в Москву, что сделка пройдет утром тридцать первого декабря в расчете на то, что полиции будет вовсе не до ловли наркоторговцев. Действительно, дата удобная: город гудит перед праздником, в любой точке в любой момент могут образоваться заторы, пробки, море мелких аварий, лужица – крупных. Пьяные люди начнут появляться на дорогах столицы уже с двадцать девятого. Кому будет дело до неприметного «Рено Логан»?

– И что? – нахмурилась Фая. – Чего в этом ненормального? Даже странного?

– Детали. Все эти детали. Что за рулем будет мой муж, тоже сказано. Имя его, приметы, даже одежда, в которой он будет. И номер машины. И

примерное его время пересечения границы Москвы, и с какого именно шоссе он будет заходить в город.

– Ты знаешь, а ты не так уж и не права, – кивнула Фая. – Это странновато все.

– Тот, кто его сдал, этот аноним, – он знал все настолько хорошо, что даже указал, где именно будут спрятаны наркотики, под какими частями. Зачем так подробно указывать? Чтобы все нашли, чтобы ничего не пропустили. Сама знаешь, как работает наша полиция. Возьмут и не найдут, с них станется.

Так что...

– Это мог быть только кто-то из своих, – задумчиво сказала Фая. – Но зачем?

– Именно так! Зачем? Допустим, кто-то ненавидел моего мужа настолько, чтобы желать засадить его за решетку. Но ведь это идиотизм – потерять при этом большое количество героина. Смотри, ведь потеряно реально много товара, это же абсурд. Большие-пребольшие деньжищи.

– Может быть, кто-то из конкурентов?

– Кто-то из конкурентов подобрался так близко, что знал, что героин будет в обшивке дверей и под накладками для подушек безопасности? Звучит сомнительно, – покачала я головой.

– Но не невозможно. Что мы с тобой, две девчонки, можем знать о логике бандитов. И об их методах тоже, – добавила Фая. – Главное, первое: вас задержали не просто так. В любом случае дело вовсе не в Воронеже. Это важно. Это мы установили.

Что еще?

– Ого!

– Опять «ого»? Ты меня пугаешь. Что – «ого»?

– Я поняла, почему они выбрали момент, чтобы задержать нас. Именно тот, на МКАД, когда мы ехали в этот чертов магазин.

– И почему? – поинтересовалась Фая. Я подскочила и взялась за ручку двери.

– Нужно срочно сообщить об этом Сергею! – я выскочила в прихожую и схватила свой телефон. Нужно было подумать. Хорошенько подумать обо всем. И о том, что делать дальше. Это был вопрос такого размера, что моя ванная комната его не вмещала.

Глава четырнадцатая. Игра со спичками

Они приняли меня за получателя. Именно поэтому я оказалась лежащей лицом вниз на холодном асфальте. Сережа заехал ко мне, поэтому все пошло не так. О, насколько я не хотела ничего знать, ничего предпринимать, я не хотела ни о чем спрашивать, не хотела двигаться дальше. Единственное, что заставляло меня что-то делать, – это воспоминания. Просторная хозяйственная сумка на колесиках, которую разодрали оперативники в надежде найти бешеные миллионы за наркотрафик, допрос безликого следователя, отказывающегося верить в мою невиновность, его безжалостность, столь странная в отношении молодой матери, Веничка из камеры в оперативном отделе. Новый год – как встретишь, так и проведешь.

Я не смогу спрятать голову в песок, слишком многое в этом случае останется на поверхности. И мне может не понравиться то, что случится потом.

– Что значит, приняли тебя за получателя? – кричала на меня Фаина. – Кто принял? За получателя чего?

– За получателя героя. Я вышла со своей авоськой бездонной, они думали – там деньги.

– Бред, это бред какой-то.

– Ты вроде умная женщина, программист, формулы наизусть знаешь, а такие глупые вещи говоришь. Стенограмму читала? Что сказал аноним? Что Сережка утром тридцать первого декабря встретится с представителем получателя, чтобы осуществить сделку. Так с кем Сережа встретился тридцать первого декабря, а?

– Ну да, с тобой, – кивнула Фая.

– Он должен был отправиться прямиком к другому человеку. А он заехал ко мне. А за ним уже наверняка следили, причем, возможно, и те и эти. Сережа ведь – король спонтанных решений. Он прямо с дороги позвонил мне, спросил, не желаю ли я купить продуктов к Новому году, не нуждаюсь ли я в его помощи – так сказать, в сильных мужских руках. Я так растерялась от неожиданности, что тут же побежала. Бросила детей Майке, схватила сумку и понеслась... навстречу группе захвата. Они нас, так сказать, визуально зафиксировали, дали мне сесть в автомобиль, дали нам выехать на МКАД, где и осуществили чертову операцию по захвату.

Радовались небось как дети.

Ого!

– Хватит! – закричала Файка. – Хватит мне «ОГО»!

– Вот почему они меня даже не слушали! – Я не обращала на сестру никакого внимания. Все вставало на свои места, словно мне удалось собрать некий стратегически важный кусочек пазла, и теперь целый угол большой, крайне некрасивой картины читался отчетливо и хорошо. И на нем я сидела в кабинете и умоляла меня отпустить, а следователь Максим то ли Алексеевич, то ли Андреевич удивлялся, как нынче странно выглядят наркобароны. И пытался понять, отчего я оказалась в машине одна, без денег, в застиранных джинсах и даже без пистолета для приличия. Измельчала мафия. Думаю, я поставила его в полнейший тупик. Им потребовалась вся новогодняя ночь, чтобы понять, что произошла ошибка. Что я всего-навсего жена сбежавшего наркокурьера и что этот безмозглый наркокурьер заехал ко мне просто по дороге, случайно и в нарушение всех морально-этических наркокурьерских норм. Полный облом.

– Тебе нужен адвокат! Вам обоим нужен адвокат, чтобы размотать этот клубок. И не запутаться в нем еще больше! – Фая орала так, что даже если бы нас вовсе не прослушивали, нас бы все равно услышали. Как конспираторы мы были хуже профессора Плейшнера. Полное служебное несоответствие. Я мотала головой и терла виски. Файкин голос бесил меня, мешал мне сосредоточиться.

– Мне нужно подумать.

– Чего ты там ему пишешь? От него у тебя в жизни одни проблемы. Он сам связался с этими скотами, пусть сам и расхлебывает. В конце концов, за добровольное сотрудничество со следствием дают скидку, как в «Ашане». Может быть, даже до семидесяти процентов. Знаешь, как в Сумасшедшие дни?! А у тебя положение шаткое, как у канатоходца без страховки. Ты понимаешь, что происходит с канатоходцами, у которых нету страховки? Они падают мордой на асфальт, от них одна лепешка остается, от таких канатоходцев-дебилов.

– Ты права, Файка! – согласилась я, продолжая смотреть в телефон.

– Я всегда права. Я сейчас же позвоню Игорю. Нет, я сейчас же пойду и поговорю с Игорем. И с Юркой тоже – он умный, он что-нибудь придумает. И у него есть связи, у него есть очень мощные связи. Нам нужна защита.

– Ты права, – кивнула я.

– Ты согласна со мной, да? Теперь ты согласна со мной, после стольких лет, когда я буквально орала тебе в лицо, что он, твой муж, –

нехорошо, что он – проблемы, что он – источник абсурда и безумия. Теперь ты решила со мной согласиться? И что мне с твоим согласием делать? Лучше бы ты ему в ЗАГСе сказала «нет»...

– Мама? А чего вы кличите? – услышали мы обе детский голос из дверей ванной. – Вы Васю лазбудили!

В дверях ванной стоял Вовка – смешной, лохматый и заспанный, мой человек-гном, – негодуяще буравил нас своими серыми глазами. Я повернулась к сестре и просто посмотрела на нее, но она, мне кажется, прекрасно поняла, что я хотела сказать. «Заткнись, идиотка, это ведь его отец, – читалось в моих глазах. – Ты можешь не любить его, даже я могу не любить его, но он всегда будет его любить. Никто не должен слышать гадостей про своего отца».

– Прости, родной, – Фая первой бросилась к Вовке. – Прости, тут просто так вода шумела.

– Мы репетировали, – добавила я, получив от сестрицы недоуменный взгляд. – Да, мы с тетей Фаей собираемся играть в одном спектакле на ее работе.

– Кличать так громко? На сцене? – искренне удивился Вовка.

– Да, дорогой, – хмыкнула сестра, ехидно поглядывая на меня. – Мы с твоей мамой будем орать друг на друга на сцене.

– А меня позовете? – тут же сменил гнев на милость мой сынок. Еще бы, перспектива увидеть нас в таком амплуа обрадует любого четырехлетнего мальчишку. Если бы мы еще пообещали ему, что будем ходить на голове и швырять в зрителей «лизунов» – он бы просто от радости сделал сальто-мортале. Мы пообещали взять его с собой, актрисы погорелого театра.

Затем я сделала то, что было необходимо сделать. Я активировала приложение и написала Сереже.

Фаина попыталась отобрать у меня телефон, но я была быстрее. Я подняла руки и принялась подпрыгивать. Несколько секунд хватило, чтобы все сообщения секретного чата самоудалились и содержимое сообщений осталось только в головах – моей и Сережиной. Фаина стояла красная, злая и тяжело дышала. Я бы рассказала ей все, но она и так увязла в моих делах по самое горло. Я не могла с нею так поступить, я не могла сказать ей о том, что собираюсь сделать. Если бы она узнала – она бы

задушила меня, но не пустила.

– У тебя есть деньги? – спросила я, стараясь звучать как можно естественнее и натуральнее. Город засыпает, мафия просыпается. Я врала сестре. Я снова поверила Сереже. Я никогда не изменюсь. Все это читалось в ее глазах. У Фаи были красивые серые глаза, такие, в которых читались сложные интересные мысли, яркие образы, причудливые фантазии, утаскивавшие ее в бесконечные иные миры.

– У меня есть деньги, но я их тебе не дам, потому что ты наверняка употребишь их себе же во вред.

– Это недалеко от истины, – не стала спорить я. – Лучше употреби их на парикмахера и визажиста.

– Что? – ахнула сестра.

– Ты посмотри на себя, Фая, ты же красивая девушка, у тебя же Игорь, мать его, Апрель в парнях ходит. И как вы с ним вместе смотрите? Как вы ко мне пришли в первый раз? Он в умопомрачительном свитере, а ты на пугало похожа. А ведь приложи небольшие усилия, при правильном уходе ты, Фая, расцвела бы.

– Как кактус, – хмыкнула она. – При правильном уходе я бы долго не выдержала. И вообще, чего тебе не нравится? Ты всегда была у нас красивой сестрой, а я – умной.

– То есть хочешь сказать, вместе мы с тобой еле дотягиваем до твоего парня? – расхохоталась я. – Так ты дашь мне денег?

– Много?

– Чем больше, тем лучше, – ответила я.

– Сережа попросил, конечно? Он хоть сказал, где он? Постой, я надеюсь, ты не собираешься с ним встречаться?

– Не собираюсь, – ответила я вполне честно. Боже упаси, я не собиралась искать своего мужа, тем более что он мне так и не сказал, где именно прячется. Я не могу сказать, чтобы я прилагала какие-то активные усилия для того, чтобы вычислить его убежище. Более того, я говорила себе: будет лучше ничего не знать об этом.

И забыть, что вся его кошмарная история случилась в Воронеже. Об этой истории даже разместили статью на местном сайте. Поножовщина. Не где-нибудь, не в одном из сотни мелких придорожных городков по дороге из Ростова в Москву, а именно в городе, где у Сережи мама и жена.

Да, извините, бывшая жена. Та, что была до меня.

Я ничего не хотела знать о том, где находится Сережа, еще и по другой причине, едва уловимой и до того странной, что я немедленно принялась игнорировать эту причину и сублимировать ее во что придется. Как говорится, со всей виртуозностью психолога я отворачивалась от мысли, что в каком-то смысле ХОЧУ, чтобы Сережа оказался у своей бывшей жены. Я ХОЧУ, чтобы он был там, чтобы он бросился за помощью и убежищем к ней и чтобы она ему это убежище предоставила.

Я хочу быть обманутой. Может быть такое? Оказывается, может. Больше того, я рассчитываю на это! Да, это странно, но только на первый взгляд. Я прекрасно помнила одну мою клиентку, она приезжала ко мне в салон в Южном Бутовое, ездила туда почти год, у нее были проблемы с мужем. Хорошая женщина, симпатичная, уютная, как русская печь. Даже коса у нее была до лопаток. Интересная женщина, правда, постарше была, чем я, – было ей лет тридцать пять. И у них с мужем тоже было двое детей.

Звали ее, как сейчас помню, Ниной. Проблемы с мужем. Такие общие слова, а за ними кроется миллион всевозможных вариантов. Жалобы, претензии, неудовлетворенные амбиции, непонимание, выгоревшие отношения или, наоборот, такие, которые больше похожи на пожар. Нина тоже рассказывала мне какие-то типичные истории, только ей одной казавшиеся возмутительными и недопустимыми. Ах, он не встретил ее у метро. Ах, он не занимается детьми. Ах, он зарабатывает мало денег. Ах, ах, ах. Мы все хотим, чтобы нас носили на руках, а нас все время роняют на землю или, того хуже, прямо на асфальт, в холодное снежное месиво. Нина запомнилась мне не этим. Любопытно было то, что она постоянно повторяла:

«А ведь я ему даже не изменяю!» Она произносила это так, словно речь шла о сложном и опасном подвиге, который она совершала каждый день. Подвиг, который другим женщинам на ее месте был бы просто не под силу. И вот я поймала себя на мысли о том, что я Сереже тоже «даже не изменяю». Я просто хочу, чтобы он оказался в Воронеже у своей бывшей жены.

Это было нехорошо. Если бы я только дала себе труд хоть немножко подумать о том, что именно стоит за этим «я ему даже не изменяю», мне бы пришлось увидеть все таким, какое оно есть. В первую очередь увидеть без прикрас себя. Ах, ах, ах. Так что я решительно отказалась об этом думать. Логичный выбор. Тем более что не далее, как несколько секунд назад, Сережа дал мне имя, адрес и телефон человека, с которым он

должен был встретиться в Москве. Человека, который должен был лежать лицом вниз на холодном асфальте вместо меня, которого должны были арестовать вместо меня и вместе с Сергеем. С Сережей, который, как предполагалось, вовсе не должен был убежать от полиции. Он должен был быть ею пойман вместе с еще одним человеком. Если, конечно, я права в своих предположениях.

Кто ж из них знал, что все пойдет не так? Кто ж из них знал, что, когда имеешь дело с Сережей Тушаковым, теория вероятностей не работает или работает в обратную сторону?!

Глава пятнадцатая. И он заговорил...

Я смотрела на распечатанные Фаиной бумаги, дело моего мужа, дело, которое, возможно, будет стоить ему свободы. Что буду делать я, если его посадят в тюрьму? Он же не сможет прятаться у своей бывшей жены вечно. Когда-нибудь ему придется выйти наружу и столкнуться с последствиями того, чего он не начинал, не планировал, на что никогда не соглашался.

«Этого просто не может быть», – сказал он, когда я написала ему то, что знала. Тогда я выслала ему копию ссылки, полученной от Юры Молчанова. Документы этого дела. Сухие фразы, написанные юридическим языком, за каждой из которых пряталось пламя, испепеляющее жизнь дотла.

«Тебя подставили, – написала я. – Мне очень жаль».

«Тебе жаль?» – спросил он, и мы с ним впервые поругались через «telegram». Странное это было чувство писать гневные сообщения и видеть, как такие же гневные ответы исчезают за считанные секунды. Словно ты пишешь на песке, а прибрежная волна смывает это все, оставляя только пустоту.

Я даже ему не изменяю.

«И что мне теперь делать? Сидеть тут до конца жизни?»

«Где именно ты сидишь? – спросила я. – Ты можешь мне сказать?»

«Зачем? Ты так не хочешь быть ни в чем замешанной, зачем тебе знать, где я? Так ты, по крайней мере, не обязана ни о чем докладывать следователю», – написал он, и эти слова тоже растворились в цифровом небытии. Я отложила телефон и прикрыла глаза. Я устала. Устала бояться, устала оправдываться, устала загружать и разгружать стиральную машину, устала делать вид, что знаю ответы на все вопросы. Я понятия не имела, что нам делать.

Следующим утром начался февраль. Я шла по присыпанным снегом неожиданно затихшим улицам, было раннее утро, воскресенье. Ни в один другой день в Москве не могло быть так тихо и снежно, как вот в такое воскресное утро. Никакой холодной слякоти и жидкого месива из грязи, только лед, солнце и чистая, ослепительная белизна. Такое утро у нас в

Москве выдается раз за зиму. Я шла и вдыхала его, обжигаясь морозным воздухом. Фаина сказала бы, что именно так нужно дышать, чтобы наполнить кислородом префронтальную долю коры головного мозга. В моей доле было так же тихо и спокойно, как и вокруг.

Белым-бело. Я оставила детей с мамой. Фаина была категорически против, но я не хотела оставлять детей сестре. Я хотела, чтобы ей пришлось пойти к маме, чтобы им пришлось встретиться вновь, открыть друг другу двери, обменяться какими-нибудь фразами, придумать что-то, чтобы пережить неизбежное.

Жизнь никогда не останавливается, она всегда убегает вперед, оставляя нас, ошеломленных, позади. Ничто никогда не будет так, как раньше, даже если «никому не изменяться и не изменять».

– Что-то случилось, Лиза? – спросила мама, стоя в красивом домашнем костюме посреди прихожей с моей дочерью на руках. В ее глазах беспокойство. На ее руке больше на одно кольцо.

– Твой жених подарил? – спросила я в ответ, кивая на кольцо.

– Да, это мне Даня подарил.

– Красивое, – я улыбнулась. – Когда у вас свадьба?

– Ты придешь? – у мамы в глазах загорелась надежда.

– Ни за что не пропущу, что ты. Хотя я, может быть, и не понимаю, зачем вам жениться.

– Когда ты так говоришь, ты звучишь совсем как Файка. Неужели нужен какой-то повод? Не все же женятся, потому что они беременны!

Я вздрогнула, словно мама меня неожиданно кольнула в бок булавкой. И улыбка сползла с моего лица.

– Да. Ты права. Не все, – сухо ответила я. – Только я.

– Подожди, подожди, я не хотела...

– Я знаю, что не хотела. И я знаю, что заслужила. Все, что ты когда-либо говорила, все, что Фая говорила, – все это правильно и справедливо. Если бы я еще знала, как быть такой правильной и справедливой и делать именно то, что в моих интересах. И выходить замуж просто потому, что это любовь. А не по залету, из которого я потом старательно леплю эту самую любовь. А от нее шпукатурка отваливается кусками.

– Лиза! Пойди ко мне сюда! – потребовала мама. Она положила Василису в коляску и силой притянула меня к себе. Нет, я не сопротивлялась, просто это было что-то новое – по крайней мере, для моей мамы. Она обняла меня на американский манер, как в бесконечных голливудских фильмах, где все проблемы можно решить, просто постояв

несколько секунд обнявшись. Мы стояли так, и ровным счетом ничего не происходило, и все же каким-то образом мне стало легче. Как будто отпустили вожжи, и я смогла чуть затормозить и вдохнуть полной грудью.

– Я тебя очень люблю, Лиза. Я хочу, чтобы ты всегда помнила об этом. И тебя, и Фаю, и твоих деток, я всех вас очень люблю.

– Зачем ты мне это говоришь? Да еще так торжественно? Ты меня только пугаешь? – я отстранилась. – Что-то происходит? Я чего-то не знаю?

– Лиза, неужели я не могу тебе просто сказать, что я тебя люблю? – пожала плечами мама.

– Скажи мне, что все хорошо, что ничего не меняется и все остается по-прежнему. Скажи, потому что мне этого так не хватает в последнее время. И твоих пирогов.

– Но ты и сама печешь отлично, – удивилась мама. – Не прибедняйся, пожалуйста.

– Не буду, – покорно согласилась я. – Ты тут справишься с моей гвардией?

– Да уж справлюсь как-нибудь. И зачем тебе бинокль, скажи на милость? Какие театры в воскресенье с утра?

– Фая заберет детей вечером. Это если я не успею. Но я, скорее всего, уже освобожусь к тому времени, – соврала я. Вроде получилось убедительно. Врать я, кажется, выучилась. Умница дочка.

Я не стала говорить маме о том, что Фаина вообще не в курсе моих планов. Собственно, в этом и заключался план – заставить их, вынудить их пообщаться. Дурацкий план. Однако часто именно такие – единственные, которые срабатывают с каким-никаким эффектом.

– Чем ты так занята, куда тебя несет? Вечно у тебя какие-то проекты. Что, такие неотложные психологические дела, что нужно бросать детей? – В голосе мамы прозвучало недоверие наполовину со скепсисом. Что ж, я к такой реакции давно привыкла.

– Да, именно они, – кивнула я и вышла. Если вдуматься, все дела на свете – психологические, если в них замешаны люди. Потому что все, что делают люди, поддается логике лишь с натяжкой. Снег шел тихо, мягкие белые хлопья падали мне на лицо, на плечи, на руки. Я шла и слушала тишину. Я шла пешком до самого метро.

Иван, московский контакт краснодарских наркодельцов, жил рядом с метро «Аннино». Вряд ли это были его настоящее имя и настоящий адрес.

Сережа считал, что он едет к владельцу злосчастного «Рено». К кому бы он приехал на самом деле, если бы не решил заехать ко мне, – совершенно другой вопрос. Иван Кириллович Банщиков – владелец автомобиля, по документам на машину, которые прилагались к уголовному делу. В Сережином «Рено» были обнаружены рукописная доверенность, не имеющая никакой юридической силы, и вполне реальное свидетельство о регистрации транспортного средства. Возможно, поддельное. Но, может быть, и нет. Я перечитывала материалы дела столько раз, что, кажется, не просто запомнила их наизусть, но даже помнила, где, на каком листе, имелись пометки или были загнуты углы.

В Москве Сережа должен был доехать до этого адреса в Аннино, остановиться у дома и позвонить по телефонному номеру, который я тоже успела заучить наизусть. Я не звонила по нему, это показалось мне глупым, неоправданным риском. Я решила, что сначала стоит приехать и осмотреться на месте, но теперь уже это решение казалось мне глупым. Я не знала, что мне осматривать. Я стояла в засыпанном снегом дворе около совершенно обычного, длинного, как Китайская стена, высокого панельного дома. Таких домов в Москве так много, что визуально их невозможно даже отличить одно от другого. Серые стены улетают в голубое небо, они испещрены темными линиями какой-то специальной известки – дома старые, их стены многое видели, пережили несколько десятков лет и зим, они потрескались, их чинили, замазывали, латали.

В окнах – шторы, на балконах – хлам. Дорога во дворе тупиковая, висит «кирпич». Въедешь – не выедешь. Сюда Сережа должен был пригнать машину с героином. Здесь их должны были арестовать вместе с Иваном Кирилловичем Банщиковым. Отсюда, в случае ареста, не скроешься, не отгонишь машину в безопасное место.

А может, его вообще должны были арестовать одного? Что, если никакого Банщикова, в принципе, нет и не задумывалось?

– Незачем. Незачем терять такую кучу героина, – пробормотала я самой себе под нос. Это было очевидно. Да, здесь никто не жил, никакого Банщикова. Но кто-то другой скрывался за телефонным номером. Кто-то, кому Сережа должен был позвонить и получить дополнительные инструкции. Кто-то ждал героин. Возможно, до сих пор ждет. На это и был мой расчет. Дрожащими руками я достала из кармана купленный накануне телефон – кнопочный, самый дешевый из всех возможных, и принялась набирать эсэмэс.

«...Нужно поговорить. Нас обоих хотели подставить. Не говорите никому, просто приходите один в «Мак» рядом с «Аннино». Я буду там...»

Улетело. Я буду там. А придет ли Иван-царевич или прискачет серый волк, чтобы порвать меня в клочья? Все равно выбора у меня нет. Снег почти прекратился, и небо сияло волшебной синевой. Самое милое дело в такой день кататься на санках в Крылатском. А я – тут. Завязла в болоте чужих неверных решений и собственных ошибок. Ошибка номер один – думать, что «если я ему даже не изменяю», то все хорошо и я ни в чем не виновата, я чиста, как этот самый февральский снег. Ошибка номер два...

«...жди, я приду...»

Ответ пришел через восемь минут двадцать две секунды. Сердце ухнуло, и что-то горячее разлетелось в крови. Человек за миллионы лет жизни на нашей полной сюрпризов планете приучился реагировать на сложные опасные события двумя базовыми способами – драться или убегать. Оба способа требовали отключения всего лишнего, кроме тех частей сознания, что помогали в реализации этих двух базовых ответов на все на свете.

Драться. Бежать. Либо драться, либо бежать.

Я резко вдохнула, пытаюсь справиться с физическим переживанием страха, но подавилась собственной слюной, раскашлялась и кашляла долго, мучительно сражаясь за возвращение контроля над своими легкими. Беги, дура, куда ты лезешь, куда тебе драться. Ты можешь снова ошибиться, и тогда самый страшный кошмар может случиться наяву. У тебя дети. Куда, куда тебя черт несет? Что теперь? Ты не подготовлена для таких ситуаций, ты не тренированна, не образованна, не спортивна. Ты даже в бадминтон не играешь, в отличие от сестры. Что, если ты ошибешься? Что, если ты не успеешь убежать? Да, у тебя есть преимущество, но оно такое маленькое, такое жалкое, что просто смешно рассчитывать на него.

«...жди, я приду...»

Он ищет Сережу, не меня.

Я простояла у подъезда всего несколько минут. Кто-то вышел из дверей, прошел мимо меня и отправился по своим делам, не стал даже задумываться о том, что я проскользнула внутрь. Это крепкие молодые

хмыри с сигаретами в руках вызывают подозрение, а не молодые женщины, одетые в шапки-шарфы-варежки. Я поднялась на лифте на пятый этаж и обрадованно кивнула. Все было именно так, как я рассчитывала. Из окна с черной лестницы мне было отлично видно вход в «Макдоналдс» и все окрестности. Хорошо было еще то, что этот так называемый ресторан располагался именно в этом торговом центре. В обычной серой коробке из бетона и стекла было собрано множество лавок и торговых точек, но со стороны «Макдоналдса» больше ничего не было, только дверь в ресторан и подъезд к окошку раздачи еды для автомобилистов. Больше никаких дверей. Да и в любом случае в этот день, в это время тут все было закрыто. Город спал.

Я достала бинокль и принялась настраивать его, пытаясь прикинуть, сколько именно времени мне нужно будет ждать. Я не была профессионалом в наружном наблюдении, я не знала, кого именно жду. Я боялась пропустить, проглядеть, не увидеть, перепутать или, что еще хуже, каким-нибудь образом выдать себя. С другой стороны, раз мне сказали ждать прямо сейчас, вряд ли задержатся надолго. Никогда не станут рисковать тем, что я – Сережа – уйду и потеряюсь снова. Раз сказали – жди, значит, они рядом.

– Ох, боже, помоги, – прошептала я, увидев, как тонированная иномарка заезжает на парковку ресторана. Физиология, обретенная сквозь мучительную вековую толщу эволюции, снова дала мне команду бежать отсюда куда глаза глядят, но интеллектуальная часть слабо пропищала, что все это ошибка. Кто-то в иномарке отрыл окно и забрал у официанта в окне пакет с едой. И уехал.

Не они.

И еще три машины «не их». И пятеро человек, зашедшие в ресторан за едой во фритюре. И семейство с детьми, которые выпорхнули стайкой из дверей, закутанные, шумные, с шариками в руках. И запрыгали, заскакали на холоде. И только потом приехали они. Их нельзя было ни с кем спутать, потому что тот же самый первобытный инстинкт, что гнал меня бежать прочь, теперь говорил – это они. Никаких сомнений.

Их было трое, они вышли из машины, оставленной на Варшавском шоссе, там, где оставлять машины запрещено и штраф за это огромный. Машина стала на аварийке, за рулем явно остался шофер, двигатель не глушили. Готовы сняться в любой момент, если только почуют угрозу. В каком-то смысле в этом была определенная ирония. Я боялась их, а они – меня.

Или, может быть, они планировали причинить мне вред, украсть меня или убить. Не исключено. Двое были – как братья-близнецы, в одинаковых коротеньких пуховичках черного цвета, в спортивных штанах и кроссовках, круглые шарики, они катились по улице, как колобки. Третий держался особняком, он остановился около, но в ресторан не пошел, закурил и принялся осторожно осматриваться. Пожилой мужчина сложной национальности, описать которую с натяжкой можно словами «гость столицы». Острый, цепкий взгляд из-под тонкой оправы очков. Одет дорого, классика – дубленый полушубок и в комплекте шапка. Никаких спортивных штанов. Инстинкт ударил – «опасно, опасно». Я проигнорировала голос разума, отложила бинокль и достала свой телефон. Интересно, насколько на нем хорошее увеличение?

Хреновое, очень хреновое увеличение. Не фотография вышла, а какое-то размытое пятно. Я снова взялась за бинокль, пытаюсь запомнить все, что только смогу запомнить. Машина – потрепанная, выдавшая виды «бэха» с прилично подбитым крылом с водительской стороны. Вполне допускаю, что на этой тачке занимаются автоподставами. Мой наркоторговец еще и автоподставщик? Возможно, хотя и маловероятно. Солидный «дядя» в дубленке смотрелся рядом с этой «бэхой» странно и как-то не к месту, как дорогая черная икра, намазанная зачем-то на дешевый плавленый сырок с луком. Номера я все равно на всякий случай записала и отправила самой себе в «telegram». Впрочем, нельзя исключать вероятность того, что номера липовые. Через пару минут его «шарики» прикатились обратно, один покачал головой. Еще через полминуты мой телефон завибрировал у меня в кармане, и я убрала бинокль от глаз.

«...ты меня обмануть решил?..»

«...ты не один...»

Все стало очень ясным и конкретным. Предельно простым. Дерись или беги. «Добрый гость» Садко задумался и на мгновение замер, затем что-то напечатал. Мой телефон звякнул.

«...я должен был проверить...»

«...я тоже...»

«...в таком случае какие предложения?..»

Предложения у меня были. Я написала их, а условный Иван их принял. Его «шарики» сели в машину и укатили чуть дальше по шоссе, а сам «Банщик» прошел к шоссе и встал на остановку – ждать моих дальнейших инструкций. Он явно нервничал и озирался. Я вышла из подъезда и тоже подошла к этой остановке. Около метро «Аннино» даже в воскресное утро хватало людей, но Садко придирчиво осматривал их всех. Я натянула поглубже шапку, замоталась шарфом, взяла в руки пакеты – у меня их было три, все – из «Биллы». С характерным желтым символом, узнаваемые, они притупляли бдительность. Садко скользнул по мне взглядом и отвернулся. Не признал. Значит, хмыря-краснодарца подсылал не он. Когда к остановке подошла маршрутка, я осталась на месте. Потом пропустила еще одну. В какой-то момент я испугалась, что большой автобус так и не придет и я буду стоять тут рядом со своим выпущенным на свободу тигром, пока он не осознает, что я – это я. Но автобус пришел. Я не видела его номера, не знала его маршрута, да это и не было важно. Я сделала пару шагов, очереди не было. Нужно было рисковать.

– Вы на автобус? – спросила я у Садко. Он, кажется, даже не сразу осознал, что я спрашиваю что-то именно у него. – Вы на автобус?

– А? Нет! – Акцент еле слышен, но все же еще есть. То, что у нас называют словом «Кавказ».

– Помогите мне, пожалуйста, с пакетами, – я двинулась на него и сунула ему в руки желтые сумки, набитые газетной бумагой. От неожиданности Садко растерялся и взял пакеты, чисто рефлекторно – по-мужски, не продевая пальцы в ручки, а хватая, как мешок. Затем наши взгляды встретились. Сколько времени нужно, чтобы человек *все понял*? Теория большого взрыва говорит, что вся наша вселенная образовалась за время столь малое, что его придется отщипнуть от самой меньшей доли долей секунды. Что-то там в минус миллионной степени. Для нас в тот момент тоже прошло почти невесомое количество времени. Совсем немного, но мне его все же хватило.

– Идемте, идемте, – сказала я и зашла – нет, запрыгнула – в автобус. Садко – «добрый гость» – нахмурился и пошел вслед за мной.

Глава шестнадцатая. Перекресток семи дорог

План у меня был. Я повторяла это про себя как молитву: «У тебя есть план, Лиза, ты не сошла с ума, у тебя есть план». Какой ни есть, а все же план. Лучше, чем просто орать от страха, когда над тобой нависает широкоплечий мужчина, которого ты видишь впервые и который представляет для тебя смертельную опасность.

У тебя есть план. И полный автобус свидетелей – если что. Вот только – если что? Если меня убьют? Тогда мне будет все равно. Если меня выволокут насильно из автобуса? В этом случае все эти «безмолвные свидетели» тоже мало что изменят. Разве что смогут опознать меня... потом.

Садко смотрел на меня сверху вниз и молчал. Желтые пакеты валялись на полу. Думает, гад, о чем-то. Наркодилер. Черт, он же настоящий бандит, он продает людям героин. Может быть, не сам продает, а только управляет процессом, как эффективный менеджер, но все равно – так даже хуже. Он – часть цепи, в которой я запуталась. Он – ее автор, кузнец своего счастья, золотая антилопа в дубленке.

– Откуда у вас этот номер? – спросил он зло. Это был первый вопрос после долгой паузы. Пассивная агрессия – вот что значило это молчание. Мой «добрый гость» словно ждал, сломаюсь ли я, начну ли плакать и о чем-нибудь умолять его прямо посередине автобуса. Он привык, что его боялись, и не привык делать что-то, не запланированное им самим.

– Это не имеет никакого значения, – ответила я. Голос дрожал. Слова не получились, как задумывалось, ровно идущими одно за другим. «Это» еще вышло кое-как, «не имеет» я прокукарекала высоким тоном, а «значение» прохрипела, словно у меня вдруг началась ангина.

– Я не могу согласиться с вами. Для меня это имеет большое значение. Я вас не знаю, и мне это не нравится. Совсем не нравится. А когда что-то мне не нравится, я это обычно исправляю. Любыми доступными способами. – Голос Садко звучал, напротив, спокойно и уверенно. Низкий тон, большой опыт как в высказывании угроз, так и в их реализации.

– Вы пугаете меня и так, нет смысла стараться усугубить эффект. Я

могу упасть в обморок, и что вы тогда станете со мной делать? – спросила я, вцепившись пальцами в поручень автобуса, как в спасательный круг. Если он потащит меня, я буду держаться до последнего и кричать. Впрочем, крика может и не получиться. В экстремально опасных ситуациях люди часто впадают в ступор, сравнимый с параличом. Я не знаю, как поведу себя, я никогда еще не попадала в экстремальные ситуации, только в идиотские. – Кроме того, в салонах автобусов ведется видеонаблюдение, и если я упаду в обморок, все тут же переполошатся и все это заснимут, и вообще, чего вы выиграете, если запугаете меня до смерти.

– Вы тараторите! – поморщился «гость».

– Это от страха. Я же предупредила. Я не могу это контролировать. Пока я говорю, я вроде как не так боюсь, а если вдруг замолчу, то...

– Кто вас послал? – перебил меня он. Я опешила.

– Никто меня не посылал, я сама пришла. По доброй воле.

– Зачем? – тут мой Садко искренне удивился. От удивления лицо его даже как-то расслабилось и подобрело. По крайней мере, он перестал морщиться и хмуриться. Да уж, к таким людям по доброй воле не ходят.

– Поговорить.

– Поговорить, – повторил он за мной, словно пытаюсь – безуспешно – вникнуть в смысл сказанного мною слова. – Вы хотите поговорить со мной. А вы знаете, кто я?

– Давайте сядем. Ничего я не знаю. Но стоя я вообще ничего не соображаю.

– Отчего бы нам не поговорить у меня в машине? – спросил он без малейшей улыбки. – Там будет удобнее и спокойнее.

– Тут уж я с вами никак не могу согласиться. Мне там будет очень беспокойно и вряд ли удобно.

– У меня удобная машина, – делано улыбнулся он.

– В ней слишком много людей, – ответила я, бросив взгляд в окно автобуса. Я видела его автомобиль с «шариками», он следовал за нашим автобусом неотступно. Садко проследил за моим взглядом, затем повернулся ко мне.

– Даже так? Вы за мной наблюдали? Откуда?

– Из подъезда.

– Какого подъезда? Того дома за шоссе? Он же далеко.

– У меня есть бинокль.

– Бинокль, – снова повторил за мной он. – Хорошо, давайте присядем. Садиться не будем, если не возражаете.

– Я думаю, что понимаю разницу между этими понятиями, хотя для меня они звучат вообще-то одинаково. Как скажете, главное, чтобы в автобусе.

– Тут есть кто-то еще? Кто пришел с вами? – спросил он и внимательно посмотрел на меня. Вот черт.

– Да, как же, скажу я вам об этом. Вы же понимаете, если даже я не одна...

– Вы одна, – уверенно кивнул он и прошел в глубь салона. Я побежала за ним.

– Женщина! – крикнули мне. – Пакеты свои заберите?

– Что? – я обернулась и посмотрела на желтые пакеты.

– Ишь, развели терроризм, – пробурчала старушка, запахнув полу своего пальто поплотнее, словно в случае террористической угрозы это бы ей помогло. Я подобрала пакеты и пошла за своим «злым гением». Мы сели на заднее сиденье – в воскресенье там пустовал целый ряд. Автомобиль с «шариками» пристроился прямо за нами и тихонько «тошил» в правом ряду.

– Как мне вас звать? – спросила я. – Вряд ли вас зовут Иваном.

– Ничего, можете звать меня Иваном, страшного ничего не случится. А я вас буду звать Марьей, если хотите.

– Меня зовут Елизаветой, и я – жена того человека, который должен был вам позвонить по этому номеру примерно с месяц назад. Я думаю, вы понимаете, о каком звонке я говорю.

– Я не знаю, может быть, понимаю, может быть, нет, – пожал плечами «Иван».

– Если бы не понимали, не приехали бы ко мне на встречу – вот так, по одному звонку. Это было бы странно и нелогично – особенно для такого человека, как вы.

– Какого – такого? – заинтересовался он.

– Мне кажется – я, конечно, не уверена, но мне кажется, что ваше время стоит приличных денег. Не говоря уже о стоимости ваших... м-м-м... помощников. Вы бы не поехали на встречу, если бы вам не было интересно, что же стало с партией героина, которую вы ждали тридцать первого декабря прошлого года.

– Вы свихнулись? – прошипел он. – Ничего я не ждал, ни о чем я не знаю. Вы кто? Вы из полиции? Вы хотите проблем? Я вам их создам. Вы у меня в них купаться будете. Думаете, автобус может вас защитить от меня? Жалкая видеокамера и пара старушек вас защитят?

– Знаете, у меня была заготовлена фраза, что если я не выйду из этого

автобуса сама и подобра-поздорову, то ваша фотография автоматически будет переслана в те самые органы, о которых вы только что сказали. Я не из полиции. И я вам не мешаю, я здесь – чтобы передать вам информацию, которой, как я вижу, у вас нет. И это, кстати, довольно странно, что у вас ее нет. Что именно вам сказали? Что машина просто исчезла? Что пропала в пути? Что все отменилось? Так?

– Марья, давайте договоримся, что вы не станете называть вещи словами, которые ранят мой слух, – чуть успокоился мой Иван. Я тоже выдохнула.

– Я – Лиза.

– Мне плевать. Выбирайте слова, пожалуйста, – сказал он, поставив особенно ядовитый акцент на слове «пожалуйста».

– Извольте, расставим акценты. Тридцать первого декабря мой муж был в этой машине, он управлял ею. Он ехал из Краснодара в Москву в полной уверенности, что он просто купил машину. Он понятия не имел, что является невольным...

– Осторожнее...

– Невольным участником уголовно наказуемых действий, так пойдет? – скривилась я.

– И что? Почему вы считаете, что это должно меня интересовать? Вы говорите, ваш муж ничего не знал и вообще ангел, а я ни вас не знаю, ни его и плевать хотел на вас обоих. – Садко говорил тихо, спокойно и зло. Со стороны, наверное, казалось, что мы просто болтаем о погоде. Автобус катился размеренно, не спеша, и подолгу стоял на каждой остановке, запуская в салон морозный воздух. Люди заходили и выходили, радовались выходному, тащили санки, ругались на детей.

– Мне тоже на вас плевать. Вот только кому-то не было плевать на нас обоих. Дело в том, что кто-то из ваших... скажем так, контрагентов сообщил полиции точное место, данные машины и приметы моего мужа – и цель его путешествия из Краснодара в Москву тоже. Так что, когда он приехал в столицу нашей великой страны, его уже ждали.

– Не могли. Наши не могли, исключено, – выпалил Садко.

– Иван... как там вас по вашему фиктивному отчеству... Кириллович, кажется. Поверьте, могли, и, поверьте, сделали.

– Но зачем им это? Они остались без значительных сумм денег, вы же понимаете. Нет поставки, нет оплаты. Это вам не «Райффайзен банк», у нас тут никаких аккредитивов нет.

– Смешно.

– Что смешно? Не вижу я тут ничего смешного.

– Вечером деньги – утром стулья, утром деньги – днем стулья. Ну, Остап Бендер? – в глазах собеседника было только ледяное непонимание. – Что, не смотрели? Не может быть!

– И читал, и смотрел, – отбрил меня он. – Вы хотите, чтобы я поверил, что кто-то сделал такое специально? Не поверю, потому что нет никаких разумных причин.

– Значит, есть.

– Какие?

– Откуда я знаю?! – Я не сдержалась и повысила голос. – Проблема в том, что вместо того, чтобы приехать прямиком к вам, мой муж решил завернуть ко мне – по дороге. И вместо вас арестовали меня.

– Что?

– То! – выкрикнула я. – Кому-то очень хотелось, чтобы вас уложили на холодный асфальт лицом вниз. Прямо в этой вашей красивой дубленке. Может быть, чтобы вас застрелили при оказании сопротивления. Что-то подсказывает мне, что вы бы его оказали. А от меня-то какое сопротивление? Я ж просто ехала за консервированным горошком, понимаете? А теперь должна отдуваться?

– Тише, тише, Марья. Смотри, у тебя щеки красные, у тебя не инфаркт, часом?

– Я Лиза! И да, вполне может быть и он, – согласилась я. – Жарко-то как, словно я пешком через Альпы перешла. – И я принялась стаскивать куртку и свитер, совсем забыв, что под свитером у меня только простая черная майка. Я была неадекватна, совершенно не контролировала себя.

– Господи боже мой, женщина, успокойся! – рявкнул он. – Успокойся, оденься и расскажи все, что знаешь.

Я застыла, затем кивнула и всунула руки обратно в рукава свитера. Это заняло полный автобусный круг – рассказать ему все, что знала. Я вещала, как могла, – сумбурно и несвязно, без логики и со всяческими бессмысленными вставками и отступлениями. Садко больше не давил, не перебивал и не пытался грубить. Он внимательно слушал, как я путано описывала молодчика, поджидавшего меня у подъезда, он пересмотрел все ссылки на копии документов Сережиного дела, которые я получила у Юрки Молчанова, вчитывался в экран моего планшета, слушал мой путанный пересказ истории самоудаляющегося чата. Я переслала все ему.

– И ты не знаешь, где твой муж сейчас? – на всякий случай уточнил он. Я помотала головой.

– Он сказал, что так будет лучше, потому что если меня кто-то захватит – вы или полиция, все равно, – то я не смогу его выдать. И это прямо хорошо, только, если честно, я очень надеюсь, что вы не станете меня захватывать. Если можно, не похищайте меня. Я не уверена, что смогу пережить это. А у меня дети. Никому это не интересно, ни следователю, ни вам, но это очень важно для меня – чтобы у моих детей осталась хотя бы мать.

– Ты опять тараторишь.

– Извините, – прошептала я. И мы оба замолчали. Садко нервно покусывал губы, глядя прямо перед собой, он словно перестал меня замечать. Так прошло несколько минут. Потом он повернулся и спросил меня:

– Чего ты хочешь?

– Чего я хочу? Ничего я не хочу.

– Ты же зачем-то мне позвонила? Ты правильно рассудила, что, раз уж я пришел на эту встречу, значит, это мне зачем-то да нужно. Ну, так ведь ты сама меня нашла. Зачем? Что ты ждешь в обмен на эту информацию?

– Безопасность, – ответила я без раздумий. – Безопасность мне и моим детям. Это ваше дело, ваш мир, я не хочу иметь к нему никакого отношения. Я хочу, чтобы, когда я пойду за консервированным горошком, я до него добралась.

– Безопасность. Ты думаешь, я могу тебе ее дать? После всего того, что ты мне рассказала?

– Я думала, что именно потому, что я все вам рассказала, вы... не станете... и зачем вам...

– Ну, допустим. Может, и не стану. Но безопасность – это ведь понятие комплексное, – загадочно добавил он. – Не все и не всегда зависит от моего желания. Вот, к примеру, мне просто интересно, ты придумала такой ход конем – заманить меня в автобус. А как ты вообще планировала со мной расстаться?

– В атмосфере дружеского расположения и взаимопонимания. Как Путин и Лукашенко.

– Ты смешная.

– Это не самая важная жизненная характеристика, – пожала плечами я.

– Смотри, мы скоро подъедем к конечной станции этого маршрута. Как веревочке ни виться, а скоро дяденька водитель остановит этот кошмар на колесах и попросит всех пассажиров выйти из автобуса. И что ты планировала сделать? Выскочить на ходу? Испариться? Мои парни будут

встречать нас на выходе, потому что они – что?

– Потому что они бандиты? – предположила я.

– Ну, опять ты выбираешь неправильные слова. Потому что мои парни волнуются за меня. Они же понимают, что я вообще-то на автобусах не езжу. Поэтому, стоит мне только щелкнуть пальцами, и ты все же поедешь с нами в моей неудобной машине, в которой тебе так беспокойно.

– И я никак не могу этого избежать? – спросила я. Садко долго молча сверлил меня глазами, а затем отвернулся и еще дольше смотрел на солнечное утро за окном. Я не продумала этого, я не знала, что мне делать. Автобус в самом деле – это не поезд на Кольцевой ветке метро. И что мне делать? Впрочем, чего гадать. Просто возьму и не выйду. Примусь орать благим матом, вцеплюсь в поручень. Буду создавать шум до последнего.

Потом все равно окажусь там, куда меня потащат «шарики». Вот черт.

– Давай так. Пока ты не придумала какую-нибудь еще идиотическую дурь, я тебе скажу, что мы сделаем. Ты сейчас пообещаешь мне, что не станешь делать глупостей, пытаться меня там сфотографировать или запомнить номер машины, на которой я приехал, и вообще забудешь обо мне и вспомнишь только в одном случае. В каком?

– В каком?

– Ну, как ты сама думаешь? Порази меня?

– В случае ядерной войны?

– В случае, если у тебя появится новая неожиданная и интересная информация, которой ты захочешь со мной поделиться.

– Ах, это! Да-да, конечно.

– Вот и отлично. Тогда сейчас на конечной остановке мы выйдем из автобуса вместе, а затем ты зайдешь в него снова и уедешь. И какое-то время будешь в нем ехать. Идет?

– А потом?

– А что потом? – удивился моему вопросу он. – Потом ты свободна, как птица, Марья. Я не воюю с матерями, у которых дети.

– Нет? – спросила я. И еле сдержалась, чтобы не добавить: «Только продаете им героин». Но сдержалась. Это было бы опрометчиво.

– Нет, – покачал головой он и встал. Вместе с ним, словно повинуюсь невесть кем отданной команде, встали и все остальные пассажиры. Я не чувяла под собой ног, а когда оказалась снаружи, на холодном зимнем ветру, чувство паралича стало почти непереносимым. Я хотела двинуться с места, но не могла.

– Что же ты, Марья, давай, иди? – сказал Садко, но я только хлопала глазами. Тогда он подвел меня к остановке на посадку, всунул мне в руки

мои дурацкие желтые пакеты от «Биллы» и посадил в автобус – тот же самый. Я шла по салону как в невесомости. Я приложила проездной к турникету и добралась до заднего ряда сидений. В окне отъезжающего от остановки автобуса я увидела, как Садко подходит к своей машине, как из нее выпрыгивают его дрессированные «шарики» в пуховиках, как они что-то тараторят, глядя на меня, как Садко качает головой, и все они садятся в машину. И уезжают. И оставляют меня в живых. Эта мысль вдруг заставила меня расплакаться – прямо тут, в автобусе. Кто-то подбежал ко мне и спросил, все ли у меня в порядке, а я мотала головой и все повторяла, что я не знаю, не знаю.

Потом я долго ехала на этом автобусе, ни о чем не думая, только глядя в окно – я все высматривала машину Садко. Через какое-то время я поняла, что просто физически не в состоянии выйти из автобуса. Я столько раз в своей практике имела дело с паническими атаками, я отлично знала, что это такое. У меня была клиентка, которая боялась заходить в метро – ей все казалось, что стены там обрушатся и она останется навечно погребенной где-нибудь в районе «Бауманской». Ко мне ходил мужчина, безумно боявшийся умереть во сне. Была женщина, которую бил муж, но боялась она при этом, что случится ядерная война. Я сидела в автобусе и боялась, что Садко передумает и меня все-таки на выходе из автобуса убьют. А поскольку, как профессиональный психолог, я не была уверена, что это – паническая атака, то я приняла единственное решение, которое пришло в мою блондинистую голову. Я достала из кармана телефон.

Глава семнадцатая. Из пункта А в пункт Ж

Не думаю, что он ждал моего звонка – слишком удивленным он был, когда понял, чей голос звучит в его телефонной трубке, кто именно просит его бросить все и приехать. Приехать прямо сейчас. Куда? С этим сложнее, потому что автобус ходит по кругу, и черт его знает, где именно он будет в какой момент времени. Моя сестра Фаина, если бы слышала наш разговор, тут же влезла бы и заметила ехидно, что нельзя вот так, запросто, найти одновременно точку и в пространстве, и во времени. Либо мы встретимся в каком-то месте, либо в такой-то час, невозможно спрогнозировать и то и другое, учитывая особенности движущегося объекта – то есть меня. То есть автобуса. То есть меня в автобусе и автобуса во мне. Мы с автобусом были – как замысловатое «дано» в задачке по макрофизике, которую так хорошо понимали оба – и Фаина, и Капелин. Не я. Я просто двигалась во вселенной, находясь внутри автобуса, и боялась из него выходить.

– Что-то случилось? – спросил Капелин после слишком уж затянувшейся паузы. Его голос был странным, с прохладцей, словно он был мне не рад.

– Ну... типа того, – пробормотала я. – Хотя, с другой стороны, не знаю. Вроде нет. Ладно, извини, я просто... как сказать-то, господи. Извини, что побеспокоила. Все это бред какой-то, я разберусь сама.

– Я приеду, – коротко ответил он за мгновение до того, как я нажала бы на отбой. В его голосе тепла при этом не прибавилось.

– Не надо, не стоит, – принялась отказываться я.

– Куда приехать? Можешь объяснить точнее? – Капелин правильно понял, что мой отказ можно безбоязненно проигнорировать. – Ответь мне, пожалуйста.

– Да не могу я, в том-то и дело. Ты можешь сделать то, что я прошу, не задавая вопросов, на которые невозможно вот так запросто ответить? – спросила я, глядя за окно. Машин на дорогах становилось все больше. Некоторые, похожие на передвижные сугробы, выезжали с прилегающих улиц. В такую погоду да в такой месяц, как февраль, многие устают отчищать машины от бесконечного снега. Прореживают, расчищают обзор, зеркала и оставляют густую снежную шапку сверху и на капоте. Этот снег слетает с машины сам, стоит той набрать скорость. Снеговые метеоры на Варшавском шоссе.

– Почему у тебя их нет, ответов? – спросил Капелин.

– Они есть, но тебе я их не могу дать. Понимаешь? Просто это не те ответы, которыми можно поделиться. Ты можешь просто не приезжать, Герман. Я зря, зря тебе позвонила, я уже сказала.

– Что за автобус, какой номер? Какой маршрут? – пробормотал он. Дальше он задал еще несколько вопросов – сухо, по-деловому, словно пытаюсь побыстрее закончить разговор. Я знала, что он приедет, я была уверена, хотя и не могла понять и, уж тем более, объяснить, на чем основывается моя уверенность. Наверное, на том, с какой теплотой его в нашем доме принимала мама, как папа его любил. Мнение моих родителей я умножала на десять. Герман никогда не подведет, никогда не откажется помочь. Даже если он презирает человека. Просто ради человеколюбия и, возможно, тоже – по старой памяти.

Он приехал всего через двадцать минут – в воскресенье Москва уменьшается втрое из-за отсутствия пробок, такой вот еще один пространственно-временной парадокс. Блестящая черная машина сияла на солнце, и в первый момент я даже не узнала ее. Так мало машин в городе было чистых. Черный автомобиль поравнялся с автобусом, некоторое время дергался – Герман пытался понять, правильный ли это автобус. Затем он нашел меня среди других пассажиров, пересмотрел лица всех людей, сидящих у окна, кивнул мне и скинул скорость, обходя автобус сзади.

Пора выходить. Они же не тронут меня, если рядом со мной будет Капелин?

– Ты выглядишь ужасно, – сказал мне Герман, встречая меня на выходе из автобуса. Его машина стояла, брошенная на аварийке, позади автобуса. Герман не улыбался, не кокетничал, он просто сказал то, что думал. Что я выгляжу ужасно. Я же застыла на последней ступеньке, пытаюсь разглядеть окрестности. Вдруг Садко и его братва где-то тут? Вдруг они не пожалеют и Капелина? Глупо, глупо, зачем бы тогда он оставил меня одну в автобусе? С другой стороны, если бы он захотел захватить меня прямо тогда, пришлось бы меня выволакивать из автобуса силком. А так – я выхожу сама, подобра-поздорову и своими собственными ногами.

– Спасибо и на том, – сказала я. Герман кивнул, подал мне руку и буквально подтянул к себе. Автобус закрыл двери и уехал, и в какой-то момент я почувствовала себя какой-то космической сиротой – без автобуса.

– Пойдем, а то холодно. У тебя есть шапка?

– Что? – Я приложила руки к голове и только в этот момент поняла, что шапки нет. Она осталась в пакетах, которые я оставила в автобусе. Скоро кто-нибудь из пассажиров заметит неопознанные желтые объекты и начнет паниковать. Позовут шофера, потребуют полицию, минеров, прессу, найдут меня и обвинят в терроризме. Найдут мою шапку.

– А где дети?

– У мамы, – ответила я.

– Может быть, расскажешь?

– Нет, не расскажу, – помотала головой я. Капелин был как из другой жизни, герой какой-нибудь рождественской рекламы. В безразмерном бежевом свитере «в косичку», в черных джинсах, растрепанный, он уверенно вел машину, и запах новой кожи салона сводил меня с ума. Благополучие и безопасность, безопасность, которой у меня нет. Я даже сейчас подвергаюсь опасности и подвергаю ей Капелина.

– Куда тебя отвезти? – спросил он. Я задумалась. На этот вопрос у меня тоже не было ответа. Я так много сил потратила на то, чтобы продумать эту встречу с наркодельцом, я так сильно боялась за свою жизнь, что ничего дальше момента выхода из автобуса для меня словно не существовало. С другой стороны, кто знает, вдруг Садко не врал, когда говорил, что не воюет с матерями. Может быть, мне не стоит бояться его хотя бы сейчас?

– Любой торговый центр, – попросила я.

– Хоть вот этот? – уточнил Капелин, и я обнаружила, что мы едем мимо большого здания с множеством типичных вывесок. Я не хотела выходить так быстро, но, с другой стороны, этот торговый центр был ничем не хуже любого другого. И не лучше. Посидеть, раствориться в шуме, разговорах и смехе, в запахах жареных гамбургеров и картошки фри, подумать. Да, мне нужно подумать. Позвонить Фаине или, еще лучше, написать ей через секретный чат. Я запустила бомбу под названием «Садко», осталось подождать и посмотреть, кто на ней подорвется. И не зацепит ли меня.

– Этот вполне подойдет, – кивнула я. Слова получались у меня с трудом, состояние было странным, словно я не спала пару дней. Все замедлилось и давалось с трудом, с дополнительными усилиями. Капелин посмотрел на меня так, что я вдруг поняла – он же в бешенстве. Его можно было понять. Он резко свернул, продолжая на меня пялиться, словно прожигая дыру в моей совести, и мы заехали на парковку. У шлагбаума мы остановились, Капелин опустил стекло и взял пропуск. Медленно мы

въехали на территорию, я даже не знала, что это за центр, где именно он находится, как далеко от метро и от какого метро. Неважно, это все неважно.

– Так нормально? – процедил сквозь зубы Герман. Я кивнула. На «спасибо» меня не хватило, я взялась за ручку двери и вылезла из машины. Теплый воздух тут же был уничтожен одним порывом холодного ветра. Плохо, что я потеряла шапку. Впрочем, до входа в торговый центр всего несколько шагов. Я сделала один, второй... и почувствовала, как меня хватают за локоть. Я подпрыгнула, рванулась и только потом обернулась. Рядом стоял Капелин – без куртки, тоже без шапки, только в своем огромном бежевом свитере. Губы моментально посинели. Холод, февраль.

– Черт, да что с тобой, Лиза? Постой ты уже, – сказал Герман, поднимая обе руки в жесте капитуляции. – Сдаюсь, сдаюсь. Садись-ка ты обратно в машину.

– Что? Зачем?

– Давай, давай. Без разговоров, – и он обошел меня, снова открыл мне дверь. Я замешкалась.

– Не обязательно меня спасать, Герман, серьезно. Я... спасибо, что довез, но я могу сама. Я понимаю, почему ты злишься. Я не хотела портить тебе утро, тем более воскресное. Конечно, это невообразимая глупость – встречать кого-то у автобуса. То есть тебе, должно быть, кажется, что это невообразимая глупость. Ты просто пойми, у меня были на это свои причины.

– Причины?

– Ну... а ты можешь вообще просто забыть обо всем этом и поехать, продолжать свой выходной так, словно я тебе вообще не звонила?

– Ты думаешь, я из-за этого на тебя злюсь? – спросил – нет, почти в истерике расхохотался он. – Из-за того, что ты испортила мне воскресенье?

– Утро воскресенья, – добавила я ради справедливости. – А что? Нет, не из-за этого?

– Я что, похож на человека, который будет беситься из-за такой ерунды? – спросил он. Нет, я знала, что нет. Он приехал бы ко мне, если бы я попросила его забрать меня из коровника в Тверской области, если уж на то пошло. Он никогда бы не высадил меня вот так на парковке из-за испорченного выходного, Герман был из тех людей, которые никогда осознанно не причиняют другому человеку боль. Только если на это есть серьезная причина.

– Почему ты злишься на меня, Герман? – спросила я наконец.

– Садись в машину, Лиза. Поговорим по дороге, – и он синхронно взмахнул обеими руками в гостеприимном жесте «проходите, гости дорогие». Я села обратно и закрыла глаза. На самом деле я не очень хотела о чем-то говорить. Я просто хотела сидеть в этом уютном тепле, тем более ценном, чем ближе к тебе, буквально в сантиметре через тонкую перегородку металла, холодный и опасный мир. Герман включил радио – какая-то «говорилка», по которой рассказывали об особенностях эволюционного пути некоторых видов животных в условиях изоляции Австралии. Белый шум. Естественный отбор. Герман молчал. Минут через пятнадцать мы заехали во двор какого-то дома. Дом был достаточно старым, кирпичным, этажей в девять или десять, а улица – смутно знакомой. По ощущениям мне казалось, мы находимся где-то в районе проспекта Вернадского. Я не стала ни о чем спрашивать, хоть мне и очень хотелось. Герман припарковал машину около подъезда, прямо на разлинованной красным пожарной зоне – сейчас все так делали и плевать хотели на штрафы и проблемы с правилами. Москва, своя специфика, своя атмосфера. Каждый вечер, оставляя машину, рискуем ее утром не найти. Штрафная парковка – десять тысяч, не меньше. Один мой клиент рассказывал мне о том, как искал свою машину по городу после того, как на пять минут оставил ее около Киевского вокзала. Уверена, что про пять минут он мне врал.

– Пойдем, Лиза. Давай-ка я тебе помогу, – и Герман подал мне руку. Мы молча подошли к подъезду, Герман открыл дверь ключом от домофона, пропустил меня вперед, затем, перед тем как закрыть дверь, он вытянул руку и нажал на кнопку брелока. Сигнализация пиликнула.

Дом был не просто старым, но и ухоженным на старый, советский манер. В холле первого этажа стояли цветы в кадках, и не искусственные, а живые. На стенах висели картинки – дешевые фотокопии классических работ в рамках для фотографий. Рамки разные, подбирались по принципу – что в доме не нужно. На тумбе для рекламы, что стояла под почтовыми ящиками, сидел строгий, насупившийся и потрепанный жизнью плюшевый медведь. Ждал, но так и не дождался нового хозяина?

– Ты себя нормально чувствуешь, Лиза? – спросил меня Герман, пока мы ждали лифт. Я кивнула. – Ты ужасно выглядишь. И молчишь.

– Ты это уже говорил, – слабо улыбнулась я.

– Мне хочется показать тебя врачу.

– Не самая плохая идея, – согласилась я. – Психиатру. Я, кстати, одного даже знаю. Он меня уже смотрел, вроде сказал, что все в норме.

– Это было до или после того, как ты отказывалась выходить из автобуса? – усмехнулся Герман. – Проходи, пожалуйста, располагайся.

– Чувствуй себя как дома? – спросила я, следуя, скорее, рефлексу. Герман раскрыл старую, обитую бордовым дерматином, дверь. Квартира была тоже такой, что представить, что в таком месте может жить Герман Капелин, было невозможно. Скорее, тут жили старые люди, жили много лет и привыкли жить одним-единственным, давно уже устоявшимся циклом. Утро – день – вечер. Старый телевизор «Sony» – один из первых цветных. Огромный ковер на полу. Болгарская стенка. В кухне не было даже микроволновой печи, зато занавески были подвязаны лентой, бежевые с ярко-красными клубничинами. Самая мода – годы так в девяностые.

– Это квартира моей мамы, – пояснил Герман, перехватив мой растерянный взгляд. И тут же добавил: – Нет, не волнуйся, тут никого нет. Мама умерла пару лет назад.

– Ох, сочувствую.

– Да, – Герман только кивнул. Он сбросил ботинки, помог мне снять куртку, дал мне тапочки – смешные, фиолетовые, с такими же фиолетовыми помпончиками.

– Сколько ей было? – спросила я и получила в ответ удивленный и даже немного оскорбленный взгляд. О таком не спрашивают, о таком принято молчать, чтобы якобы не сделать человеку больно, но на деле это как проскользнуть взглядом мимо человека в инвалидном кресле, обрекая его на удел человека-невидимки.

– Я ведь совершенно ничего о тебе не знаю, – ответила я, просовывая ноги в тапочки. Герман улыбнулся и склонил голову, словно я была смешным ребенком и выпалила какую-то наивную детскую нелепость.

– Мама умерла молодой.

– Это самое ужасное. Смерть всегда ужасна, но безвременная ужасна вдвойне, да? Что случилось?

– Ты спрашиваешь из вежливости, что ли?

– Из вежливости я бы молчала, разве не так? Нет, я хочу знать, Герман.

– Ты странная, все-таки ты очень странная. Совсем не такая, как...

– Как что? – удивленно переспросила я, но Герман вдруг отвернулся и задумчиво принялся копаться в своем холодильнике. Затем он повернулся и вздохнул.

– Она заболела. Я был в Израиле, а она тут болела. Можешь себе

представить?

– Это ужасно, очень тяжело, – пробормотала я, но Герман отчего-то совсем не казался удовлетворенным моим ответом. Напротив, он ждал чего-то еще, он был зол, сжал зубы и смотрел на меня с непонятным обвинением во взгляде.

– Что – тяжело? Ухаживать за смертельно больной матерью? Я не знаю, я понятия не имею, каково это. Мне позвонили, когда уже было не нужно ни за кем ухаживать.

– Тебе не сказали? – я закрыла рот рукой. – Как так? Почему?

– Вот именно, почему не позвонить единственному сыну? Но нет, она запретила. Она болела одна и ничего мне не сказала, можешь себе представить? Она, видите ли, не хотела меня отвлекать, она не хотела, чтобы я вернулся и взял на себя груз, понимаешь?

– Я... понимаю, наверное, – пробормотала я, мотая головой. Герман отвернулся.

– А я не понимаю. Это было не нужно, эта безумная ложь во имя чего-то непонятного, эти «у меня все в порядке». Это не любовь, это – я даже не знаю, что. И не могу найти этому название. Чтобы я не страдал? Ну я все равно страдал. Только меня словно обухом огрели по голове. И никакой возможности что-то исправить. И все, что я чувствую в этой связи, – это злость. До сих пор. Хотя уже прошло столько времени, но это пресловутое умиротворение не наступает, потому что, знаешь ли, это было мое дело. И я должен был решать, нести этот груз или нет, – он вдруг с силой захлопнул холодильник.

– Любовь иногда толкает людей на необъяснимые поступки, – тихо сказала я. Герман шумно выдохнул, потер ладонями лицо, а затем выпрямился и попытался улыбнуться.

– Я не знаю, зачем я тебя еще всем этим нагрузил. Видишь, я не смог не рассказать. А она молчала целый год. Вот – опять. Ладно, не важно. Извини.

– Я сама хотела этого, да? Так что нечего извиняться. Зато теперь я знаю тебя лучше.

– А до этого я был – просто один из толпы восторженных почитателей твоего отца, так ведь? – поддел меня Герман, явно пытаюсь сменить тему.

– Ты его восторженно почитал? – усмехнулась я.

– Его все восторженно почитали, а ты нет?

– Не знаю. Я любила его как отца, но восторженно почитать... я так ненавидела всю эту вашу катавасию с физикой. Вы меня усыпляли. Как начнете бубнить, так никаких сил, сразу спать хочется.

– Физика вообще-то совсем не скучная, – обиделся Герман. – Точные науки на сегодняшний день – это практически новая форма религии, только такая, где если правильно прочитать молитву, то результат обязательно совпадет с ожиданиями. И свинец обязательно превратится в золото – если соблюдать идеальные условия эксперимента.

– Я уже зеваю, – предупредила я, и Герман в шутку «в ужасе» прикрыл рот рукой.

– Нет-нет, не засыпай, это я так – шучу. Лекции не будет.

– Точно? А то мне, может, лучше сбежать?

– Не нужно только убежать, пожалуйста. У меня хоть ноги и длинные, но бегаю я медленно. И вообще неспортивен.

– А у нас в семье из спортивных людей только Файка с ее бадминтоном, да и то эта напасть с ней случилась около года назад, не больше.

– Бадминтон? Это что за зверь? Который на даче летом, воланчики там, птички?

– Если бы, – хмыкнула я. – Видела я пару раз этот их бадминтон. Безумная игра, хуже боев без правил.

– Серьезно? Мы говорим об одной и той же игре? Той, где такие ма-а-аленькие воланчики, а по ним стучат такими то-о-о-оненькими ракеточками?

– Он самый. Файке однажды этим ма-а-а-аленьким воланчиком так залепили в щеку, что она три дня с отеком ходила и неделю с синяком.

– Ужас какой.

– Ага, ужас. Хотя для Файки не так уж... вообще забавно даже, – сказала я и расхохоталась. Герман смотрел на меня с удивлением и непониманием, пока я смеялась. Как объяснить, что моя сестра Фаина, самое мирное на земле существо, стабильно получает фингалы, причем самым дурацким и не свойственным людям образом.

– Отсмеялась? – недовольно пробубнил Герман. – Пельмени будешь?

– Пельмени? – переспросила я. В животе бурчало, я вспомнила, что вообще не ела со вчерашнего вечера. – Буду пельмени. Хоть слона буду.

– С кетчупом, с майонезом или со сметаной?

– Слона с кетчупом?

– Или сметаной, или майонезом, – кивнул Герман, наливая из кувшина воды в стеклянный стакан. Не знаю, как он догадался – я умирала от жажды. Герман протянул мне стакан воды.

– Господи, такой широкий выбор, что просто голова идет кругом, – я жадно выпила воду. – Со сметаной.

– Отлично, значит, весь кетчуп – мне. У меня как раз осталось всего ничего, – Герман залил в кастрюлю воду и поставил ее на огонь. – Пустой холодильник.

– Бедняжечка ты, – хмыкнула я и вспомнила, как у меня дома Герман аккуратно намекнул мне на то, что не женат или, во всяком случае, больше не женат. Свободный мужчина, возможно, интересующийся мной. Меня бросило в жар. Как все в жизни не вовремя, неправильно, словно кто-то наверху специально сидит и подгадывает, как бы устроить все так, чтобы людям усложнить жизнь. Я смотрела на Германа, плавные, умелые движения его рук. Спокойствие, безмятежность. Простота.

Он посолил воду, бросил в нее лаврушку, затем достал из шкафчика пару тарелок, коробку с чаем, чашки, ложки, даже рулон бумажных полотенец вместо салфеток. Герман Капелин жил тут один, это было видно по тому, как легко и непринужденно он орудует хлебом, овощами, приправами. Женатые мужчины на кухнях вели себя как туристы, Герман был аборигеном.

– Можешь даже забирать весь майонез, – рассмеялась я. – А когда ты мне все-таки скажешь, что тебя так разозлило сегодня, что ты меня чуть посреди улицы из машины не выкинул?

Герман вздохнул так, словно этим вопросом я его немало огорчила.

– Я даже не знаю уже, стоит ли вообще говорить об этом. Так хорошо сидим.

– Ага, то есть теперь ты хочешь что-то от меня скрыть? И каковы мотивы? Цели? – нравоучительно спросила я. Учительница географии, ни дать, ни взять.

– Как всегда, добиться правды... от девушки, которая меня так удивляет, – добавил он, и снова знакомый удар в лицо, словно я слишком близко стояла к пышущей жаром духовке, открывая дверцу. Такие вещи не нуждались в пояснениях, они просматривались сквозь любые выражения лиц, как видно улицу через редкие доски дачного забора. Я нравилась ему. Я удивляла его. Я сидела у него на кухне и ждала пельменей.

– Какой именно правды ты хочешь от меня добиться? – спросила я. Герман помедлил, прикусил верхнюю губу, но затем решил:

– Ты хоть знаешь, что ты – звезда экрана?

– Что? – сказать, что я не ждала этого вопроса, – это ничего не сказать.

– Да, Лиза. Ты тут стала звездой программы «Чрезвычайное происшествие».

Жар совершенно иного рода заставил меня вытереть пот со лба. Тьма сгущается, и уже слышна тяжелая поступь всадников апокалипсиса.

– И ты, и, между прочим, твой муж, – акцентом в этом предложении стало слово «*твой муж*».

Глава восемнадцатая. Чрезвычайное происшествие

Все тайное становится явным. Так меня учила мама (но не папа, что довольно забавно), так писали в книжках, да и, чего греха таить, так получалось рано или поздно со всеми моими знакомыми, которые пытались врать или, к примеру, скрывать оценки. Я могла ожидать этого, у меня были все поводы, все основания, я даже помнила людей, которые сопровождали группу захвата с камерами в руках.

Но я оказалась совершенно не готова к тому, как все мое тайное окажется сюжетом телепрограммы, которую покажут на всю страну.

Меня застигли врасплох. На экране моего телефона крутился ролик из последнего выпуска ЧП, крутился уже в третий раз. На нем грязная машина серебристого цвета небрежно вихляет по практически пустой дороге, двигаясь вперед на явно ненормальной, запрещенной скорости. Затем машина влетает в отбойник, из нее выпрыгивает темная фигура мужчины – кадр слишком мелкий, чтобы разглядеть черты его лица. Сережа, мой муж, галопом уносится вдаль. Дальше группа захвата, следуя хорошо знакомому мне сценарию, захватывает меня.

Дежавю. Видеоролик с нами шел сразу после сюжета про очень пьяную девушку, хамившую полицейским, а после нас в ЧП показывали коррупционера. Я это хорошо запомнила, потому что, перематывая, я постоянно перескакивала то на одно, то на другое.

– Что именно ты там хочешь увидеть? – спросил наконец Герман. – Это ведь ты, да? Я не перепутал, не ошибся? Тут слишком хорошо видно твое лицо.

– Слишком хорошо, – согласилась я.

– Сказали, что вы перевозили крупную партию наркотиков. Это правда?

– Не такую уж и крупную, – пробормотала я. Герман вытаращился в немом и неподдельном изумлении.

– Шучу, – хмуро добавила я, снова перемотав ролик на начало.

– Шутишь? Нет, в самом деле, ты просто непередаваема, Лиза Ромашина.

– Я – Лиза Тушакова, – зачем-то поправила его я. – Как ты сам понял из просмотренного видео, я замужем. Замужем за наркоторговцем. Я и сама – наркоторговец, просто не так хорошо бегая, как мой муж. Как видишь, он у меня – очень спортивный товарищ, в отличие от меня. Я-то не убежала.

– Ты говоришь так, словно я тебя задел чем-то, – возмутился Герман. – Словно это я тебе соврал, а не ты мне.

– Я не врала тебе, – сказала я.

– Нет?

– Нет, я просто не все тебе сказала, разве не так? – спросила я, продолжая смотреть видео. Герман настолько опешил, что замолчал, будто я его поставила на беззвучный режим. Он прошелся по кухне, потом заметил, что пельмени кипят и вода проливается прямо на плиту. Он подбежал и схватился за крышку, чтобы снять ее, но она оказалась слишком горячей. Герман вскрикнул от боли и выронил крышку. Грохот и разрушения.

– Почему ты мне ничего не сказала? – спросил он после долгой паузы. Я оторвала взгляд от телефона и посмотрела ему в глаза. Интересно, Фая уже видела этот ролик? А мама? И ее этот новый бойфренд? Звезда. Люба – звезда ю-туба.

– А почему я должна была тебе что-то говорить? – спросила я наконец. – Разве ты спрашивал меня о чем-то? Я не помню такого, мне кажется, этого не было, или у меня склероз?

– Нет, Лиза... Тушакова. Никакого склероза. Если ты так ставишь вопрос, то ты права. Я тебя ни о чем не спрашивал.

– Ты меня ни о чем не спрашивал, а я ни о чем не спрашивала у тебя. Потому что у меня свои проблемы и, как ты видишь, их у меня хватает. Я понятия не имею, как с ними разобраться, я из автобусов боюсь выходить. Ты не знал, что я замужем, но ведь двух детей ты не мог не заметить, а у них должен быть какой-то отец. Но разве это мешает нам выпить чаю или вспомнить старые добрые времена? Нет, не мешает.

– Ты права! – выкрикнул он. Я вздрогнула от неожиданности.

– Я права?

– Да, ты права, черт тебя дери. Не хотел я ничего знать. Но теперь-то я знаю.

– И что? – невозмутимо пожала плечами я. – Что это меняет? Чего ты хочешь от меня?

– Чего я хочу от тебя?

– Да, Герман. Чего... ты... от... меня... хочешь? Потому что я этого не понимаю, хоть убей. Ты – как привидение из прошлого. Материализовался из ниоткуда в самый неподходящий момент и напомнил мне о той жизни, которая для меня кончилась, понимаешь? Кончилась навсегда.

– Не понимаю.

– И не поймешь. Потому что некоторые вещи люди делают по самым странным и нелепым мотивам. Люди слабы. Люди болеют и умирают, люди совершают одни и те же ошибки, их надо жалеть, им нужно давать скидку, от них нельзя требовать многого – они и так постоянно идут на пределах своих возможностей. Все эти нелепые аргументы про правду – они ничего не значат. Никто в нашем мире не ищет правды и не делает того, что нужно. Все делают только то, что могут, или даже меньше. Люди разбивают друг другу сердца и разбиваются сами, хотя все, чего они хотели, – немножко счастья, хотя бы такого, которое можно купить за деньги. А самое ужасное, что счастье это так быстро улетает и исчезает. И ничто никогда не повторяется. И не начинается заново, потому что причины и следствия уже сложились в свои цепочки. Как ДНК, знаешь? Мы никогда не начинаем с чистого листа. Я ничего не могу поделаться с этим, и ты тоже ничего не можешь поделаться. И никто не может, уж прости. Да, я замужем. В данный момент у нас с мужем некоторые проблемы в браке. Хотя бы потому, что он в бегах, он скрывается от полиции. Но я, знаешь ли, ему *даже не изменяю*, так что не пойму, чем я виновата перед тобой и почему, черт возьми, я должна была говорить об этом тебе!

– Лиза... я... ты успокойся, пожалуйста. Я не это хотел сказать. Я...

– Нет? Не это? А что? – выкрикнула я. – Что именно ты имел в виду? Что я была недостаточно откровенна с тобой? Что не рассказала о моем маленьком бизнесе с героином?

– Я... не важно. Не это, – он нахмурился, что-то явно вертелось у него на языке, но говорить это он все-таки не стал. Помотал головой, как будто стирая предыдущее сообщение из своего ментального «telegram». – Все это не важно. Скажи, тебе нужна помощь? Тебе или твоему мужу? Может быть, вам нужен адвокат? Тебе кто-то угрожает? Почему ты боялась выходить из автобуса?

– Нет, Гера, нет. Мы так не договаривались. Мы с тобой – совершенно чужие люди, и я не собираюсь вмешивать тебя в дела, к которым ты не имеешь никакого отношения. И если уж мне понадобится адвокат, так я сама себе его найду, – почти выплюнула я. – Потому что я ж такой наркоделец, что ни один суд в мире не усомнится.

– Лиза!

– Нет, постой, Гера. Остановись и пойми, мне не нужна твоя благотворительность. Да, мой папа тепло к тебе относился. И да, ты хороший человек. И мне нравишься, если уж хочешь знать. И сейчас нравишься, и тогда нравился.

– Что?

– И это удивительно, что ты готов бежать и спасать страждущих, помогать мне, решать мои проблемы. Даже если я замужем. Но дело в том, что я не желаю, чтобы ты мои проблемы решал.

– Но ты мне позвонила.

– Я ошиблась.

– Значит, ошиблась, да?

– Да, – упрямо выдала я. – Я вообще часто ошибаюсь, причем как по всяким ерундовым поводам, так и по-крупному. Такая уж я, не умею принимать правильные решения. Не умею нормально позаботиться о себе. И вообще, знаешь, что? Мне пора, Гера. Спасибо, что забрал меня с автобуса.

Я бросилась к выходу.

– Подожди, Лиза, – Герман попытался перекрыть мне путь в прихожую, и мы застряли в коридоре, два возмущенных, тяжело дышащих человека, которым хочется что-то сказать друг другу, но сказать, по сути, нечего. Я замужем, Гера теперь знает об этом. И как же быстро, почти мгновенно, приговорил меня Гера Капелин – осудил и повесил табличку преступника на грудь. «Наркаторговка Лиза Ромашина». То есть Тушакова, конечно.

Мы ничегошеньки, ничегошеньки не знаем друг о друге. Вот и стоим – и молчим. И только прожигаем друг друга взглядами, за которыми – простой и никому не нужный факт. Мы, кажется, сильно нравимся друг другу. И что теперь? Целоваться, что ли?

– И не звони мне больше, Гера. Ничего хорошего не выйдет. Не пойду я с тобой на санках кататься в Крылатское, – сказала я, пригибаясь, чтобы проскользнуть под его рукой. Высокий рост – большая проблема, когда нужно быстро кого-то поймать. Я вышла в коридор, давась слезами. Глупость, какая глупость, что он мне так нравится. Я столько лет гонялась за своим мужем, что забыла о том, что можно чувствовать вот такую безумную и бездумную, почти животную тягу к другому человеку. Еще минута – и я бы сама осталась, и сдалась бы, и стала бы «ему изменять»,

говоря о Сергее. Мне не нужна была невиновность, мне не нужна была моя правота, и с некоторых пор я не слишком ценила честность, за исключением, разве что, честности с самой собой.

Я бежала так быстро, как только могла. Я бежала, чтобы упасть от усталости, бежала до того, что в моих легких что-то разрывалось на части, и мне стало трудно дышать, и я закашлялась. Я бежала, пока могла физически передвигать ногами, и чем хуже мне становилось, тем дальше уходил образ Германа Капелина. Глупая, глупая Лиза – думай. Ты играешь партию в шахматы, где фигуры соперника тебе вообще не показывают. Любое неверное решение, любой неверный ход – и ты проиграла.

Возможно, ты уже в патовом положении. Видео из программы – что-то с ним не так.

Что-то меня в нем беспокоило. Беспокоило, но ускользало от меня, как ключ к загадке, которую я уже слышала и даже разгадывала, но наотрез забыла ответ. На дороге я поймала такси. Говорливый водитель сокрушался, что от Вернадского до моего дома в воскресенье так близко, что хоть плачь. Я отдала ему последние двести рублей и вышла из машины на повороте. За такие деньги водитель отказался заезжать во двор. Мол, потом замучаешься у вас тут разворачиваться. Машины стоят в три ряда, как булки в кондитерской, не пройти, не проехать. Как мало иногда нужно, чтобы определить весь ход событий. Если бы он довез меня до подъезда, все, возможно, пошло бы по-другому. Но водитель оказался жадноватым, и я завернула во двор, как говорится, на своих двоих. И увидела то, что никак не ожидала увидеть. То, отчего я моментально поледенела от ужаса.

Я увидела у себя во дворе грязную «бэху» с мятым крылом, а рядом с ней аккуратный, чистый вишневый «Опель». Я заорала от ужаса и бросилась вперед, к подъезду. Из «бэхи» выскочил и бросился мне наперерез один из «шариков». У меня почти не было времени. Все мое преимущество было – курам на смех. Они ждали меня у подъезда, я увидела их с поворота. Я рванула прочь, на ходу набирая телефонный номер Геры, но не успела дозвониться адресату. Меня догнали, телефон был вырван из моих рук, брошен на асфальт, растоптан в яростном припадке, диком первобытном танце инстинкта. «Дерись или беги». «Шарик» схватил меня, он заломал мне руку – до боли, до искр из глаз, а когда я заорала, схватил меня за лицо ладонью так, что я еле-еле смогла

дышать. Его ладонь пахла сигарным дымом и чем-то еще, незнакомым, неприятным.

Эти люди пришли, чтобы нас убить. Нас убить. Нас. Не меня, а нас. Кто приехал ко мне домой на аккуратном «Опеле» Игоря Апреля? Фаина? Фаина с Игорем? Фаина с Игорем и моими детьми?

Через секунду я оказалась на земле – вот ирония – снова лицом вниз, и с кем-то, кто удерживал меня, вдавив колено в мою спину. Я дергалась из последних сил, но все, что мне удалось, – это разглядеть, что мой «шарик» был смертельно напуган, его лицо искажала гримаса ужаса, и что у него было сильно, в кровь разбито лицо.

Глава девятнадцатая. Размер имеет значение

В этот момент я потеряла сознание.

Когда я снова нашла его, я сидела связанная, с каким-то куском грязной тряпки в качестве кляпа во рту, с жутким мешком на голове. Наверное, со стороны я напоминала киношных заложников террористов. Изнутри, из мешка, все выглядело иначе. Я была буквально раздавлена природным инстинктом, я не могла драться, я не могла убежать. Я хотела кричать и давилась собственной слюной.

– Тише там, – сказал кто-то мне, когда я попыталась освободиться. Бесплезные усилия. В машине было тесно, много людей. Полная «БМВ» «шариков». Я попыталась выровнять дыхание и успокоиться, чтобы не потерять сознание снова. Я представила себе полную комнату шариков – обычных воздушных шариков – и принялась их лопать. Они взрывались с характерным хлопком. Если держать мысли на привязи, то почти не страшно. И почти не хочется знать, куда мы едем.

– Не кури тут, – недовольно бросил кто-то, голос глухой, как будто издадека. Я не чувствовала запах дыма. Это, наверное, из-за мешка. Интересно, нас хоть кто-то хватится? Кто-нибудь сообщил полиции о нашем захвате? Соседи ведь должны были все видеть, все-таки я орала так, что любой бы выглянул в окно. Как резаная я орала. Наверняка полдома смотрело на то, как меня впечатывают в мерзлый февральский снег, как волокут к машине с мятым крылом, как я сопротивляюсь изо всех сил.

Меня неожиданно швырнуло в сторону, и я навалилась всем своим неуклюжим телом на чье-то еще. Я была тяжелой и не могла сама выправиться и сесть нормально. Когда ты связан, ты теряешь баланс, теряешь способность пользоваться своим телом с легкостью. Даже если связаны только руки, это мешает ходить. Это заставляет чувствовать себя вещь, это унижает.

– Поттише на поворотах, – сказал тот, кто сидел рядом со мной. Машина притормозила, а затем и вовсе остановилась. Мы доехали. Похитители, видимо, совершенно не волновались относительно того, что я могу увидеть что-то лишнее, потому что кто-то из них снял с меня мешок.

Это был не тот «шарик» с разбитым лицом. Кто-то другой, кого я не видела.

– Эй, жива? Будешь себя правильно вести? – спросил он, и я замычала в ответ. Мне повезло, что у меня во рту был кляп, потому что то, что я мычала, явственно показало бы, что вести себя я не буду. Не собираюсь.

– Давай, помоги мне вторую вытащить, – сказал кто-то, и я резко дернулась, чтобы развернуться. Я сидела в середине на заднем сиденье. Рядом со мной сидел тот, кто с разбитым лицом. А с другой стороны – все еще без сознания – моя родная, любимая сестра Фаина. Слезы брызнули из моих глаз, и инстинкт в который раз взял верх. Я билась и кричала – прямо так, в кляп. Бессмысленно, но я просто не могла остановиться. Это было мое «дерись». Бежать было уже просто некуда. Фаина была взята в заложники моей глупости. Игоря с нами не оказалось, но я еще не знала, хорошо это или плохо. Я ничего не знала.

Нас вытащили на улицу. Я успокоилась только после того, как второй «шарик», тот, без разбитого лица, спокойный, бритый, с татуировкой молнии на виске, ударил меня коленом в живот. Уже спокойную, меня втащили в дом. Я поняла, что мы где-то за городом, по совершенно не свойственной Москве тишине и по высокому зеленому забору – такие окружают только загородные дома людей, желающих подозрительной изолированности от внешнего мира.

Дом за углом забора был большим и квадратным и чем-то походил на те, что дети строят из кубиков «Лего». Никакого дизайна, прямые стены, прямоугольники окон, зато размеры впечатляли. Впрочем, времени впечатляться у нас не было. Нас с Фаяй завели в подвальное помещение и посадили на два стула. За спинами у нас стоял огромный русский бильярдный стол.

Фая пришла в себя только там, внизу, и проявления ее природного инстинкта были точно такими же, как у меня, – она задергалась и попыталась кричать. Я давилась злыми слезами от бессилия, я ничем не могла ей помочь, и я совсем не хотела, чтобы ее били коленом в живот. Как только мне вынули кляп, я крикнула ей, чтобы она успокоилась. Фая увидела меня и побледнела. Так было еще хуже.

– Ну что, начнем? – спросил меня спокойный «шарик». Беспокойный, с разбитым лицом, подбежал и склонился ко мне.

– Что ты ему сказала? Что ты ему сказала, тварь? – крикнул он, плюя мне в лицо. Страх.

– Кому – ему? – спросила я, просто чтобы потянуть время. Я знала, о чем идет речь. Я знала, а Фая – нет. Она не знала о бомбе по имени «Садко». – Ивану Кирилловичу Банщикovu? Вы его имеете в виду? Я ведь с ним встречалась. Только интерес ваш мне непонятен, вы же там были.

– Отойди, Санёк, – процедил спокойный «шарик». – Не мелькай. – И снова повернулся ко мне: – Что же это ты ему решила позвонить вдруг? Ведь уже месяц прошел, а? Что изменилось?

– Думала долго, – пожала плечами я. Он задумчиво посмотрел на меня, и я невольно сжалась, ожидая очередного удара в живот. – Я не буду с вами говорить, разве не понятно? Не буду, пока она тут. Я должна знать, что вы ее отпустили, тогда я все вам расскажу.

– А у меня есть другой план, – отчеканил спокойный «шарик». – Я буду бить твою подружку, пока ты не заговоришь.

– Лиза, остановись. Остановись, черт, – процедила Фая. – Они нас не отпустят, ни тебя, ни меня.

– Подружка моя ничего не знает, – сказала я и посмотрела на сестру с максимальной степенью выразительности. Подружка. Гхм, может быть, они даже не знают, что мы сестры. Может быть, все, что они обо мне знают, – это то, что я встречалась сегодня с их боссом. Позвонив при этом с телефонного номера «курьера» из Краснодара.

– Знает или нет – выясним, – пообещал мне «шарик».

– Отпустите ее, и ваша последняя надежда на спасение, может, и не сорвется. Потому что так-то вы все тут трупы.

– Я тебя саму сейчас грохну, сука! – заорал Санёк. Имя я проговорила про себя трижды, чтобы в случае чего не забыть. Страх.

– Я никого не отпущу, – покачал головой спокойный «шарик».

– Тогда мы в тупике, – как могла спокойно сказала я. – Если у меня нет никакого шанса вылезти из этой передраги живой, то какой смысл мне сейчас откровенничать с вами.

– Такой смысл, что тебя тут сейчас будут очень больно бить, – забросил «крючок» «спокойный». Я нервно сглотнула. Самое сложное – выходить из патового положения, когда тебя в любой момент могут ударить в живот. Или чего похуже. Но патовое положение на то и патовое, что обе стороны игры в нем чувствуют себя максимально хреново. Фактически игра уже закончилась, и нужно просто принять этот факт, понять и простить. Но каждый из нас еще верит, что у него остался ход. Спокойный «шарик» верит, что его ход – это ударить меня в живот. А какие ходы есть у меня? Врать и надеяться, что кто-то купится? Говорить правду и надеяться ровно на то же самое? Как отличить правду от лжи, особенно в мире, где

одно от другого практически неотличимо?

Так ли уж важна истина, чтобы за нее убивать или умирать? Мало кто из человеческого вида готов видеть вещи такими, какие они есть. Слишком страшно, слишком неопределенно. Нам до зарезу необходимо знать, что все будет хорошо. Нам нечего делать в мире, где вероятность этого хорошо – 14,8 %. Я никогда не была сильным человеком, или смелым человеком, или дерзким и уверенным в себе человеком – никем из тех, какими мечтают быть многие мои клиенты. И я даже не мечтала об этом. Сейчас я просто хотела жить. Снова увидеть детей. Расставить все точки над *i*. Начать все заново, не с чистого листа, но заново. Поехать к маме и пожелать ей счастья.

– Ты еще скажи, что ты меня потом не больно зарежешь, – рассмеялась я. – Чик – и я на небесах. Горбатые вы все.

– Что она несет? – Оба «шарика», а также их водитель и третий, который в нашей «беседе» участия не принимал, удивленно переглянулись. Затем спокойный «шарик» сделал шаг вперед и замахнулся. Я сжалась и напряглась.

– Подождите! – крикнула Фая. – Нет!

– Нет, – повторила я одними губами, но было поздно. Фая сказала, что все это – из-за героя.

– Да, Лиза, да. Пусть знают, что им тоже конец. Вы решили всех кинуть, да? Самые умные, да? Вы уменьшили количество заложенного героя в десять раз, набили машину стиральным порошком вместо товара, нашли идиотика-курьера и думали, что вам все сойдет с рук. В этом все дело. Вы хотите знать, знаем ли мы об этом? Да, знаем. ДА! – выкрикнула Фая, подавшись вперед.

– Но как... – выдавил из себя почти онемевший Санёк. – Откуда ты это все...

Мне этот вопрос был тоже интересен. Уменьшили героин, подмешали пустышку?

– Это несложно выяснить на самом деле, если знать, куда смотреть. Достаточно взглянуть на концентрацию героина в смеси, изъятой из автомобиля. Повнимательнее прочитать протокол. Концентрация такая странная, что диву даешься, зачем вообще нужно было разбавлять «Досю». В принципе, задумка гениальная. Я даже не знаю, чего вы хотели больше – избавиться от кого-то или заработать на этом денег.

– Больших денег, – предположила я.

– Ну, конечно, больших. Миллион долларов сразу – неплохо для такой

голытьбы, – согласилась Фая. Нас никто не перебивал, словно над нами был какой-то защитный купол. – Украсть практически весь героин, настучать в полицию и надеяться, что всех неугодных посадят в тюрьму – отличный бизнес-план. Хоть сейчас неси на согласование в Сбербанк. Курьер и ваш собственный босс сядут лет так на десять, а вы поедете в Рио-де-Жанейро прогуливать денежки? Так?

– Нет, Фая, не совсем так, – вмешалась я. – Они ни на что не надеялись, они все контролировали. Такие вещи не пускаются на самотек.

– Что? – Фая повернулась ко мне. Я кивнула. – Они были там. Я видела их битую «бэу», я только никак не могла вспомнить, а тут вдруг нас всех показали по телевизору.

– По какому, на хрен, телевизору? – скривился Санёк.

– Да-да, именно так. Оперативники снимали наш захват. Я не видела операторов, но, может быть, они вообще чем-то встроенным снимали.

– Или дроном.

– Может быть, и дроном, – согласилась я. – Снимали нас, но и вас тоже там зацепили. Я только не сразу соединила концы с концами, но вы были там, на МКАД, в предновогоднее утро. Чуть поодаль, стояли на обочине, прямо этим вашим битым крылом наружу. И следили за всем происходящим, – отметила я.

– Да, Лиза, им же нужно было убедиться, что их босса забрали.

– Нужно, конечно, – согласилась я. – Но вместо него забрали меня. Вот незадача. А теперь уже не отмыться. Ваше участие в этом деле показали по телевизору, а все же знают, что телевидение – оно же никогда не врет. По телевидению только чистую правду показывают.

– Да откуда ты там вообще, в той машине, взялась? – почти прорыдал Санёк, в то время как остальные стояли как громом пораженные. Спокойный «шарик» становился все белее и белее, пока он не стал как мел. Санёк подлетел ко мне, ударил меня по лицу, затем еще раз и еще. Я ничего не могла сделать, я только слышала, как кричит Фаина, и отсчитывала про себя – раз, два, три, четыре, пять. Потом удары прекратились, я даже не поняла почему – ведь никто не попытался Санька остановить. Всем стало наплевать на нас, каждый из этих предателей-«шариков» думал только о себе, а Санёк сполз на пол, вжался спиной в стену и закрыл лицо руками. Я облизнула разбитую губу. Кажется, течет кровь. Щеки горели, как под утюгом, из глаз текли слезы. Я посмотрела на спокойного «шарика».

– Вы можете убить нас. Вас ничто не держит, вам ничто не мешает.

– Думаешь, я этого не знаю? – спросил он. Мы с Фаем переглянулись.

– Но для этого нет никаких причин, – продолжила я.

– Да просто ради удовольствия, – предложил Санёк.

– Я не знаю, получили ли вы уже деньги, но думаю, что нет, – я говорила не с Саньком, а с его напарником. – Ваш босс на свободе, а это, что называется, решающее условие. Пока он на свободе – денег нет. Да вам их теперь никто и не даст. Никто не купит теперь ваш героин.

– Пока не купит. Пройдет время – все купят.

– Возможно, но это время ведь надо еще прожить.

– Вам тоже нужно его прожить. Вам бы дожить до завтрашнего утра!

– Это да, – согласилась я. – А с другой стороны, зачем вам нас убивать? Ну, убьете вы нас, ну, закопаете – а нас потом с какими-нибудь собаками найдут, откопают, и будете вы еще и за нас сидеть. А зачем? Чего мы выдадим? Все и так уже всем известно.

– Не факт, не факт, – пробормотал спокойный «шарик». Кажется, он уже начал *беспокоиться*.

– Да факт, факт, – покачала головой я. – Вы ведь не о том думаете, любезный. Вам не нас убивать нужно, вам бежать нужно. Вот о чем подумайте.

– Хватит! – заорал Санёк и бросился было к нам, но беспокойный «шарик» его остановил. Он молчал и смотрел на меня. Я хотела сказать ему о том, что у меня дети, но вдруг поняла, что для него сейчас это ровным счетом ничего не значит. Другая реальность, другой мир. Он живет на острове, и он Лжец, и не нужно путать его с Рыцарем. Лжец, в отличие от Рыцаря, никогда не скажет правды. Просто не сможет. Таковы уж условия этой задачи. Я молчала и смотрела на него. Я знала – мы не можем победить. Когда нам с Фаей снова вставляли кляпы и надевали на головы мешки, мы кричали, бились и извивались – так повелевал инстинкт. Надежда умирает последней, и иногда – вместе с человеком.

Но не в нашем случае. Нас выкинули на какой-то заброшенной дороге в каких-то лесах. Уже была ночь, когда мы смогли освободиться от мешков и кляпов и развязали друг другу руки.

– Ты как, Лизавета? – тихонько спросила Фая, пока мы с нею брели по пустой лесной дороге из бетонных плит.

– Я жива, – ответила я, и это было единственное, что имело значение сейчас, в этот конкретный момент.

– Вот уж не думала, что твоя речь дойдет до этого пустого черепа с татуировкой.

– Не кажи «гоп». Вдруг они вернутся?

– Думаешь? Мы с тобой тут возились битый час, пока развязывались. Если бы они хотели нас убить, уже убили бы. Нет, они приняли твой добрый совет и уже на пути в Шереметьево. Надеюсь, их самолет разобьется.

– Фая, что ты такое говоришь! Они же там будут не одни, там же будут и другие люди.

– Вечно тебе люди интересны. Покажи мне свое лицо, Лиза. Господи, ну как этот дебильный Санёк тебя отдела, – Фая прикоснулась к уголку моей губы. – Тебе нужно к врачу.

– Сначала нужно дойти до цивилизации. Мы с тобой вполне можем тут заблудиться и сгинуть.

– Не сгинем, не бойсь! – хмыкнула Фая. – Я по лесам не в первый раз брожу. В прошлый раз меня в лес вообще на вертолете сбросили, между прочим. Нет, ну зачем он тебя бил-то?

– Да просто нервы у мужчины никакие. Буквально ни к черту, – я шмыгнула носом. – Тем более, кажется, ему досталось за меня по полной программе. Утром он в этой машине был еще без синяка.

– Ты еще его пожалей, – Файка фыркнула. – И психотерапию ему предложи.

– Кстати, о психотерапии! – воскликнула я. – А где Игорь? И как ты оказалась в руках этих уродов?

– Кстати, о психотерапии, – повторила она возмущенно. – Будь проклят тот день, когда я получила права. Не водила столько лет, не стоило же и начинать, а? Я, собственно, приехала к тебе все это сообщить, открыла дверь своим ключом, а в этот момент на меня сзади набросился этот бритоголовый с татухой. Запрятался у мусоропровода и ждал.

– Принял тебя за меня.

– Ну, как бы да.

– А Игорь? – переспросила я.

– Ах да! – и тут Фая стукнула себя ладошкой по лбу. – Совсем забыла! Сережа твой нашелся.

– Что? – я аж остановилась посреди дороги. – Как – нашелся? Сам?

– Ага, сейчас – сам. Когда это твой Сережа находился сам, а? Когда передачу вашу показали, которую я, кстати, даже не видела, Сережу узнали соседи и вызвали полицию. В общем, его арестовали.

– В Воронеже? – спросила я грустно. – Соседи в Воронеже, да?

– Почему в Воронеже? – удивилась Фаина. – У нашей мамы на даче. Он там прятался все это время.

– Вот черт!

– Да ты никак разочарована, сестрица? Ты ли это? Не узнаю тебя! Ты что, боялась, что он у своей бывшей женушки? Хотя, с другой стороны, это не такая уж бредовая идея. Мог и туда податься. Но не волнуйся, не изменял тебе твой драгоценный муж. Сидел на маминой даче, пока за ним не прислали бригаду. Второй раз не убежал. Игорь сейчас маминого жениха... Нет, не могу я это слово выговаривать. Все-таки оно какое-то в отношении моей мамы противоестественное. В общем, Игорь повез Даниила Семеновича в областное отделение полиции. Мама осталась с детьми.

– На какой машине?

– На его машине, этого... Даниила.

– У него есть машина?

– Да, ты знаешь, у него есть машина и еще и квартира в Москве, где-то в районе Красных Ворот. И он оказался адвокатом, собственно. Что-то по правам человека.

– Ничего себе! – присвистнула я. – Мама дает прикурить. А чего он сам не поехал?

– А... так Даниил же выпил. Воскресенье, к ним там друзья приехали, они что-то отмечали, кого-то провожали куда-то. А Даниил, он не ездит, понимаешь, пьяным за рулем. Вот ни за что. Так что... не беспокойся, сейчас о твоём муже уже заботятся. О, смотри, кажется, там дорога. Ты как, не задубела еще совсем? – и мы прибавили шаг. Потом я тихо плавила от счастья, сидя на продавленном сиденье местной маршрутки. Люди посматривали на меня – мое лицо было разбито, губа в крови, так что их можно было понять. Но я была жива, я сидела в тепле, я ехала домой, и ничто не могло испортить моего настроения. Даже тот факт, что, несмотря на все мои надежды, мой муж мне *не* изменял.

Глава двадцатая. Время за нас

Конечно, мы не рассказали в полиции всей правды, и дело даже не в том, что мы боялись преследований со стороны нашего Садко. Хотя отчасти... чего уж там греха таить... и его мести мы тоже боялись. Особенно я. Учитывая тот факт, что его собственные придворные «шарики» чуть было не посадили его в тюрьму, подставив и обокрав, я не стала рисковать, пытаясь посадить его в тюрьму за что-нибудь еще. И потом, Максим Алексеевич, то есть Андреевич, – я не верила ему. Не могла ничего с собой поделаться. Да, он стал другим, он стал нежен и ласков и смотрел с сочувствием на мое разбитое лицо и на справки от врачей, которые снимали побои. Но я не могла не помнить его сухого взгляда и пожатия плеч. Мать двоих детей? И что теперь?

– Значит, вы говорите, напали неизвестные?

– Совершенно неизвестные, – подтвердила я. – На черной грязной «БМВ», могу номер сказать.

– И о том, что ваш муж прятался на даче вашей матери, вы ничегошеньки не знали? – интересовался следователь.

– Давайте проясним, в каком статусе тут находится моя клиентка? – ответил ему Даниил Семенович, протягивая мне очередной бумажный платок. Это все нервы, я постоянно то плакала, то чихала. – И с какой целью вы интересуетесь?

– Просто хочется узнать все обстоятельства дела, – холодно процедил Максим... черт его знает, как его по отчеству.

– Какого дела? По какой статье? В качестве свидетеля? Однажды моя клиентка уже провела целые сутки в камере, хотя для этого не было никаких причин, – и Даниил Семенович вернул следователю такую же холодную улыбку. Через час с небольшим я была дома. Через пять часов домой приехал Сергей в сопровождении всей нашей родни. Тут были все – и Фая с Апрелем, и мои дети, и Майка с Ланнистером, и мама со своим женихом. То, что все они стояли вместе в одном коридоре и не орали друг на друга, было огромным прорывом. Я не могла поверить своим глазам.

– Это ли не чудо? – щебетала мама, а Фаина смотрела на нас, как ежик, которому налили молока, но который при этом все-таки боится подходить ближе. Мало ли чего можно ожидать от Даниила Семеновича – помимо способности вносить смуту и вбивать клин в коварные планы следователей.

Впрочем, даже Фаина нехотя согласилась, что как адвокат Даниил Семенович очень даже ничего.

– Ничего? – спросил Сережа, а глаза его расширились от возмущения. – Ничего? Это после того, как он буквально спас меня? Буквально вернул мне надежду, даже жизнь?

– Ну-ну, не стоит, – скромно отвечивал мамин жених, потупив взгляд. Просто не адвокат, а красна девица, которой сказали непристойность. В моем кармане снова завибрировал телефон. Я достала его, посмотрела на номер звонившего и сбросила звонок.

– Нет, как раз стоит, – продолжал Сережа. – Как он этого хлыща полицейского отдела! Несоответствие действий и причин! Как сказано, а? Побег был вызван состоянием аффекта. А наркотики – это не к нам. Отпечатков пальцев на упаковках с героином нет, даже на пластиковых крышках другие отпечатки. Доказательств того, что я знал о наркотиках, тоже не было, оказывается. Все контакты я передал следствию, сотрудничал.

– И вообще вел себя молодцом, – кивнул Даниил Семенович. – Если бы еще с самого начала не убегал, вообще было бы здорово.

– Да уж, было бы куда проще, – кивнула Фаина и бросила короткий взгляд на меня. Я невольно прикоснулась к разбитой губе, и Сережа отвернулся.

– Да кто же знал! – воскликнул он.

Я тихо сидела в уголке на табурете и смотрела на него. Мы не виделись больше месяца, но мне казалось, что мы не виделись целую вечность. Что я вообще его не знаю, впервые вижу. Красивый мужчина со светлыми волосами, достаточно молодой, бледный, как молодой ученый перед защитой диссертации. Его глаза подозрительно блестят, он явно счастлив быть дома, вернуться ко мне. И он не прятался в Воронеже, он прятался у моей мамы на даче. Место, о котором никто ни разу не подумал. Наши дачи – о них совершенно забываешь в феврале, словно их вообще не существует. Поехать туда было умно, очень умно. Соседей там почти не было, дороги замело, свидетелей – ноль. Есть время подумать. Интернет, правда, не очень, и иногда все-таки приходится выходить в люди, добывать себе пропитание. Так он и сгорел, его опознали в деревне – там смотрят телевизор. Там телепередача – это жизнь. Тем более такая интересная, как «Чрезвычайное происшествие».

– В самом деле, я не мог даже представить себе, что человека, скрывавшегося от полиции, могут отпустить вот так, в тот же вечер, – восхищенно кивнул Игорь Апрель. Он стоял рядом с Фаей,

интеллигентный Дэвид Духовны в идеально сидящих на нем брюках и в темно-зеленом свитере из тонкого кашемира. Он обнял Фаину за талию так, словно держал ее в капкане, не желая отпускать от себя дальше чем на десять сантиметров. Впрочем, она не возражала.

– Я был бы удивлен, если бы они его не отпустили. Объяснения Сергея Ивановича были последовательными и содержательными, к преступлениям – надо заметить, к обоим, – он не имеет отношения, следствию он очень помог. Благодаря только ему, – и тут Даниил Семенович сделал особый акцент и посмотрел на меня. Я кивнула. – Только благодаря Сергею Ивановичу раскрыта сеть поставок наркотиков из Краснодара. И пролит свет на происшествие в Воронеже – на стоянке грузовиков.

– Так ему еще грамоту дадут, – хмыкнула Фаина.

– А мне дадут? – выскочил из-за дивана Вовка.

– Почему нет? – улыбнулся Сережа. – Нам обоим дадут, а, сынок?

– Да!

– Ты-то им раскрываемость повысил. А Вовке за что? – спросила Майка. Я же повернулась к маме и поймала взгляд ее тихого, приятного жениха. Как это у нее получается из всей огромной толпы людей, живущих на планете Земля, находить таких вот мужчин, как мой отец, как ее новый будущий муж? Почему это не передается по наследству?

– Спасибо вам большое, Даниил Семенович, честное слово, я просто не знаю, как сказать... – начала было я, но сбилась и заплакала, сама не знаю, почему. Там, в этом подвале, сидя на полу перед бильярдным столом, я с какой-то невыразимой ясностью увидела всю свою жизнь. Все было неважно, кроме людей. Все остальное не имело никакого значения, но люди вокруг были невероятно важны, на их дыхании держалась вселенная.

– Лиза, ты что! Все кончилось, все позади, все хорошо! – бросилась ко мне Фаина. – Все теперь будет прекрасно, вот увидишь. Сережа твой вернулся, мама выходит замуж за хорошего человека, – и тут Фаина бросила виноватый взгляд на маму. Та усмехнулась со свойственным ей снисхождением взрослого. Мол, дети-дети, чего с них взять. – Мы теперь все помирились и ни за что не расстанемся. Вот давайте возьмем и все вместе поедem на дачу. Заодно посмотрим, чего там твой муж понаделал.

– Я ничего не понаделал, – возмутился Сережа. – Там полиция понаделала делов, разрушила забор, дверь выломала. Но я все починю. Поедemте, я только за!

– Мама, поехали в следующие выходные на дачу? – спросила Фаина. – Возьмем Вовку, Ваську. Знаешь, кого еще можем взять? Тут Лиза в городе

встретила Геру Капелина, представляешь. Геру помнишь? Папин любимый аспирант.

– Я помню, – сказала мама, отведя взгляд в пол. Что-то было не так. Она растерянно посмотрела на своего Данилу, взяла его за руку и выдохнула, словно собиралась исповедоваться перед нами. От волнения я вскочила с табурета.

– Нет! – попросила я.

– Что – нет? – удивилась Фая, глядя на меня, но я не сводила взгляда с маминого лица. Она смотрела на меня, как доктор, которому предстоит сообщить неприятный диагноз. Я покачала головой, и тогда мама подошла ко мне и положила руку на мою ладонь, сжала ее.

– Я давно хотела сказать, но не знала, как. Я хотела еще тогда, у Фаечки дома, но все переругались...

– Сказать о чем? – нахмурилась Фаина, а я снова замотала головой. Я не хотела ничего слышать, я не хотела новостей. Я не хотела, чтобы мир снова разогнался и полетел по своей траектории в будущее, я хотела бы сидеть на острове и слушать папину сказку о рыцарях и лжецах. Но наша вселенная расширяется, и ничего с этим нельзя поделать.

– Мы с Даниилом Семеновичем улетаем, – пробормотала мама, вздыхая. – Собственно, поэтому нам и нужно пожениться. Мы улетаем через две недели. Вам придется починить мою дачу без меня.

– Улетаете – куда? – спросили мы с Фаей хором.

– В Йемен.

– Что? – вытаращились мы. – Нет, невозможно. Зачем? Почему?

– Потому что эту командировку мы планировали весь последний год. Даниил Семенович едет туда как специалист по защите прав человека, я сопровождаю его в качестве супруги.

– Господи, и ты молчала?

– Я пыталась. Я хотела тебе объяснить, почему нам обязательно именно официально жениться и что происходит.

– Не очень, значит, пыталась.

– Я молчала, потому что ты кричала, – возмущенно фыркнула мама, и они с Фаей принялись перебивать друг друга и размахивать руками. Какой, к чертовой бабушке, Йемен, это же безумие. И что, что охрана. Не знаю, не знаю, почему именно ты? Ты же мать, ты же бабушка. Он тоже – что? Бабушка? Простите, Даниил Семенович, может, вы и хороший специалист, но Йемен? Да, я знаю, что дети погибают. И голодают. Да что вы от меня хотите, это же моя мать!

– Мама, ты ведь вернешься? Ты обещаешь? – спросила я тихо, и мама

кивнула.

– Я должна поехать.

– Надо же, я совсем тебя не знаю. Я тут недавно обнаружила, что совсем не знаю людей вокруг меня. Я кого-то люблю, кого-то терплю, кого-то ненавижу, но никого не знаю – даже себя. Это так странно, потому что я же всю жизнь жила в полной уверенности, что я разбираюсь в людях.

– Разбираться и знать – это не одно и то же, – заметил вдруг Апрель. – Я вот тоже вроде разбираюсь в людях, но тоже никого не знаю.

– Почему так?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Может быть, потому, что никто никогда не говорит всей правды и даже не думает ее. Или потому, что люди – это вовсе не константа, они не могут быть познаны, как нельзя понять до конца этого Фаинового кота Шрёдингера. Можно только принять его условное существование, принять то, что он есть и его нет в одно и то же время, и то, что он мертв и жив сразу. Знать такие вещи невозможно, но жить рядом с ними вполне можно.

– И даже выстраивать целые теории, – влезла Фаина.

– И даже выстраивать теории, с помощью которых потом делать мобильные смартфоны и летать на Луну, да? – улыбнулся Игорь. – Поедем домой, Фая?

– Мама, я не смогу тебя отговорить? – спросила моя сестра, стоя уже в дверях.

– Нет, дочка, но ты можешь прийти на мою свадьбу. Это для меня очень важно.

– Я приду, – кивнула Фая, и они ушли – шумная стайка воробушков. Майка оставила Ланнистера – к ней снова приехал ее Константин. Я только покачала головой. Да, конечно. Кот может побыть тут, у нас, до утра. Сережа поморщился, он тоже не очень любил котов. Я посмотрела на него, и он промолчал, не стал возражать. Потом сказал, что пойдет уложит спать Вовку. За все это время мы не сказали друг другу и пары слов, мы оба вели себя как шпионы, которые еще не знают, что их «спалили». Два незнакомца в одной спальне. Пять лет в одной спальне с человеком, который не любит котов.

– Сережа, – окликнула я его, когда он уже стоял в дверях.

– Да, Лиза? – спросил он, пропуская Вовку вперед.

– Я очень рада, что ты свободен и тебе ничего не грозит.

– Да, я знаю, это просто удивительно. Я ни на что уже не рассчитывал. И я понимаю, что это все – ты.

– Это все совсем не я, – покачала головой я. – Это все просто так

сложилось. Результат выбора, сделанного в темноте и с завязанными глазами.

– О чем ты?

– Ни о чем, не важно. Я просто рада, что у тебя все хорошо.

– Спасибо, – кивнул он. Сама вежливость. Когда-то мы стояли на кухне и кричали друг на друга, как сумасшедшие. А теперь вот – спасибо.

– Не за что, – кивнула я. – Сережа, я хочу, чтобы ты ушел.

– Куда? – опешил он. – Сейчас? Почему?

– Нет, не сейчас, – поправилась я. – Я просто хочу, чтобы ты ушел, Сережа. От меня. Потому что я тебя не люблю. И ты меня не любишь.

– Я люблю тебя, – сказал он, но я пропустила его слова мимо ушей. Они ничего не значили. Слова вообще мало значат, они только делают вид, что в них есть смысл, но на самом деле его там нет. Я присела на корточки и принялась чесать Ланнистера за ухом. Сережа стоял в дверях и смотрел на меня – молча, как будто в шоке. Затем он развернулся и ушел в комнату к Вовке.

Глава двадцать первая. Между прошлым и будущим

Я увидела это во сне и тут же проснулась. Я знала ответ, и от этого меня трясло. Было так жарко, словно я была не дома, а в печке у Бабы Яги, и я лежала в кровати, отбросив одеяло, вспотевшая, больная, как в лихорадке. Я вскочила и побежала на кухню, сама не поняла, зачем. Только добежав туда, я поняла, что совсем не знаю, что мне делать дальше. Открыв кран, я жадно прильнула к нему и пила прямо так, от холодной струи, позволяя воде залить мне лицо, намочить и без того влажные от пота волосы. Сережа спал тут же, на кухне, но я вспомнила об этом, только когда повернулась – мокрая, ненормальная со сна, все еще в потрясении от мысли, такой простой и страшной в этой своей простоте, что я не знала, куда себя девать.

Я замерла и перестала даже дышать, я слушала ровное дыхание мужа, которого я бросила, которого я когда-то так любила. Сережа принял мой отказ с равнодушной покорностью, которая должна была меня покоробить, но не покоробила. Я заслужила это. Все лжецы рано или поздно должны прозреть и увидеть правду. Только так становятся рыцарями.

Сережа мирно спал. Его одежда лежала аккуратной стопкой рядом с кухонным диванчиком, сам он помылся, но от одежды еще пахло дымом от костра. Он топил печку в мамином доме и так грелся, он весь пропах дымом, и руки его почернели от сажи, которая все еще была у него под ногтями. Это было так непривычно, стоять рядом с ним, осознавая, что я ничего к нему не чувствую. Ничего плохого, ничего хорошего – только какую-то странную, тихую грусть.

Об мои голые ноги потерся Ланнистер.

– Сирота ты, сирота. Пойдем, я дам тебе колбасы, – прошептала я, осторожно приоткрывая дверцу холодильника. Ночью его свет был ярче, и я зажмурилась, как от боли. Ланнистер спокойно ждал, царственная особа с хвостом, пока я извлеку из недр забитого мамой холодильника заветный кусок «Докторской», а затем все так же, не мяукая, побежал за мной. Я пришла в комнату и села на кровать. Ночь на дворе, о чем ты, Лиза, куда тебя несет. Ложись спать, может быть, ты еще и не права, а людей перебудишь.

Сколько сейчас времени во Владивостоке? Черт, что я делаю? Я набирала номер мамы-жирафа.

– Елена Михайловна? – пробормотала я, сидя на подоконнике. Московская ночь сияла, как рождественская гирлянда.

– Кто это? – сонный голос, будущая Фаина свекровь еще не до конца проснулась, но уже негодовала.

– Это Лиза Ромашина, сестра Фаины. Вы извините, что я вас разбудила, – в ночной тишине мой голос звучал так громко, что я все время боялась кого-то разбудить. Но даже Василиса спала. Елена Михайловна помолчала, а потом чем-то зашелестела, наверное, надевала халат.

– А сколько времени?

– Я не знаю, честно.

– Что-то случилось? Что-то с Игорем?

Я вдруг поняла, как выглядит мой звонок со стороны, и похолодела.

– Нет-нет, что вы. Все в порядке. Господи, я не хотела вас напугать, мне просто очень нужно...

– Что? – спросила Елена Михайловна, уже не скрывая недовольство в голосе. – Что вам нужно в четвертом часу ночи?

– Скажите, Анна – она ведь умерла, да? – спросила я и тут же пожалела, что позвонила. Вот дура! Людей бужу и пугаю ни за что, ни про что. И этот сон, этот полный бред, плод моего больного воображения. Все из-за Капелина, это он меня расстроил и напугал. И звонил весь вечер не знаю зачем. Чтобы еще раз предложить свою помощь? Не нужно, спасибо, у нас свои адвокаты в семье – как у всех уважающих себя наркоторговцев.

И только тут я вдруг поняла, что Елена Михайловна молчит.

– Вы меня простите, – пробормотала я. – Я не знаю, зачем я позвонила. Я просто подумала... не важно, это все не стоит. Я прошу вас, простите меня...

– А Игорь... – спросила она, голос-призрак, эхо старой записи на пленке-катушке. – Игорь тоже знает?

– Я... не понимаю. Это что, правда? – выдохнула я. Елена Михайловна молчала. Тогда я попыталась сформулировать вопросы, но каждый из них был недостаточным, не подходил к масштабам того, что я узнала. Почему? Как такое возможно? Что за ерунда? И что, она это знала все эти годы? Ведь это же бесчеловечно!

– У нее не было никаких шансов, все выяснилось так поздно, слишком поздно. Ее родители были в отчаянии, они буквально заставили ее уехать в

Израиль.

– Она никогда его не бросала, никогда не предавала, – я закрыла рот рукой, чтобы не закричать.

– Нет, никогда. Аня боялась, что Игорь поедет за ней, что будет мучиться с нею, не хотела, чтобы он страдал.

– Но он страдает. И он живет с этим по сей день, – сказала я. Елена Михайловна замолчала, пытаясь взять себя в руки.

– Он знает? – спросила наконец она. Теперь уже замолчала я.

– Нет. Я сама догадалась случайно. Игорь ничего не знает.

– Анна потребовала с меня клятву, понимаете. Она была такой... ей было невозможно перечить, – Елена Михайловна всхлипнула. – А Игорь ее так любил. Вы были правы, такую любовь никогда не забываешь, с нею живешь, как со шрамом от операции на сердце. Выжить можно, забыть – ни за что. Я знаю, да, это было неправильно.

– Что вы знаете? – возмутилась я. – Что именно вы знаете? Он забрал себе ее цветы, он до сих пор каждый день поливает их. А вы никогда не думали, что ваш сын имеет право знать?

– Возможно. Или нет. Я ни в чем не уверена, – пробормотала Елена Михайловна. – Решайте вы сами.

Я почувствовала себя бесконечно усталой и старой, мне захотелось свернуться калачиком и ни о чем не думать, ничего не решать. Но я уже знала – это так не работает. Можно еще немного потянуть, попробовать отложить, взять еще немного времени взаймы у кармы, но потом станет еще сложнее. И не заметишь, как пролетят годы. И проценты накопятся такие, что никакой рассрочкой не спастись.

Я встала, быстро оделась, посмотрела на спящую Василису – она не проснется как минимум часов до шести утра, если только не орать в комнате и не мяукать. Если что, ее отец спит в кухне на диване. Я растолкала Сережу, объяснила ему ситуацию и, подхватив телефон, выскочила из квартиры. От меня до сестры было около получаса пешком, летом это – рукой подать, а зимой – что ж, полезная для здоровья прогулка быстрым шагом. Очень быстрым. Бегом. Пока я вдруг не услышала крик.

– Лиза!

Я припустила еще пуще, но затем остановилась и развернулась. «Шарики» – нет, это не могут быть они. Их уже унес самолет «с белым крылом», на них уже охотится Садко, им не до меня.

– Гера? Господи, ты с ума сошел? Ты что тут делаешь? – ко мне от запаркованной машины бежал Капелин.

– Я что делаю? Ты что тут делаешь – в такое время? Господи, что у тебя с лицом?

– Я иду к сестре, – ответила я и уперла руки в бока. – Меня сегодня били по лицу бандиты. Теперь твоя очередь.

– Я... тут думаю, – заявил Капелин, осматривая с деловитым видом мои раны. Его заботливое, злое, недовольное лицо было так близко, и я вдруг подумала: господи, какой же он красивый-то, оказывается. Удивительная красота, а издалека-то и не видать. Вот чудеса.

– Значит, думаешь, – повторила я, отстраняясь, и Герман кивнул.

– Да. Я думаю.

– Былое и думы, – процедила я. – А чего тебе дома не думается?

– А чего ты трубку не берешь? Я звонил тебе весь вечер. Я хотел убедиться, что с тобой все в порядке.

– Убедился? – спросила я.

– Ну... теперь да.

– Имей в виду, я знаю, что ты звонил Файке, – поделилась с ним я.

– Знаешь? Вот черт, – сконфузился он.

– Да. Знаю. И даже то, что ты в курсе того, что со мной все хорошо, – с самого вечера, как нас отпустили из полиции. Файка тебе все сказала, сдала меня с потрохами. Так что же ты тут делаешь, товарищ аспирант? И чего ты мне телефон оборвал?

– Я хотел просить прощения. Да, я должен был сказать тебе это – я не знаю, почему я поверил, что ты... что вы с мужем... что наркотики в машине...

– Ну, поверил ты, что мы всей семьей торгуем героином, и чего такого? – спросила я, улыбнувшись. – В конце концов, об этом же сказали по телевизору, а он-то – истина в последней инстанции. Я сегодня в этом уже не раз убеждалась. Так что не за что тебе извиняться, это пусть телевидение извиняется за дезинформацию.

– Лиза, паясничаешь?

– Не без этого, – согласилась я.

– Я и перед мужем твоим хотел извиниться, – продолжил Капелин.

– И перед мужем моим, даже так? – рассмеялась я.

– Я не должен был судить человека, даже не зная его. Я не должен был...

– Даже приближаться ко мне, потому что я замужем и у меня дети? – Я вдруг как-то резко снова стала серьезной. Капелин отвернулся, потом кивнул.

– И приезжать сюда я не должен был, и звонить тебе не должен был.

– Но ты здесь, – сказала я. – Почему?

– Я не такой человек, понимаешь? – зло крикнул он. – Я никогда никого не уводил из семьи, я вообще ненавижу такие истории и презираю таких людей, понимаешь? Это просто какое-то свинство с моей стороны. Я не знаю, почему я здесь. Какое-то глупое чувство, будто мы о чем-то не договорили с тобой.

– Недоработанный гештальт, – пробормотала я.

– Что? – Капелин смотрел на меня без тени понимания. Конечно, он же физик, он же не психолог, откуда ему даже слова-то такие знать. Я улыбнулась.

– Ты почему без шапки? – спросила я. – Сам же мне говорил, что мозги – это важно, а свои простужаешь. Твои мозги – это же твой рабочий инструмент, так, да? А ты их морозишь.

– Лиза! – взмолился он. Тогда я подошла к нему ближе, поправила сбившийся воротник куртки, а затем взялась за него двумя руками и подтянула Капелина к себе.

– Ну, ты и длиннющий, – пробормотала я и на секунду замерла, поймав его изумленный взгляд. Ничего, ровным счетом ничего ты обо мне не знаешь, Герман Капелин. Я прикоснулась своими губами к его губам, и в первую секунду он даже не поверил, что я это сделала. Он стоял не шевелясь, не отвечая, но и не отстраняясь, словно пытался убедиться, что это не шутка и я не случайно поцеловала его, поправляя ему воротник. Я закрыла глаза и вдохнула его запах, незнакомый, пока еще совсем чужой, приятный, чем-то напоминающий о французских кофейнях. Его губы были жесткими, обветренными, теплыми. Его щеки были ледяными, колючими. Потом я открыла глаза и отстранилась.

– Тебя просто невозможно понять, – сказал Капелин.

– Да, да, – кинула я, скользя взглядом по его губам.

– Ты невыносима, – повторил он перед тем, как прижать меня к себе. Он поцеловал меня так, что мне стало больно, и ранка на губе снова засадила. Наплевать. Я целовалась, и смеялась, и просила его не останавливаться – ни за что, никогда. Но это было невозможно, к сожалению. Во всем виновата московская погода, слишком холодно для бесконечных поцелуев. Капелин оторвал себя от меня – явно с большим трудом – и заглянул мне в глаза.

– Что мне с тобой делать, Лиза, а?

– Отвези меня к сестре, пожалуйста, – попросила я. Тогда он кивнул и, не задавая никаких вопросов, помог мне сесть в машину. Уже в салоне я вдруг спросила Германа, любит ли он котов.

– Ты это так шутишь или что?

– Нет, я вполне серьезно, – покачала головой я. Тогда Герман подумал и вдруг фыркнул, махнув рукой в воздухе.

– Любишь – не любишь! С котами вообще-то не так все просто. Тут ведь что главное, чтобы коты тебя полюбили. Потому что тут ведь на самом деле именно коты все и решают. У меня в детстве был кот, так он людей насквозь видел. К хорошему человеку он на колени прыгал, у плохого и колбасы не брал. Коты – они высшая раса.

– В точку, – кивнула я и переключила радиостанцию на магнитоле, точь в точь как это обычно делала Фаина.

Через несколько минут мы заходили в квартиру к сестре. Та выбежала к нам в наскоро наброшенном халате. Конечно, она перепугалась, она, как и я, давно уже ожидала от жизни любого кошмара. За окнами еще даже не начало светлеть, и теплый свет от настенного светильника делал нас всех чуточку краше, чем мы есть на самом деле. Игорь Апрель, неожиданно молодой в белоснежной майке и шортах в крупную клетку, босой, невозмутимый, как всегда, пожал Капелину руку, а потом поставил чайник и принялся стряпать какие-то бутерброды, словно в этом не было совершенно ничего ненормального – в моем визите к ним домой в такое время.

С Файкой поведешься, не к такому привыкнешь.

На подоконнике в кухне стояло несколько горшков с цветами. Я увидела их и вздрогнула, вспомнив разом, зачем я здесь. Зеленые, полные жизни, ухоженные растения – Фая говорила, что Игорь забрал некоторые цветы из офиса, «потому что им там было чего-то как-то плохо». Иногда, когда Игорь был занят, Фаина сама их поливала – по его просьбе.

– Ничего не хочешь пояснить? – спросила меня сестра, затащив в коридор. Она ткнула меня пальцем в бок. – Ну, говори!

– Больно же! – ахнула я.

– Гера Капелин? В четыре часа утра? Seriously?

– По-моему, самое время, – ответила я.

– Где ты вообще его взяла? Ты никогда не перестанешь меня удивлять, сестрица!

– Очень на это надеюсь, – улыбнулась я, а затем сделала то, чего Фаина ожидала от меня меньше всего. Я обняла ее двумя руками и крепко-крепко прижала к себе, наплевав на ее вопли и возражения. И стояла,

удерживая ее так близко, что она могла чувствовать биение моего сердца, а я – ее. Ее сердце выпрыгивало из груди.

– Ты только не волнуйся, – попросила я. – Ты только помни, что я рядом, что мы все – рядом, даже когда мы далеко, даже когда мы в Йемене или еще черт-те где. Мы все вместе, и ты почувствуешь это, если закроешь глаза и просто мысленно вспомнишь обо мне.

– Ты сейчас что, делаешь какой-то внеплановый психологический эксперимент надо мной? В режиме реального времени? Эй, сестрица моя, ты меня отпустишь? Нет? Ну ладно, будем так стоять. Но ты помнишь, что я по твоим же психологическим тестам – типичный интроверт недобитый, и для меня любой физический контакт с другим человеком – это всегда пытка. В четыре часа утра особенно. То есть ты осознаешь, что, обнимая меня, ты причиняешь мне нравственные и физические страдания. Прямо как статья из Уголовного кодекса.

– Я все осознаю, – кивнула я. – Ты готова?

– К чему? – спросила Фаина, следуя прямо за мной, след в след. Капелин стоял в дверном проеме, опершись на локоть, а Игорь поставил на стол чашки для чая и вопросительно посмотрел на меня, словно он знал, что я собираюсь сделать и зачем я пришла. И вдруг я поняла, как важно то, что я сейчас собираюсь сказать, и как долго, как бесконечно долго он, Игорь, ждал этого дня. Я кивнула ему и грустно улыбнулась.

– Как всегда – всего лишь сделать шаг в неведомое будущее...

notes

Примечания

1

Soulmate (*англ.*) – родственная душа, идеальный уникальный партнер, вторая половинка.

Собака Тоби, бульдог – фигурировала в одном из рассказов о Шерлоке Холмсе Артура Конан Дойла.